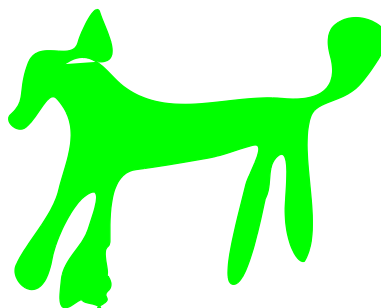

БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 2

**Калужская духовная семинария
2005**

ББК 86.372
Б81

*По благословению Высокопреосвященнейшего Климента,
митрополита Калужского и Боровского*

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА**

Председатель редакционного совета – митрополит
Калужский и Боровский Климент, кандидат богословия, ректор
Калужской духовной семинарии

Члены редакционного совета:

Протоиерей Николай Казаков, проректор по учебной
работе Калужской духовной семинарии

Б81 Протоиерей Александр Кадин

Протоиерей Ростислав Снигирев, кандидат богословия,
магистр социологии

Протоиерей Андрей Безбородов

Протоиерей Андрей Лобашинский

Протоиерей Димитрий Моисеев

Иерей Василий Петров

Иерей Роман Глыбовский

Иерей Иоанн Паюл, кандидат богословия

Ответственный секретарь – Алексей Король, кандидат
богословия.

ISBN 5-902685-02-8

© Калужская духовная семинария
© Калужское епархиальное управление

БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ КАК ОСОБАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Как известно, трагический для России XX век оказался трагическим и для Православия — как для всей нашей Церкви, так и для отечественной богословской науки в частности. За чертой 1917 г. остались труды таких подвижников на ниве библейской археологии, как профессора В. Иваницкий, А. Олесницкий, С. Песоцкий, В. Рыбинский. За этой чертой остался и Музей библейских древностей при Киевской духовной академии, создававшийся протоиереями А. Ковальницким и К. Фоменко, систематизаторская работа профессоров А. Лопухина и Д. Введенского, а также работы и светских востоковедов — Б. Тураева, Е. Кагарова — и церковных авторов — Н. Колечицкого, Н. Кондакова, П. Лашкарева.

А за рубежом в XX в. настало время расцвета библейской археологии как отдельной науки, созданной трудами таких известных ученых, как Р. де Во, В. Олбрайт, К. Кеньон, Н. Глюк, Й. Ядин, Й. Ахарони, Н. Авигад и другие. Сложились отдельные школы библейской археологии — европейская, американская, и израильская. Кроме таких фундаментальных трудов по библейской археологии, как «Encyclopaedia of Archaeological Excavations in the Holy Land», «New Encyclopaedia of Archaeological Excavations in the Holy Land», «New International Dictionary of Biblical Archaeology» и «The Oxford Encyclopaedia of Archaeology in the Near East», для публикации текущих исследований были созданы специальные периодические издания: «Annual of the American Schools of Oriental Research», «Bulletin of the American Schools of Oriental Researches», «Israel Exploration Journal», «Journal of the American Oriental Society», «The Journal of Near Eastern Studies», «Biblical Archaeologist» и многие другие.

Отечественное же востоковедение было настолько идеологически ангажировано, что работы советских авторов могут служить лишь дополнительным источником информации по проблемам библейской археологии. Ярким подтверждением этому являются труды

таких отечественных кумрановедов, как И. Амусин, А. Варшавский, М. Елизарова, И. Кацнельсон, С. Ковалев, М. Кубланов, Г. Лифшиц, К. Старкова, Г. Штоль. Для православных же учебных заведений оставалась лишь систематизаторская деятельность в изолированных областях библейской археологии, представленная такими именами как епископ Михаил (Чуб), протоиерей, профессор Г. Каледа, протоиереи Н. Диваков, П. Русак и А. Шокало, диаконы Г. Дзичковский и А. Покладов.

Незамеченными в отечественной богословской науке остались и дискуссии 1960–1980 гг. о так называемом крахе библейской археологии или, правильнее говоря, завершении того периода в ее развитии, который был начат еще в XVII–XVIII вв. Как известно, результатом этих дискуссий стала трансформация зарубежной библейской археологии в археологию Ближнего Востока, базирующуюся на концепции региональной археологии. В то же время значение библейской археологии как особой богословской дисциплины в настоящее время чрезвычайно возросло. Чтобы понять причины этого, следует сказать, каковы же цели и методы этой науки.

Как известно, археология — это наука, изучающая человеческое прошлое по вещественным памятникам. Самый термин состоит из двух греческих слов: *αρχαίος* «древний» и *λογία* — «слово, знание». Впервые ввел в обиход это слово греческий философ Платон (427–347 до Р. Х.). Под термином «археология» Платон понимал науку о древностях в самом широком смысле. В XVIII в. этим словом стали обозначать историю древнего искусства, и поныне в ряде стран термин археология означает «искусство древнего мира».

В большинстве западных стран первобытная археология относится не к историческим, а к биологическим или другим естественным наукам, и археологи работают большей частью на факультетах антропологии. Отечественная же археологическая наука занималась и занимается изучением первобытных, античных и средневековых вещественных источников, реконструируя на их основании возникновение и развитие материальной, общественной и духовной жизни людей.

Археологические источники можно объединить по их назначению, это: строения, орудия труда, предметы быта, оружие, культовые предметы. Наиболее распространенными археологическими памятниками являются, во-первых, поселения, то есть места, на которых в древности жили люди, оставившие следы своей деятельности.

Второй вид археологических памятников — погребения, хорошо иллюстрирующие не только быт древних, но и их религиозные представления. Третий вид археологических памятников — отдельно стоящие святилища.

Понятие археологической культуры включает в себя комплекс относительно одновременных памятников со сходным инвентарем и занимающих одну территорию. Иногда археологическая культура принадлежит одной этнической общности людей, связанных единством происхождения, языка, материальной и духовной жизни или же общности, возникшей на базе прочного единства хозяйственного и духовного развития нескольких родственных между собой групп населения.

Археология как наука имеет свой предмет исследования и свои, присущие только ей, методы накопления и изучения источников. Работа археолога складывается, как правило, из трех больших этапов.

Первым этапом археологического исследования являются разведка и раскопки археологических памятников, совокупно называемые полевыми работами. Разведка осуществляется пешим обходом всей обследуемой территории с внимательным ее обзором и описанием, при этом могут применяться и технические средства. Еще в начале XX в. с воздушного шара был сфотографирован остаток римского порта Остии, что положило начало аэрофотографии, позволяющей изучить планировку древних городов еще до начала их раскопок. Широко применяется метод электроразведки, при котором при помощи тока измеряется сопротивление почвы, зависящее от уровня влажности. Там, где под землей находятся остатки стен, влажность меньше. Применяется и радарная аппаратура: испускаемые электромагнитные лучи частично отражаются от границ слоев или поверхности находящихся под землей предметов и принимаются на экране.

Второй этап: за разведкой следуют раскопки. Первые раскопки были предприняты еще вавилонским царем Набонидом (555—538 до Р. Х.), раскапывавшим фундаменты домов и храмов и ведшим поиск табличек с надписями. Древние греки и римляне, находя кости вымерших животных, считали их останками титанов. Над такими костями иногда даже сооружали мавзолеи. Так, император Адриан (117—138 по Р. Х.) возвел в окрестностях Рима мавзолей на том месте, где река вымыла кости мамонта, — их приняли за останки героя Аякса. В XVII—XVIII вв. в Европе исследуются древнеримские катакомбы, а охотники за древностями варварски разрушают античные памятники.

Только в XIX в. складывается научная методика археологических раскопок, заключающаяся в комплексном исследовании как погребений, так и культурного слоя поселений. Последний, включая следы деятельности человека, может иметь различную толщину. Например, на римском Форуме она равна 13 м, в Ниппуре (Месопотамия) — 20 м, а в поселении Анау (Средняя Азия) — 35 м. Целью раскопок, помимо сбора информации, является сохранение находок от гибели, фиксация места их нахождения. Поставленная цель достигается путем описания, фотографирования и зарисовки раскопа и находок, составления планов сооружений, стратиграфических планов раскопок, схем чередования слоев. Собранные и описанные находки становятся полноценным археологическим материалом только после их лабораторной обработки и исследований, в ходе которых определяется структура археологического материала, назначение предметов, устанавливается их связь с остальными элементами исследуемой культуры.

Все находки делятся на категории, группы, классы, типы и виды. В зависимости от материала, из которого изготовлены находки, их разбивают на пять категорий: изделия из камня, керамики, кости, металла и дерева. С учетом первичной обработки материалов каждая категория делится на группы. Так, например, керамика разделяется на лепную, изготовленную только руками, и гончарную. В зависимости от характера вторичной обработки материалов всякая группа делится на классы, классы — на типы, типы — на виды.

Каждая из находок измеряется; устанавливается ее назначение, выясняется, из какого материала и как она была изготовлена, подсчитывается, сколько аналогичных вещей найдено в этом комплексе, какую долю они составляют в объеме всех находок. Все данные по каждому памятнику суммируют и сравнивают с другими комплексами вещей. На карте отмечают распространение сходных комплексов, а в некоторых случаях и отдельных вещей. По таким картам определяют границы расселения племен и народов, выясняют торговые пути.

Третий, завершающий, этап археологического исследования — кабинетная работа, написание статей и книг о жизни древних людей на основании полученных данных и проведенных исследований.

Так как Библейская археология есть наука, восстанавливающая на основании археологических источников исторический фон событий священной истории и подтверждающая достоверность этих

событий, то методы библейской археологии, хотя идентичны упомянутым в предыдущем разделе, существуют, однако, и некоторые отличия. Во-первых, ареалом исследований является библейский мир — то есть Ближний Восток и Северная Африка. Во-вторых, верхним хронологическим пределом исследований является рубеж I–II вв. по Р. Х. — время окончания библейской истории. В-третьих, кроме общей для археологии задачи реконструкции древних культур, библейская археология предполагает соотнесение их с библейским контекстом, а также использование материалов исследований для подтверждения событий Священной истории. В-четвертых, необходимость уяснения исторического фона событий Священной истории обуславливает широкое привлечение данных различных вспомогательных наук: эпиграфики, папирологии, палеографии, нумизматики, сфрагистики, палеоботаники, палеозоологии и этнографии (палеоэтнографии).

В связи с тем, что перечисленные дисциплины большинством западных ученых считаются вспомогательными дисциплинами библейской археологии, о них следует сказать отдельно.

Эпиграфика — наука, занимающаяся изучением надписей, высеченных, процарапанных или начертанных на твердом материале, обычно на камне. Ими покрывали стены, колонны и столбы храмов, они высекались на скалах, вместе с рельефами и росписями украшали стены гробниц. Надгробные и победные стелы, жертвенники, алтари, подножия саркофагов, статуи царей и вельмож нередко просто испещрены текстами. Эти надписи часто имеют огромное значение для библейской археологии. Так, например, на стеле фараона Мернептаха (Мар-ни-Птаха) впервые встречается упоминание о народе Израиля.

Другого рода надписи представляют собой граффити (*итал.* *graffiti*, «процарапанные» — *прим. автора*) — написанные краской от руки либо процарапанные каким-нибудь острым предметом тексты на различного рода предметах, сооружениях или скалах.

Таким же способом выполнены надписи на остраконах (*греч.* *ostrakon*, «черепок» — *прим. автора*) — обломках глиняных сосудов или камней. Известным примером (в библейской археологии) являются так называемые лахишские письма — краткие сообщения офицеров иудейского гарнизона в Лахише, написанные на черепках во время осады города вавилонянами.

Следующий род надписей, изучаемых эпиграфикой, — клинописные таблички, являющиеся основным источником для истории

библейского мира. Именно клинописные таблички не только четко фиксируют множество событий священной истории в их взаимосвязи с событиями в странах Ближнего Востока, но и дают массу материала о цивилизационной обстановке, в которой эти события происходили.

Десятки тысяч таких табличек найдены в развалинах дворцов, храмов и жилищ. Таблички, прямоугольные или, гораздо реже, в форме шестигранника, покрывались клинообразными знаками. На них писали, когда глина была еще мягкой, а затем обжигали, что обеспечивало их сохранность в течение тысячелетий.

Тексты, написанные на мягком материале — папирусе, пергаменте и дереве, изучаются другими вспомогательными дисциплинами библейской археологии — палеографией и папирологией.

Папирология, изучающая надписи на папирусе, выделяется в отдельную дисциплину в силу того обстоятельства, что, во-первых, велико количество найденных папирусов, а, во-вторых, большую часть их объединяет страна происхождения — Египет. Благодаря сухому климату долины Нила, сохранилось множество папирусов, в том числе имеющих важное значение для библейской археологии — например, папирусы иудейской колонии на о. Элефантина.

Палеография изучает тексты, сделанные на пергаменте, коже, дереве и коре деревьев. В записях на коже сохранились лишь отдельные фрагменты текстов, и то преимущественно из Египта, где они уцелели благодаря сухости климата. Куда больше рукописей сохранилось на пергаменте — коже, специально обработанной известью. Начиная с эпохи эллинизма, пергамент, благодаря своей долговечности, становится важнейшим писчим материалом, на котором, кроме всего прочего, были записаны книги Ветхого Завета. Объектом палеографического исследования, наиболее важным для библейской археологии, являются, безусловно, рукописи Мертвого моря, речь о которых пойдет в разделе о кумранистике.

Благодаря своей долговечности, пергамент мог быть использован для повторного написания текстов. В этом случае основной текст смывали и писали поверх него новый. Подобные манускрипты называются палимпсестами. С помощью современных технических средств первоначальная запись обычно легко восстанавливается.

К важнейшим для библейской археологии надписям на деревянных дощечках следует отнести так называемую табличку Г. Карнарвона, названную по имени английского лорда, на средства ко-

того была организована экспедиция, обнаружившая табличку. На ней записан один из вариантов предания об изгнании из Египта гиксосов, послужившем началом порабощения израильтян.

Тексты, изучаемые тремя вышеперечисленными дисциплинами, бывают разного рода. Это хроники и анналы, где большей частью погодно или в определенной хронологической последовательности фиксировались наиболее важные события, имевшие место при том или ином правителе, либо знаменательные факты, которые летописцы сочли нужным отметить, это учебные и священные тексты, биографии и своды законов, всевозможные декреты, политические и торговые договоры, постановления и надгробные надписи.

Нумизматика — наука о монетах. Основоположником систематического исследования в области нумизматики считается И. Эккель, издавший в 1792—1798 гг. в Вене восьмитомный труд «Наука о древних монетах». Для библейской археологии одним из важнейших открытий в области нумизматики является находка так называемой Лепты Пилата, известной ранее лишь по изображению на Туринской плащанице.

Сфрагистика изучает древние печати — большей частью по их оттискам. Для библейской археологии наиболее интересны оттиски печатей на фрагментах сосудов эпохи Разделенных царств — печати из Самарии, на которых теофорные имена владельцев постепенно сменяются языческими, что характеризует религиозную ситуацию в царстве Израильском.

Палеоботаника — дисциплина, изучающая древнюю флору. Результаты исследований пыльцы растений в ткани Туринской плащаницы явились одним из доказательств ее подлинности.

Палеозоология — раздел палеонтологии, изучающий ископаемых животных. Благодаря ей мы значительно улучшили свои представления о мире, в котором жили участники Священной истории.

Этнография (палеоэтнография или этноархеология) — наука, исследующая народы, их быт и культуру. Для библейской археологии этнография является вспомогательной наукой в том плане, что сведения о быте, нравах и культурно-исторических взаимоотношениях не усредненных современной цивилизацией народов используются для реконструкции тех же категорий человеческого бытия народов Библии, находившихся на сходной степени развития.

В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОСТИ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПОЗИЦИЯ Б. К. ЗАЙЦЕВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Синдром «рубежности», которым отмечена современная европейская культура, перешагнувшая в новый миллениум, обостряет интерес к проблемам христианства, определявшего главные ценностные ориентиры последних двух тысячелетий. Один из самых существенных аспектов этого комплекса проблем связан с осмыслением давней оппозиции язычество — христианство, которая проходит через всю историю Европы, выступая как одно из самых фундаментальных проявлений современной европейской ментальности.

С этой точки зрения русский серебряный век, «мятежный богищущий, бредящий красотой»², представляет особый интерес, поскольку он оказался необычайно чутким к противоречиям культурного сознания той первой рубежной эпохи конца XIX — начала XX вв., многие черты которой проступают и на границе столетий.

Рубеж XIX—XX вв. обозначил, как известно, кризис традиционной системы европейских ценностей. Г. Шпет, один из незаслуженно забытых философов русского серебряного века, в этой связи заметил: «Кризис культуры теперешней есть кризис христианства потому, что иной культуры нет уже двадцатый век. Возрождение новое есть рождение нового Пана. Новая действительность — торжественное вступление любителя хороводов Пана в город»³. В самом деле, рубеж веков и в России, и в Европе отмечен «рождением нового Пана», то есть мощным всплеском неоязычества во всей толще

¹ Прозорова Н. И. — кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского.

² Маковский С. К. На парнасе серебряного века. М., 2000. С. 17.

³ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 126.

культуры. Характерно в этом отношении признание З. Гиппиус: «Бог Пан жив, он вечен»¹. Неоязыческая волна была своего рода реакцией на этот процесс «распадения», «атомизации» мира и человеческой души, который всегда присущ кризисным эпохам. Подобное состояние П. Флоренский назвал «душевым атомизмом», который действует «разъедающе», и нашел выразительное определение кризисного времени: «Жизнь расплылась»².

Стремление преодолеть болезненное состояние «распыленности» и обрести желанную целостность подтолкнуло культурное сознание рубежа веков к языческой архаике, как древнейшему истоку целостной картины мира, и обусловило тот поворот европейской культуры к мифу, который составил существенную сторону ее развития на протяжении всего XX в. Миф противостоял позитивной картине мира, разъятого на части, словно труп. Необычайно выразительно сказано об этом «последним из могикан» русской философии серебряного века А. Ф. Лосевым в его работе «Диалектика мифа», где механической — поистине глухой — Вселенной противопоставлен живой одухотворенный мифологический Космос³. Неслучаен и тот факт, что исследованию мифа была посвящена первая из опубликованных работ В. С. Соловьева «Мифологический процесс в древнем язычестве». Проблемы мифологического мышления продолжают занимать философа в зрелый период его творчества, когда появится его труд «Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки» (1890).

Однако уникальность русского серебряного века заключается как раз в том, что спустившись в недра мифологической архаики, где он искал прибежище от рационалистической дифференциации жизни и соприкасался с тайной целостности мира и человека, он пережил то мощное духовное восхождение, которое означало новый поворот к христианской системе ценностей и заставило захлестнутую неоязыческой волной Европу с надеждой смотреть на славянский Восток. В книге воспоминаний о философах и художниках серебряного века С. Маковский особенно выделяет то, что объединяет все представленные им «портреты» современников, таких разных и по складу

¹ Цит. по: Маковский С. К. Указ. соч. М., 2000. С. 36.

² Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма // Оправдание Космоса. СПб., 1994. С. 33.

³ См.: Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 30.

личности и по творческим устремлениям: «Это религиозная настроенность, искание Бога»¹. Знаком такого духовного пробуждения и выступает прежде всего русская религиозная философия серебряного века, оказавшая глубокое воздействие на художников этой эпохи и многое объясняющая в творческих исканиях Бориса Зайцева. Главная идея этой философии — не случайно именуемой философией всеединства, — идея целостности. А целостное мироощущение для мыслителей всеединства возможно только при одном условии — если оно будет носить философско-религиозный характер, органично объединяя знание и веру.

У истоков философии серебряного века — фигура В. Соловьева, который заложил основы целой школы русской религиозной и философской мысли. Для обозначения понятия целостности он ввел особый термин, подхваченный затем его учеником С. Булгаковым. Термин этот «сизигия» (*греч.* «соединение, сопряжение») С. Булгаков трактовал как «органическую сочлененность, симфоническую связанность»². В ранних работах В. Соловьева этот порыв к «симфонической связанности» нередко реализуется в попытках соединения христианского учения с языческим мифом. Даже несовершенную обособленность языческих богов В. Соловьев склонен был считать «разнообразным проявлением всеединого», что дало основание Н. Лосскому в его известном труде по истории русской философии упрекнуть Соловьева в «пантеистическом привкусе»³ его философской системы. Однако в духовных поисках В. Соловьева постепенно вызревала мысль о том, что религия — по сравнению с мифологией — сделала шаг вперед, придав мифу нравственную окраску, которой собственно мифологическое сознание не имело. Сделав в своих зрелых работах, таких как «Оправдание добра» и «Смысл любви», главным объектом исследования сущность нравственной природы человека, Соловьев приходит к важному выводу, предвосхищавшему бурный расцвет русской религиозной философии в первые десятилетия XX в.: именно в христианстве дано «воплощение абсолютного нравственного идеала»⁴. Суть такого идеала составляет «свободное единение всех в совершенном добре».

¹ Маковский С. К. Указ. соч. М., 2000. С. 15.

² Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 4.

³ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 170.

⁴ Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения, М., Т. 1. 1990. С. 354.

«Христианство поставило этот идеал как практическую задачу для всех людей и народов, — подчеркивает далее философ, — поручилось за ее исполнимость при доброй воле и обещало высшую помощь при ее исполнении, — помощь, о которой достаточно свидетельствует и личный и исторический опыт»¹. Еще раньше — в переписке — Соловьев утверждал, что находит в христианстве и разрешение всех высших вопросов знания, такое богатство и глубину мысли, перед которой «жалки все измышления ума человеческого».

Литература серебряного века, словно повторяя направление духовных поисков философов всеединства, тоже прошла через искус примирения «правды языческой» и «правды христианской» (Д. Мережковский), Диониса с Христом (Вяч. Иванов), чтобы затем обрести прозрение: «Маски нужны тому, кому еще не открылось Лицо».

Но к чему маски, когда уже есть Лицо? К чему Дионис «Многоименный», когда «нет под небесами другого имени, кроме одного, которым надлежало бы спастись?»²

Все вышесказанное помогает, на наш взгляд, прояснить некоторые существенные особенности религиозно-философских поисков Б. Зайцева, запечатленных в его произведениях разных лет.

В очерке «О себе», характеризуя свое раннее творчество, писатель замечает: «Я начал с импрессионизма»³. В данном случае нас интересует не специфика импрессионистической техники письма, но выявление той философской основы, на которой вырастает импрессионизм. В этой связи особый интерес представляет статья одного из ярких мыслителей серебряного века Г. Федотова «Борьба за искусство», написанная им в 1935 г. в Париже. Размышляя о кризисных явлениях в искусстве XX в., Г. Федотов видит в них «религиозную судьбу современного человека, его переживание греха и смерти, его понимание спасения — с Богом или без Бога», тем самым оправдывая свой подход к искусству современности «не как сфере чисто эстетической, а как к свидетельству о целостности — или о — скудости человека»⁴. С этой точки зрения импрессионизм является для автора статьи одной из самых наглядных манифестаций «утраты

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 356.

² Маковский С. К. Указ. соч. М., 2000. С. 27.

³ Зайцев Б. К. Сочинения. М., Т. 1. 1998. С. 48.

⁴ Федотов Г. Борьба за искусство // Вопросы литературы. 1990. Февраль. С. 215.

цельности». Это искусство, которое, не доверяя ничему стоящему за пределами непосредственного восприятия, хочет вознаградить себя за отрывочность своего восприятия его обостренностью. «Обратной стороной, ценой за это расширение жизненной сферы является утрата «я» как цельности душевно-духовного мира. Уже не я мыслю, не я люблю, но во мне вспыхивают и гаснут мысли, желания и ощущения, которым иногда нет и имени»¹. Попытки художника-импрессиониста собрать воедино «осколки распавшегося мира» приводят к тому, что «природа, вещи, чувственные качества начинают съедать человека, растворять его в стихиях мира»². Так осуществляется философский поворот к пантеизму. Пантеистическое «растворение в стихиях мира» окрашивает ранние рассказы Зайцева «В дороге», «Волки», «Мгла», «Деревня», где импрессионистические «пятна, сгустки чувственной материи» создают ощущение языческой мощи и сумрачной тайны бытия, напоминающей загадочный лик языческого идола: «Не было бы странно и то, если б в этой бездонной тьме я увидел неподвижное лицо Вечной Ночи с грубо вырубленными, сделанными как из камня огромными глазами, в которых я прочел бы спокойное, величавое и равнодушное отчаянье» («Волки»)³.

Пантеизм оказался для Зайцева первой ступенью на пути к обретению желанной целостности — через возвращение к природе и растворение в ней. Однако он не мог дать главного, к чему стремился молодой художник, — чувства осмысленности и одухотворенности бытия. «Мучительны томления юности, когда себя ищешь, не находишь, временами отчаиваешься, впадаешь во мрак, и все кажется бессмысленным», — так говорит Зайцев о внутренних метаниях своей молодости в очерке «О себе»⁴. Глубоким комментарием к этой драме духовных поисков могут служить размышления Г. Федотова о пантеизме в упоминаемой выше статье: «Религия пантеизма ищет спасения от личной смерти в бессмертии космического целого... Искусству пантеизма удается иногда достигнуть великого. Мать-земля не только питает своих сынов, но поит их вином своих лоз. Одно лишь остается неизменным: чем более жадно пьет из него художник, тем скорее выпивает до дна свою чашу и находит на дне жизни —

¹ Федотов Г. Указ. соч. С. 217—218.

² Федотов Г. Указ. соч. С. 218.

³ Зайцев Б. Улица Святого Николая: Повести и рассказы. М., 1989. С. 27.

⁴ Зайцев Б. К. Сочинения. М., Т. 1. 1998. С. 48.

смерть. Глубочайшим отчаянием кончается пантеистическая попытка спасти человека»¹. На поставленный кризисом искусства XX в. вопрос — возможно ли спасение и где оно? — Г. Федотов дает исчерпывающий в своей определенности ответ: «Спасение возможно, и возможно лишь на одном пути: в возвращении к религиозной первооснове жизни. Лишь отмывшись в этих «летейских водах» вечной юности, человек воскреснет из праха и снова увидит в первозданной красоте Божий мир»².

Именно на этом пути поисков «живой воды» христианской веры искал спасение Б. Зайцев. Преодолевая языческий искус пантеизма, он шел к обретению христианских ценностей. Интересен с этой точки зрения один из его ранних рассказов с концептуальным названием «Миф». Здесь импрессионистическая избыточность цвета, звука, запаха передает торжество пантеистической слиянности человека с природой, ощущение единого, живого и восходящего к космосу мира, где все взаимосвязано и все освещено торжествующим сиянием солнца — поистине языческого солнца, — от которого в дионисийском восторге пьянеют герои рассказа. «Свет, свет, я пьяна светом»³, говорит героиня рассказа Лисичка, светоносно-рыжая, с пенно-розовым румянцем. Это для нее находит автор эллинско-языческий эпитет: «Пеннорожденная». Но именно в этом рассказе, где с особой силой выражена ликующая языческая радость бытия, за плотной и вещественной оболочкой мира впервые приоткрывается его духовная первооснова. Сам писатель говорил, что здесь «начинают проступать мотивы религиозные — довольно еще невнятно»⁴.

Особую роль в религиозном обращении Зайцева сыграл В. Соловьев, о чем не раз упоминал сам писатель. В очерке «О себе» находим характерное признание: «Для внутреннего моего мира, его роста Владимир Соловьев был очень, очень важен. Тут не литература, а приоткрытие нового в философии и религии. Соловьев первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере»⁵. А в своем очерке-портрете «Соловьев нашей юности» Зайцев находит сердечные слова благодарности учителю: «Мне открывал Соловьев новый и прекрасный мир, духовный и христианский, где

¹ Федотов Г. Указ. соч. С. 220—221.

² Федотов Г. Указ. соч. С. 223.

³ Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 86.

⁴ Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 50.

⁵ Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 49—50.

добро и красота, знание мудро соединены, где нет ненависти, есть любовь, справедливость. Вечная память и благодарность Соловьеву именно за юношеский подъем, может быть, за известное прекраснодушие. За разрушение преград, за вовлечение в христианство — разумом, поэзией, светом»¹.

Повесть «Голубая звезда» (1918), подводящая итог дореволюционному творчеству Б. Зайцева, может рассматриваться как своего рода посвящение Соловьеву. На смену торжествующему «языческому» солнцу его ранних рассказов здесь приходит Свете Тихий, свет христианской духовности и любви. «Быть может, такое состояние, со всегдашним ощущением Света, то есть Бога, и есть райская жизнь, о которой говорит Библия»², — замечает герой повести Христофоров, в уста которого автор вложил выстраданное им самим убеждение в том, что «нет ничего в мире выше христианства».

Переломным моментом в духовном развитии Зайцева были события двух революций и гражданской войны в России, когда писатель в бурях и потрясениях истории ищет опору в собственной крепнущей вере и обретает то, о чем мечтал в юности, — ощущение глубокой осмысленности бытия. «Ничто в мире зря не делается. Все имеет смысл. Страдания, несчастья, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливые узоры и зигзаги жизни при ближайшем созерцании могут открыться как бесполезные. День и ночь, радость и горе, достижения и падения — всегда научают. Бессмысленного нет» («Москва»)»³. Таков непреложный вывод, найденный Зайцевым в путях христианского телеологизма.

В произведениях Зайцева о пореволюционной России, написанных в Москве в 1921 г., «Улица Святого Николая», «Белый свет», «Душа», нет места ни отчаянию, ни гневу. Они освещены кротким светом Евангелия, погружены в христианскую стихию веры, надежды, любви. Некоторые страницы отмечены новой для творческой манеры Зайцева проповеднической учительностью: «Будь спокоен, скромн, сдержан. Призывай любовь и кротость, столь безмерно изгнанных, столь поруганных. Слушай звон колоколов Арбата. И Никола Милостивый, тихий и простой святитель, покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззаступных, благословит

¹ Зайцев Б. Соловьев нашей юности // Литературное обозрение. 1989. №12. С. 94.

² Зайцев Б. Улица Святого Николая: Повести и рассказы. С. 156, 108.

³ Зайцев Б. Улица Святого Николая: Повести и рассказы. С. 9.

путь твой и в метель жизненную проведет» («Улица Святого Николая»)¹. Здесь же обозначится впервые столь важная для христианской этики идея покаяния: «Многое сожжено, попалено — как в видимости, так в душе. Но мы живем. И мы за что-то заплатили за свои неправды, за прошедшее» («Душа»)².

Покаяние стало одним из лейтмотивов всего творчества Зайцева в эмиграции, когда он обратился к осмыслению судьбы России в категориях христианской этики. В сборнике его очерков «В пути» есть характерное высказывание: «Дорого мы заплатили, но значит, достаточно набралось грехов. Революция — всегда расплата. В сущности, произошло то, что всегда происходило от века. Господь поражает ослепительными молниями заблудших — и в смерть, и в воскресение»³. Зайцеву близок христианский персонализм как усилие нравственного восхождения человека к свету Божественной истины, которое невозможно без покаяния и смирения. Недаром в книге «Валаам» Зайцев особо выделяет эпизод пострижения в схиму бывшего игумена Валаамского монастыря о. Павлина, которого влекут под руки через всю церковь два схимника: «Он в нижнем белье, сверху накинута мантия, волосы распущены — в сущности он должен ползти на коленях: знак последнего смирения и покаяния»⁴. Здесь же Зайцев приводит поразившее его «замечательное слово», которое сказал игумен новому схимнику: «Может показаться странным, что старец, проживший уже долгую монашескую жизнь, всеми уважаемый, управлявший монастырем, в облике последнего кающегося грешника проходит через весь храм. Но это только кажется так. Ибо путь духовной жизни в том и состоит, что чем выше человек поднялся в развитии своем внутреннем, тем он кажется себе греховней и ничтожнее, — тем меньше сам в своих глазах рядом с миром Царствия Божия, открывающегося ему. Так и в темной комнате не видно пыли, в освещенной отраженным светом многое уже видно, а если в нее попадает сноп солнечных лучей, то и сам воздух оказывается полон пылинок»⁵.

¹ Зайцев Б. Улица Святого Николая: Повести и рассказы. С. 169–170.

² Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 473. Зайцев Б. Молодость — Россия // В пути. Париж, 1951. С. 24–25.

³ Зайцев Б. Молодость — Россия. С. 24–25.

⁴ Зайцев Б. К. Избранное. Изд. Сретенского монастыря, 1998. С. 313.

⁵ Зайцев Б. К. Избранное. Изд. Сретенского монастыря. С. 314.

В духовном развитии и восхождении самого Б. Зайцева особую роль сыграло его обращение к тому опыту святоотеческой праведности, который С. Булгаков считал важнейшим условием постижения религиозных истин. В своей книге-исповеди «Свет Невечерний» этот яркий религиозный мыслитель серебряного века, с которым Зайцев встречался в Православном Богословском институте в Париже, так говорит о путях обретения веры: «Чтобы постигнуть религию, нужно изучать жизнь тех, кто является гением в религии. Жизнь святых, подвижников, пророков и живые памятники религии: письменность, культ, обычай — словом, то, что можно назвать феноменологией религии — вот что, наряду с личным опытом каждого, вернее вводит в познание в области религии, нежели отвлеченное о ней философствование»¹. Книги Зайцева о преподобном Сергии Радонежском, о паломнических поездках на Афон и Валаам убедительно иллюстрируют истинность подобных утверждений. В этих книгах сам автор сознает себя не просто христианином, но именно христианином православным. Православие воспринимается и как драгоценное духовное достояние предков, запечатленное в облике преподобного Сергия Радонежского, который своей простой и кротостью «вознес и само православие, предпочтя внешней дисциплине свободу и любовь»², и как живое религиозное переживание современников писателя, монахов Афонского или Валаамского монастырей, в которых писатель видит «удивительное благочиние» и, сравнительно с «миром», большую незлобность и доброту».

Весь этот благоуханный мир святости пронизан у Зайцева христианской символикой света. Сергей Радонежский — «пример ясности, света прозрачного и ровного». Сияние света окружает Святую гору Афон: «Афон не мрачен, он светел, ибо олюблен, одухотворен»³. «Порой этот сияющий афонский свет, кажется, вбирает в себя и пантеистические искры любования миром природным с его нестерпимой синевой моря, с его полуденным пылающим Солнцем («Не полдень ли это великого Пана?»⁴, с его «легким ковчегом Эллады», «трехголовым» бело-золотистым «языческим» Олимпом, который виден с высот Святой горы. Однако свет «вещественный»,

¹ Булгаков С. Н. Указ. соч. М., 1994. С. 13.

² Зайцев Б. К. Избранное. Изд. Сретенского монастыря. С. 62.

³ Зайцев Б. Афон // Избранное. Нью-Йорк, 1973. С. 83.

⁴ Зайцев Б. К. Избранное. Изд. Сретенского монастыря. С. 184.

природный, лишь указывает на другой — незримый — свет. В книге «Афон» есть выразительный эпизод, где речь идет об окончании монастырской утрени, совпавшей с мгновениями рассвета в природе.

«Море уже бледно-сиреневое. Серебристый утренний свет в окнах. В церкви сизый туман, когда по ходу служения иеромонах возглашает: «Слава Тебе, показавшему нам Свет!»¹

Тем самым Борис Зайцев ответил на вопрос, мучивший в начале XX в. В. Розанова да и многих его современников: «Как относится христианство, исторически развившееся в строгий спиритуализм, к природе? Иными словами: содержатся ли в христианстве космогонические элементы, или это только нравственное учение?»² Произведения Б. Зайцева, обращенные к столь важной для христианского сознания теме святости, убеждают в том, что для христианина жива и важна поэзия природы, но неприемлема пантеистическая метафизика, поскольку природа для него не растворяет в себе Бога, но указывает на Него.

Другой важнейший христианский символ, к которому постоянно обращался Зайцев в своем зрелом творчестве, — символ пути, странствия, путешествия как движения человека не в пространственной горизонтали мира внешнего, но в вертикали внутренней духовного восхождения. «Я путник»³, — сказал о себе самом Б. Зайцев. И не случайно символ пути подскажет название его главного произведения зарубежного периода — автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба». В своем духовном путешествии, совершаемом тихо и неуклонно, Зайцев обретал то тепло христианского смирения, кротости и любви, которое согревало каждого, кто общался с ним в годы эмиграции.

В. Соловьев однажды сказал, что мы должны смотреть на жизнь с высоты, но не свысока. Именно такой взгляд открывается нам в книгах писателя-«путника» Бориса Зайцева, отыскавшего дорогу к живому источнику Истины и Света.

¹ Зайцев Б. К. Избранное. Изд. Сретенского монастыря. С. 150.

² Розанов В. В. Во дворе язычников. М., 1999. С. 167.

³ Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 476.

**«ЖИЗНЬ С ДРЕВНЕЙ, СВЯТОЮ РУСЬЮ»:
ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ
Б. К. ЗАЙЦЕВА**

В 1947 г., прожив 25 лет в эмиграции, Б. К. Зайцев вспоминал: «Первое лето во Франции, под Парижем — одинокое, в зелени среди вишен, слив, груш садов окрестных. Обстановка почти монастырская. Чистые, тихие дни! В них труд над «Св. Сергием Радонежским — жизнь с древней, Святою Русью»².

Ностальгия заставила переоценить многое в прошлой жизни, по-новому увидеть облик Родины, то главное, что составляло суть России. Не случайно в первом номере журнала «Путь» формулируется редакционная программа, в основу которой положена религиозная идея: «Русская идея была всегда религиозной идеей. Это есть идея Святой Руси... Русская эмиграция призвана хранить преемственность русской духовной культуры и в меру сил своих способствовать ее творческому развитию»³.

Эта идея была весьма близка жизни и творчеству Зайцева не только в эмиграции. Святая Русь проходит через все его творчество, по-разному открываясь ему на долгом пути жизни. Поэтому среди культурно-исторических глубин, формировавших своеобразие художественного мира писателя, древнерусская культура занимает особое место.

Целокупный образ христианского универсума, ставший символом Древней Руси, — это храм. В художественном наследии Зайцева найдется очень немного произведений, в которых церковь не упоминается. Храмы, колокольни, монастыри, благовест указаны даже

¹ Пак Н. И. — кандидат философских наук, доцент кафедры литературы Калужского государственного педагогического университета им. К. И. Циолковского.

² Зайцев Б. К. Дни. М., Париж, 1995. С. 98.

³ Путь. Орган русской религиозной мысли. М., 1992. Репринт. 1925. С. 10.

в ремарках пьес. Но освоение многоуровневого смысла этого образа шло постепенно, и глубина осмысления определяла его функции, как и других элементов христианского универсума, в произведениях писателя.

В раннем творчестве храм, прежде всего, объект эстетического восприятия, в чем проявилась характерная тенденция эпохи. Это не значит, что художники не понимали особенностей древнерусской культуры, основанной на религиозном мирозерцании и соответствующей символике. «Не переживая внушений символа», они чувствовали, как писал С. К. Маковский о русской иконе, что «этот символ и воплотившие его формы неразрывно слиты всеми эстетическими и моральными настроениями эпохи, создавшей художника-мистика»¹. Тем не менее они мечтали о том, чтобы иконописец пошел «на поиски красоты не верующим идеологом, а художником, влюбленным в молитвы красок и линий. Эта красота примирит веру и отрицание»².

Эстетическое пленение — закономерный и вполне русский путь. В. В. Зеньковский писал, что христианскому сознанию Древней Руси присуще моральное и социальное основание, «а в то же время (с самого начала — В. З.) русские люди с особой силой воспринимали на Руси христианство в его *красоте* (курсив наш — Н. П.),.. пусть рассказ летописца есть легенда, но самое ее возникновение есть ценное свидетельство тому, что христианство несло русской душе»³.

Образы храма и света организуют пространственный мир произведений Зайцева. Автор утверждает нераздельное русского пейзажа (как сельского, так и городского) с церковью в их скромной и неповторимой красоте: «древний, любимый мой город шел к горизонту и тонул колокольнями в синеве... Кресты и купола горели», на фоне заката церковь «вычерчивалась тонким и благородным силуэтом на небе» («Тихие зори»)⁴. В художественном пространстве этого произведения храм — центральный пластический образ, средоточие особого мира, исполненного тайны, печали и вместе с тем прекрасного, рождающего любовь в сердце. Он — связующее звено между небом и землей в мире, где «сердце открыто любви; прошлое, настоящее и будущее в нем переплетаются».

¹ Маковский С. К. Страницы русской художественной критики. Современные русские художники // Силуэты русских художников. М., 1999. С. 170.

² Маковский С. К. Указ. соч. С. 172.

³ Зеньковский В. В. История русской философии. Ростов-на-Дону, 1999. Т. 1. С. 41.

⁴ Зайцев Б. К. Сочинения. М., Т. 1. 1993. С. 59—60.

Храм — неотъемлемая часть бытовой и праздничной жизни деревни («Священник Кронид»), стержень, вокруг которого вращается эта жизнь по издревле заведенному порядку: от рождения до смерти. В этом рассказе подчеркнута историческая глубина русской церковной традиции: «Кронид ведет древнее служение»¹. Древность, даль времен — неотъемлемый элемент эстетически воспринимаемого храма.

Будучи центральным образом в пространственных построениях, храм не менее значим и как смыслоформирующий образ. И повествователь, и герои произведений Зайцева постоянно как будто кружат вокруг него. С храмом связывается какая-то важная содержательная сторона жизни и тайна смерти. И то и другое необходимо разрешить.

Интуитивное тяготение Зайцева к Церкви становится более осознанным, видимо, в процессе его работы над переводом «Искушения св. Антония» Флобера, когда он «засаживался в Румянцевском музее за Иринея Лионского, за словарь Миня, Историю церкви»². В это же время он писал В. И. Стражеву: «Жалею только, что не понимаю христианства,.. христианство все же *совершеннейшее* (курсив наш — Н. П.) мирообъяснение»³.

Храм и свет помогают автору не только в создании определенного настроения. Они — важная составляющая мирозерцания героя, часто предопределяющая разрешение его внутреннего конфликта, как это происходит в повести «Спокойствие». В Италии герой ощущает особую слитность с христианским миром. Внешне он явлен в памятниках искусства, Константин Андреевич «душой входит в них»⁴ и переживает катарсис. Эстетическое переживание ведет к духовному прозрению, которому присущи особые пространственно-временные ощущения. Он по-новому видит жизнь, окружающий его мир засветился «вечной, святой жизнью»⁵.

В дневнике писателя от 1 февраля 1926 г. читаем: «Я помню ту минуту, более пятнадцати лет назад, когда я вдруг почувствовал весь свет Евангелия, когда эта книга в первый раз раскрылась мне как

¹ Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 70.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. М., Т. 9 (доп.). 2000. С. 341.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 10 (доп.). С. 30.

⁴ Слова П. А. Флоренского о его отношении к прошлому. См.: Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. М., 1992. С. 46.

⁵ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 1. С. 150.

чудо. А ведь я же с детства знал ее»¹. Этот биографический факт преломился в рассказе «Изгнание», в котором отражен новый этап погружения писателя в христианский универсум и постижения им содержательных основ Святой Руси.

Намеченное в «Изгнании» получило более глубокую сюжетную разработку в романе «Дальний край». Церковь, церковный календарь, сакральное слово — значимые элементы художественного мира романа.

Напомним лишь момент перелома жизни Степана. После пережитого покаяния он спускается с горы к церкви и видит надпись на колокольне: «Dominus det tibi pacem» (Да пошлет тебе Господь мир). Она воспринимается им как ответ на его мольбу, как обещание отпущения. И вот теперь, когда переворот в душе героя произошел, ему дается указание пути: у своей знакомой он видит «Евангелие в белом пергаменте с золотым крестом посередине»². Закономерно и комната Степана «превращается» в келью: «Вечером, сидя в своей беленькой келье... Степан читал Евангелие от Матфея». Комната теперь не просто «похожа на келью»³, а становится кельей, свидетельствуя об отречении героя от прежнего пути и о выборе им нового пути жизни. Упоминание Нагорной Проповеди, цитаты из Заповедей блаженства, воспоминание о Гефсиманском саде — все это помогает автору, подобно древнерусскому книжнику, передать интуитивное, сердечное постижение героем Истины. Преображение показано не путем обнажения внутреннего мира героя, а путем концентрации образов христианского универсума и отзывчивости на них героя. Повествование движется от душевного томления, переданного призыванием Господа, к зримому образу (храм и колокольня с надписью), указывающему, где искать Истину, а затем к обретению Истины в Евангелии.

В повести «Голубая звезда» (1918), завершающей дореволюционное творчество Зайцева, христианский универсум, в первую очередь, свет и храм, организует сакральное пространство Москвы, обнаруживает ценностную ориентацию персонажей, подчеркивает закономерность их судеб. В разной форме и степени «участия» в сюжете образы христианского универсума входят во все 19 глав повести. Световые образы-символы создают апофеоз произведения.

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 9 (доп.). С. 58.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 1. С. 549.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. С. 546

Машура возвращается от Пасхальной заутрени: «Сверху светили звезды, а внизу растекались по переулкам золотые огоньки»¹. Непогасшая свеча — такой же символ света негасимого, вечного, как свет звезды. Свет земли и неба как будто соединяются, и Машура идет в нем. Осиянная этим светом, преображенная, она вступает в новую жизнь. В заключительной главке будто эхом отзываются на этот свет слова Христофорова, усиленные тождеством Света и Бога: «Быть может, такое состояние, со всегдашним ощущением Света, то есть Бога, и есть райская жизнь, о которой говорит Библия»².

Итак, в дореволюционном творчестве Зайцева смысловое наполнение образов света и храма менялось. Они составляют основу пространственно-временных построений, они значимы для сюжетных линий и для композиции, для маркировки языка персонажа как выражение изменившегося сознания, нового мировосприятия. Развитие образов света идет от эпитета и метафоры, а храма от эстетического объекта — к символам с религиозно-мистическим содержанием.

Ярким и своеобразным отражением «переворотившейся» жизни стал рассказ «Улица Святого Николая» (1921). В этом рассказе автор по-новому осмысляет сакральный мир Церкви. Храм — это уже не деталь городского пейзажа, выражающая элегическое настроение повествователя, храм — это знак Вечности, Истины, воплощающий непреходящие начала жизни, это символ бытия, противостоящего различным потрясениям мира, это единственное прибежище и спасение.

«Колокола звонят. Свечи теплятся. Ризы сияют на иконах, хор поет. Любовь, спокойный, светлый мир зовет»³. Не объектное (как в пейзажах), а понятийное и мистическое значение становится доминирующим в образах храма и света.

Пространство романа «Золотой узор» тоже «знаменуется святыней». С первых страниц Москва предстает в «старинном облике Матери-Москвы»⁴, неизменными ориентирами в ней служат многочисленные храмы и монастыри. Как в Москве, так и в Риме взор героини всегда отыскивает наиболее важную точку — *genus loci*:

¹ Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 403–404.

² Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 405.

³ Зайцев Б. К. Сочинения. Т. 1. С. 461.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 19.

Кремль в Москве и собор Петра в Риме. Показательно разное восприятие сакральных пространств в разные «эпохи жизни» героини. В беззаботной юности они вполне сочетаются в контексте с «чашечкой шоколаду», которая запивается «рюмочкой ликера золотистого», после чего так приятно «со вкусным запахом Москвы осенней катить мимо Андрония к Николо-Ямской. Вдалеке Иван Великий — золотой шелом над зубчатым Кремлем¹». Они почти исчезают в период «туманного и острого»² времени ее отношений с Александром Андреичем. Лишь однажды она видит их, когда едет, проводив мужа и сына, к Георгию Александровичу, то есть в контексте образов родных и близких людей. Но важно еще, как видит: «Села на лихача, покатила Замоскворечьем с нежной зеленью садов, длинными заборами, скучными особняками, *красными громадами* церковей барочистых... Я развалилась, заложивши ногу за ногу... И купальни, дети, бабы, голыши на откосах — направо же Кремль, туманно-златоглавый, в легенькой кисее пыли, с башнями *зубастыми* и *плосколищными* дворцами»³ (курсив во всем фрагменте наш — *Н. П.*). Такое сниженное восприятие вполне соответствует настроению Наташи.

Совершенно иначе видятся те же места в период исторических потрясений и пробуждения духовных основ жизни, ведущих к оживлению культурно-исторической памяти. Поднимаясь крутым берегом Андрониева монастыря, она вспоминает, что в «пятнадцатом столетии там жил Андрей Рублев, писал иконы знаменитые»⁴. А глядя на Кремль, она сознает его единственность в мире и значимость для России: «Вдали видна Москва. Единый в мире облик нашего Кремля, и купола соборов нежно золотеют»⁵. Заметим также, что разница восприятия подчеркнута и разной метрической организацией (хорей и ямб) первого и третьего упоминания Кремля и чисто прозаическим текстом — второго.

Таким образом, в произведениях, созданных в период революции и гражданской войны, осмысление происходящего отражено религиозным сознанием. Скорби и радости земной жизни ставятся в контекст иного мира, где нет места временному, где «Вечность остается». Теперь для писателя пространство иного мира и вечность — не от-

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 19.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 44.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 49–50.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 165.

⁵ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 166.

влеченные понятия, а именно «высшая реальность», в свете которой переживается, осмысливается и изображается настоящее. Включение высшей реальности в пространство повествования происходит через образы храма и света.

В эмиграции облик Родины воссоздается в своей главной ипостаси — «в облике России духа, — во Святой Руси»¹. В 1925 г. была опубликована агиобиография «Преподобный Сергей Радонежский».

Анализируя произведение Зайцева, А. М. Любомудров пишет, что оно «во многих отношениях является конспектом труда Никона, его обработкой, переложением. Собственно авторскими остаются выбор исторического материала, вступление, заключение, комментарии и размышления Зайцева, вкрапленные в текст»². С этим трудно согласиться, так как Зайцеву принадлежит прежде всего выбор жанра, который он сам осознавал как агиографический³. Вся остальная работа (в том числе и заимствования из жизнеописаний, составленных иеромонахом Никоном, Е. Е. Голубинским) подчинена данной жанровой установке. В таком подходе к материалу Зайцев вполне соответствует средневековой традиции.

Остановимся на главе «Сергий и государство», которая занимает особое место в произведении Зайцева и потому весьма наглядно представляет «иконографические» принципы работы писателя XX в. В этой главе есть исторические сведения, отсутствующие у Епифания (за исключением Куликовской битвы). Используя летописи, Сказание о Мамаевом побоище, писатель обобщает события, связанные с возвышением Москвы в процессе централизации государства, и показывает причастность к этому процессу преподобного Сергия, рассказывая о его «выходе в область «государства»⁴.

Как справедливо отмечает Г. П. Федотов, житие и летопись неслучайно «освещают нередко разные стороны деятельности святых. В этом нужно видеть тонкое различие оценки»⁵. Вряд ли Епифаний, живший рядом с Сергием, имевший возможность получить сведения

¹ Зайцев Б. К. Дни. С. 103.

² Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья (Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев). Автореферат диссертации. СПб., 2001. С. 11.

³ Говоря о работе писателей-эмигрантов, Зайцев отмечал, что их трудами «создалась целая библиотечка биографий и агиографий», в числе последних называет и свою книгу о Сергии Радонежском. См.: Зайцев Б. К. Дни. С. 142.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 61.

⁵ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1997. С. 138.

о нем от ближайших родственников и учеников, не знал фактов, указанных в летописи. Епифаний, бесспорно, производил отбор. «Не все в политической деятельности преподобного Сергия было «оцерковлено», — пишет далее Федотов. — Его помощь Московскому князю против удельных принадлежит его времени, и мы не в праве канонизовать ее, как и политику святых князей»¹. Возможно, исследователь говорил это даже в некоторой полемике с Зайцевым. И все-таки историческая ретроспектива писателя не нарушает идеального облика.

Эта глава обращена к той стороне русского иночества, которая отличает его от монашества Фиваиды, — уход из мира становился своеобразной формой служения миру. Не только служения по накоплению того «духовного богатства, которым питались в течение веков и доселе питаются русские люди»². Но и служения благотворительного, а также служения патриотического, на путях которого оно становилось пророческим и оберегающим. В этом Сергей Радонежский продолжал линию Феодосия Печерского, который не только окормлял болящих и нуждающихся, но порой вникал и в междоусобные нестроения князей.

Важно, как писатель сохраняет уже созданный образ, включая «политический» материал. Композиционно эта глава следует за главой «Преподобный Сергий и Церковь», в которой Сергий назван «послушным сыном Церкви». Понятно, что он выполнял некоторые поручения митрополита Алексия. Показательно, какие — предотвращение военных столкновений. Рассматриваемая глава ко всем имеющимся характеристикам добавляет еще одну — «миротворец». И тут же говорится, что к нему прибегали, как к «иконе, что выносят в трудные минуты, — и идут к ней сами»³. Так обозначена суть восхождения Сергия и единственно возможное его отображение: образ правды, пример пребывания во Христе.

Большая часть главы посвящена Куликовской битве. Эпизод благословения Сергием Дмитрия предваряют уже не раз возникавшие характеристики: «До сих пор Сергий был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святым»⁴. Автор постепенно подводит к осознанию роли преподобного Сергия в со-

¹ Федотов Т. П. Указ. соч. С 138.

² Франк С. Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 568.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 56.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 58.

бытии «столкновения миров»¹ и обозначает ее еще одним символом: «Как наставник, утешитель, Параклет России, он не может оставаться безучастным»². Писатель пользуется приемом Епифания (ставит рядом греческое слово и его русский эквивалент), но греческий эквивалент «утешителя» выделяет графически, указывая на его особый смысл. Так именовался в церковной литературе Дух Святой, кроме того, в Евангелии от Иоанна это слово имеет значение «заступник». Сергей становится с этого момента истории покровителем Руси как Утешитель и Заступник в деле общенациональном; он становится символом Русской святости. Значимость битвы, ее судьбоносность подчеркнута еще одним символическим образом — двумя монахи-схимниками, которых Сергей дал в помощь Дмитрию. Как духовный конвой князя, они придают даже мистический смысл событию, что отмечено писателем: «Очевидно, это придавало войску Дмитрия священно-крестоносный облик»³.

В целом повествовательное пространство рассказа о Куликовской битве обозначено образом монастыря, куда князь прибывает за благословением и где он молится после победы. Самый напряженный и выразительный эпизод — это подготовка и выступление основных сил. Повествователь как будто созерцает одно из клейм иконы Сергия: «Перед сражением молятся. Читают «ратям» грамоту Преподобного»⁴. Актуализация усилена глаголами настоящего времени, центр фиксируется назывными предложениями, в первом из которых — «золотой образ Спасителя». Все предельно лаконично и одновременно. Образы природы, передающие ее состояние, а не зрительный ряд, не нарушают «иконографического» характера картины.

Итак, глава «Сергий и государство» раскрывает во всей полноте одно из присущих Святому качеств — миротворца. О миротворческих миссиях ведется речь до рассказа о битве, самое благословение Дмитрия Сергей предваряет словами о мире, завершается глава рассказом о «последнем выходе в область «государства» — миротворцем к рязанскому князю Олегу. Мастерски автор использовал здесь летописную цитату: «Преподобный игумен Сергий, старец чудный, тихими и кроткими словесы... беседовал с ним о поль-

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 60.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 58.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 59.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 59.

зе душевной, о мире, и о любви. Князь же великий Олег *преложи свирепство свое на кротость и утиши, и укротись, и умились вельми душою, устыде бо столь свята мужа, и взял с Великим Князем Дмитрием Иванычем вечный мир и любовь* (курсив наш — Н. П.) в род и род»¹. Слово летописца стилистически близко тексту Епифания и выполняет несколько заданий. Во-первых, подтверждает и закрепляет именно миротворческую миссию Сергия; во-вторых, усиливает характеристику героя синонимичными рядами уже неоднократно использованных эпитетов, ибо даже ряд, относящийся к Олегу, работает и на Сергия; наконец, композиционно эта цитата повторяет всю главу, где начало и завершение деятельности Сергия «со стороны касанья государству» обозначены словом «миротворец». Все тот же прием внушения теперь уже миротворческого начала в деятельности Святого вольно или невольно заставляет соотнести эту характеристику с одной из заповедей блаженств: *Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими* (Мф. 5, 9).

Подводя итог деятельности Сергия Радонежского в миру, повествователь выражает уверенность, что и в ней он не стал бы совершать «что-нибудь такое, что противилось бы «гласу Божию», который шел к нему так невозбранно»².

Включая новый материал в свое произведение, писатель подчиняет его заданной жанровой форме, он не нарушает, а продолжает и развивает традицию, используя не только основной источник («Житие» Епифания), но учитывая опыт древнерусской агиографической традиции в целом (в частности — житие Феодосия Печерского).

Создавая «Преподобного Сергия Радонежского», Зайцев непосредственно входит в традицию древнерусской культуры. Он изучил все доступные материалы и ориентировался не на подробные жизнеописания, не на научные обобщения, но на «иконописный подлинник» в слове, созданный Епифанием, и на икону как таковую.

То же можно сказать и о паломнических очерках писателя «Афон» и «Валаам», в которых он оказывается конгениален основоположнику этого жанра, игумену Даниилу. Пространственно-временные построения паломнических хождений включают три пространственные сферы (преддверие, сакральное пространство и пространство высшей реальности) и особое переживание времени («прошлое» во

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 61.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 62.

Христе стало постоянным «настоящим»¹). Основной способ изображения открывшегося паломникам мира — это создание образа особого пространства. У обоих авторов он строится по одной схеме.

Внешняя канва соответствует перемещению паломников в естественном пространстве. Она раскрывается в прямой пространственно-временной перспективе, одно из обозначений которой дано в названиях глав («Встреча» — «Прощание с Афоном»; «Приезд на Валаам» — «Прощание с Валаамом»). Мир святости изображается по принципу обратной перспективы: движение идет от образов преддверия (или ворот), подступа к новому миру, — в расширяющийся сакральный мир и далее — в пространство высшей реальности. Такой принцип, как известно, способствует «втягиванию» в изображаемое пространство. Понятно, что эта схема в произведениях реализуется в живой взаимосвязанности ее частей.

В качестве примера рассмотрим изображение преддверия. Даниил, описывая путь в Иерусалим, указывает расстояния от объекта до объекта, как бы обозначая границу между внешним, профанным, пространством и пространством сакральным, освященным возле Ираклии Великой христианскими мучениками, далее — захоронением святого Евфимия, а там — пребыванием апостола Павла, затем — мучеником Исидором и так далее: «А оттуде до Крита 20 верст и ту есть на Великое море внити, на шюе въ Иерусалим, а на десно къ Святей Горе, и къ Селуню, и къ Риму»².

По-своему, расширяя традицию, Зайцев подобный образ создает в начале произведения. Еще только приближаясь к цели, он видит ее как нечто необычное, загадочное: «Да правда ли гора? Может, такой странной формы облако?»³ И далее не менее загадочный, но более эмоциональный и величественный образ — «что-то Синайское, тут, действительно, престол неба». Самые условия подхода к берегу меняются, и путешественник ощущает в приближающейся горе «что-то грозное» и «ветхозаветно-грандиозное». Ясно, что перед ним «особенный мир»⁴. А далее в рассказах об афонских пределах используется традиционный прием: «Мы проходили подлинно по «святым» местам. Там у моря жил в пещере св. Петр Афонский — первый

¹ Суждение Г. В. Флоровского об особенностях христианского «анамнеза» См. Флоровский Г. В. Вера и культура: Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2002. С. 725.

² Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 29.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 77.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 77.

пустынножитель. Там Кавсокаливийский скит в память св. Максима Кавсокаливита... Дальше — пещера Нила Мироточивого»¹.

В «Валааме» обратная перспектива, можно сказать, «вычерчена». Пароходик идет узким путем, «понемногу *стал расширяться* (курсив наш — *Н. П.*) выход... А потом и вовсе вышли на волю»². В открывшемся просторе сразу представляется новый мир: «Налево, за бескрайнюю далью... монастырь Трифона Печенгского. Справа, в нескольких десятках верст, остров Коневец. В веке четырнадцатом св. Арсений прибыл туда... Прямо же перед нами, очень далеко, но уже белея Собором, сам знаменитый Валаам». Собор «приближается медленно, остров же *растягивается* (курсив наш — *Н. П.*) в длину»³.

Конечно, самое волнующее для паломника в Святой Земле — участие в службе Святого Воскресения. И тот факт, что Даниил описывает это в конце своего произведения, говорит о нем как о мастере слова, художнике, придававшем большое значение композиции. Движение от мест, освященных мучениками и подвижниками, переходит к изображению крупным планом всего сакрального пространства Святой Земли и завершается выходом в мистическое пространство. При этом в главу о сошествии Святого Света Даниил включает эпизод, психологически подготавливающий читателя к восприятию таинства. Паломник по величайшему разрешению приносит «кандило... от всея Русьския земли» на гроб Господень. Служитель «отверзе ми двери святыя и повеле ми выступити изъ калиговъ и тако босого введе мя единого въ святый гроб Господень и съ кандилом»⁴. Даже секулярный читатель не может здесь не вспомнить сакраментальную фразу: *Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь есть Земля Святая* (Исх. 3, 5). Паломник вплотную приблизился к границе, за которой происходит непосредственное Богообщение. И затем Даниил подробно описывает чудо приобщения благодати Божией в видении нисхожденья Святого Света. Через три дня он забрал свою лампаду, еще светящуюся Святым Светом, и с благоговейной радостью понес свое сокровище⁵.

При всей реальности ситуации образы Святого Света и горячей лампы в изобразительном плане становятся символами мистического пространства, венчающими повествование о Святой Земле.

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 111.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 155.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 155.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 74.

⁵ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 78.

Паломник двадцатого века покидает Афон с не менее благоговейным чувством приобщения к высшему миру и завершает свое произведение таким же символическим образом: «В своем грешном сердце уношу частицу света афонского, несу ее благоговейно, и что бы ни случилось со мной в жизни, мне не забыть этого странствия и поклонения, как, верю, не погаснуть в ветрах мира самой искре»¹.

При всей разности художественного опыта писатели столь удаленных друг от друга эпох в решении творческой задачи приобщения читателя к миру святости оказались весьма близки, что объясняется не только пребыванием их в едином пространстве христианского универсума, но и чуткостью писателя XX в. к жанровой природе хождения, его художественному канону, сложившемуся на заре русской литературы.

В творческом наследии писателя паломнические очерки, агиобиография, сказания о чудотворных иконах занимают особое место как редкие образцы обновления древних жанров. Этим определяется и их место в русской литературе. Они подтверждают, что средневековый канон — категория порождающая и не сковывает творческую свободу мастера, а дает большие возможности, если он пребывает в традиции.

На все, что создавалось писателем после такого творческого опыта, он смотрел изнутри этой традиции. В первую очередь это относится к биографиям, созданным им: «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954).

Своеобразие жизнеописаний Зайцева обусловлено авторской позицией и тем объектом изображения, который он избрал для своих произведений. Объектом изображения в биографиях становится путь духовной жизни этих героев. Писатель прямо говорит об этом и в отношении каких-либо фактов их биографии, и особенно в отношении их творчества.

Например, о «Призраках» и «Довольно»: «Шедеврами эти произведения не были. Но для *истории души* (курсив наш — Н. П.) Тургенева значение их огромно»². В конце первой главы жизнеописания Жуковского сказано: «Этот храм — первое пристанище души его, начало *длинного и не без сложностей духовного пути*»³ (курсив наш — Н. П.). В первой главе о Чехове, говоря о его участии

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 146.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 119.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 184.

в церковной службе, автор ставит риторический вопрос: «но так ли уж бесследно проходило для души общение с великим и святым?»¹ Или о повести «Скучная история» заключает: «В деле художника «повестушка» заняла крупное место. В *истории его души* (курсив наш — *Н. П.*) тоже: предел безутешности»².

Зайцев сознательно соотносит объект изображения создаваемых жизнеописаний с агиографической традицией, что предопределяет особенности системы образов, основных элементов композиции, пространственно-временной организации.

Произведения начинаются с описания просторов русской земли, где родились писатели. И просторы эти немислимы без храма: усадебная церковь в Спасском-Лутовинове³, «сельская церковь — как бы своя»⁴ в Мишенском, собор и греческий монастырь в Таганроге.

И далее автор обязательно отмечает приближение к Церкви или удаление от нее героев. Церковь именно в ее понятийном значении, и храмы, монастыри вводятся как зримые знаки этого значения. Например, о Жуковском сказано: «Он прожил жизнь скорей *около* (курсив автора) Церкви, чем в церкви»⁵. Зайцев указывает корни своих героев и затем старается увидеть образы светлой и Святой Руси в обликах и творчестве старших собратьев по перу. Именно свет веры позволяет ему рассмотреть то, что до него не было замечено и, как отмечал Ф. Степун, «на новой высоте и глубине раскрыть вечное содержание народной жизни»⁶. При всей индивидуальности портретных характеристик Зайцев сосредоточил внимание на лице писателей, то есть на тех чертах, которые соединяют их с Русью вечной и тем самым делают их собственно русскими писателями.

Проблема пути жизни, странствия в Божием мире предопределила то, что герой биографии предстает не только в своем временном облике писателя, но и в вечном образе путника, странника, идущего сквозь земные пределы к миру иной реальности.

В героях жизнеописаний показано три типа соотношения земной и духовной сферы в жизни художника. Тургенев, обладая «хри-

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 336.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 378.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 21.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 179.

⁵ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 327.

⁶ Степун Ф. А. Встречи. М., 1998. С. 197.

стианскими же качествами души»¹, все-таки оставался во власти земного. И хотя был «в нем запредельный порыв»², но «мистика его была не православна»³.

Жуковский тоже мечтал о земном, человеческом счастье, но Промысл чувствовал и принимал смиренно. Для него всегда было «главное: величие нравственное»⁴. Он понимал: «искусство искусством, но есть нечто и высшее»⁵. Путь его жизни — это путь духовного роста, который позволяет автору жизнеописания подвести соответствующий итог: «единственный кандидат в святые от литературы нашей»⁶.

В Чехове-докторе подчеркнуто его пленение материализмом, но в Чехове-человеке и художнике всегда жила «тоска по Божеству»⁷. «Христианский мир... в нем произрастал»⁸, и в земном пути своем он служил Богу «в Его бедных» и «Его отверженных».

Проблема духовного пути героя становится объектом изображения и в тетралогии «Путешествие Глеба», особенностью, которой является характер корректировки прошлого с позиций настоящего, с позиций обретенного жизненного опыта и веры. Осуществляется эта корректировка в романе через образы храма, света, с помощью сакрального текста.

Своеобразие жанра отличает и сборники публицистических очерков писателя, в частности, последнюю его книгу — «Дни». Это как бы летопись путей человечества в конкретных его представителях, своего рода «синодик» и «совестная книга».

В творчестве Зайцева отражено проживание им разных пластов русской культуры. Но проживаются они в едином пространстве духа, который составляет сущность Руси вечной. Со-причастие Святой Руси включало писателя в то пространство, которое в эмиграции давало силы не только выжить, но жить и творить. Образы храма и света как отражение лика Святой Руси организуют повествовательное пространство его произведений, включая в это пространство читателя и приобщая его тем самым к живой традиции Святой Руси как Руси вечной.

¹ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 116.

² Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 106.

³ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 106.

⁴ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 294.

⁵ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 326.

⁶ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 326.

⁷ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 401.

⁸ Зайцев Б. К. Собрание сочинений. Т. 7 (доп.). С. 379.

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ И РАСЦВЕТ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ НА АЛЯСКЕ

(1824—1867)

16 марта 1822 г. Святейший Синод послал предписание епископу Иркутскому, Нерчинскому и Якутскому Михаилу¹ «избрать из духовенства священника на остров Уналашку в Америке»², где алеуты приняли христианство и просили, чтобы у них был постоянный пастырь, который бы духовно окормлял народ, вошедший в спасительную ограду Церкви. В предписании Святейшего Синода говорилось, что годовое жалование священнику определяется 1 200 руб., что он будет также пользоваться «пожертвованиями доброхотных дателей и жизнь свою будет проводить в достатке»³. Получив это указание Святейшего Синода, епископ Михаил через консисторию объявил о нем священникам и диаконам, служившим в храмах города Иркутска, с намерением узнать, «не пожелает ли кто из них отправиться в Америку для занятия столь выгодного священнического места в Уналашке»⁴.

В те времена многие люди в России считали Америку концом света, и было трудно найти желающих ехать в этот неизвестный и полудикий край с суровым климатом. Все городское духовенство отказалось от назначения на Аляску, включая и священника Иоанна Вениаминова⁵, который в то время служил в храме в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в Иркутске. Узнав, что желающих поехать на Уналашку среди городского духовенства нет, епископ

¹ Михаил II (Бурдуков), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский, управлял Иркутской епархией с 1814 по 1830 гг., с 1826 г. — в сане архиепископа.

² Тихон, епископ. К 60-летию прибытия в Ситху Высокопреосвященнейшего Иннокентия в сане Епископа Алеутского 27 сентября 1841 г // Американский Православный Вестник. 1901. № 18. С. 377.

³ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 377.

⁴ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 377.

Михаил, уподобив их «званным на брак царя (Лк. 14, 16–24) и не пожелавшим придти по причинам, не заслуживающим внимания»¹, дал указание консистории предложить место на Уналашке духовенству всей епархии, кроме Камчатки. Однако и во всей епархии не нашлось желающих поехать в Америку.

В это время в Иркутске находился вернувшийся в Россию с Аляски Иоанн Крюков. Там он провел около сорока лет и был управляющим Уналашкинской конторы. В Иркутске он поселился недалеко от храма, где служил священник Иоанн Вениаминов, и познакомился с ним. Его интересовали вопросы веры, и он много беседовал с о. Иоанном. Та искренность, с какой о. Иоанн раскрывал истины христианства, простота и ясность слова произвели на Крюкова большое впечатление. Он понял, что в основанных русскими поселениях на Аляске не хватает священнослужителей, которые могли бы учить народ, а поэтому при встречах неоднократно уговаривал о. Иоанна поехать на Уналашку, рассказывая ему о жизни на Алеутских островах, о местных жителях и их желании приобщиться к Церкви Христовой. В середине февраля Крюков стал собираться, чтобы продолжать свое путешествие, и, прощаясь с о. Иоанном, еще раз посоветовал ему поехать миссионером на Аляску. Когда Крюков пришел получить благословение на дальнейшее путешествие к епископу Михаилу, то там он встретил о. Иоанна, который пришел в епар-

⁵ Святитель Иннокентий, митрополит Московский, родился 26 августа 1797 г. в с. Ангинском (в настоящее время — Анга) Иркутской епархии. 13 мая 1817 г. был рукоположен в диакона, а 18 мая 1821 г. — в иерея. Вспоминая о своем отказе поехать на Аляску по первому обращению епископа Михаила с этим предложением к клиру епархии он писал, будучи уже архиепископом: «Да и в самом деле, мог ли я, или был ли мне какой расчет, судя по-человечески, ехать Бог знает куда, когда я был в одном из лучших приходов в городе, в почете и даже любви у своих прихожан, в виду и на счету у своего начальства, имел уже собственный свой дом, получал доходу более, чем тот оклад, который назначался в Уналашке? И потому, когда, по распоряжению покойного Преосвященного Михаила, были опрошены все священнослужители по всей епархии: не пожелает ли кто ехать в Уналашку и если не пожелает, то почему именно, — в числе прочих и подписался и я, что не желаю занять это место, по причине отдаленности. И это я написал со всей искренностью, имея в виду, что ежели наши вдовы, живя и за десять верст от начальства остаются без всего, то что будет за десять тысяч верст? Так я думал, так и говорил другим своим собратям». (Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. М., 1997. С. 24.)

¹ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 377.

хию по делам прихода. Вот как последний вспоминал об этом позднее, будучи уже святителем:

«Но когда этот же выходец — уже простившийся со мной совсем и на прощание убеждавший меня ехать в Уналашку (это я живо помню) — в тот же самый день, при прощании своем с Преосвященным (у которого мне случилось быть в то время, и даже в гостиную, что было со мною в первый раз), стал рассказывать об усердии алеутов к молитве и слушанию Слова Божия (что, без сомнения, я слышал от него и прежде и, может быть, не однажды): то — да будет благословенно имя Господне! — я вдруг и, можно сказать, весь загорелся желанием ехать к таким людям. Живю помню и теперь, как я мучился нетерпением, ожидая минуты объявить мое желание Преосвященному; и он, точно, удивился этому, но сказал только: «Посмотрим»¹.

Для о. Иоанна было неожиданностью, что он сразу не получил благословения ехать на Аляску. Епископ Михаил не торопился с решением, потому что не желал отпускать хотя и молодого, но уже имевшего любовь и уважение жителей Иркутска священника². 5 февраля 1823 г. от Преосвященного Михаила последовала следующая резолюция: «Многие из священнослужителей отказались от служения в столь важной и подобноапостольской миссии по причинам совершенно не уважительным, и потому консистория имеет дать жребий... (таким-то) диаконам... и тот, кому падет жребий, должен отправиться непременно»³. Святитель Тихон, Патриарх Московский

¹ Избранные труды святителя Иннокентия. С. 25. Рассказ Крюкова, во время которого его сердце загорелось апостольской ревностью, он приводит дословно в письме Н. А. Протасову: «Ах, Ваше Преосвященство! Вы не поверите, как алеуты усердны к вере. Несмотря ни на что — ни на мороз, ни на снег — они с охотою и усердием идут к заутрене в часовню, которая построена из досок и не имеет печки; и стоят иногда даже босые, не переступая с ноги на ногу и до тех пор, пока читают заутреню» (Там же. С. 194.).

² «Благовещенский священник Иоанн Вениаминов, — писал о нем современник, — за свой ум, за нравственную жизнь, за послушание, за особенную чинность в отправлении богослужений и в особенности за небывалое в Иркутске пастырское дело, какое явил в своем приходе молодой священник (а именно: он учредил собираться детям обою пола перед воскресными Литургиями в церковь, и преподавал им там христианские уроки), снискал себе тем всеобщее уважение и не только прихожан, но и всего города» (Цит. по: Барсуков И. П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1997. С. 9–10).

³ Цит по: Автобиографическая записка // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 26.

и Всероссийский, во время своего служения в Америке в сане епископа Алеутского, на основе изучения епархиальных архивов на Аляске, писал, что епископ Михаил постановил так, поскольку, по его словам: «Некоторые из тех, коих я лично склонял и убеждал к поездке в Америку, хотя также не согласились, но не представили никаких на то благословных вин, кроме своего нехотения, которое считаю безрассудным упрямством. Сии священноцерковнослужители следующие: 1) новопосвященный иерей Даниил Громов; 2) соборный диакон Афанасий Малинин; 3) Владимирский диакон Иван Фоминский; 4) архангельский дьячок Прокопий Попов. Посему, призвав всех их четверых в присутствие, по объявлении сего, по прочтении из Деяний Апостольских 1-й главы со стиха 19 по конец оной, и по молитве и призвании Святого Духа, дать им жребий, и кому из них выйдет жребий избрания, о том ко мне отрапортовать»¹.

Когда о. Иоанн Вениаминов узнал, что его имя епископ Михаил не включил в список для жеребьевки на священническое место на Уналашку: «Это, — как сообщает он лично, — меня крайне огорчило, даже заставило отчаиваться... Но не кому иному, а мне Господь судил отправиться тогда в Америку. Тот, кому пал жребий,.. отказался, представляя разные причины»². Все указанные Преосвященным Михаилом лица согласились на послушание по жребию. Последний выпал на диакона Афанасия Малинина, но тот отказался, заявив, что лучше пойдет в армию служить солдатом, чем поедет в Америку³. В своем письменном объяснении отказа епископу Михаилу диакон Малинин указывал следующие мотивы, по которым он не мог принять это послушание:

«1. Имея родителей, уже обремененных летами, а поэтому и требующих моей помощи и подкрепления, я, отлучившись от них на столь великое пространство, лишен буду всех средств не токмо хотя по временам утешать и ободрять их своим присутствием, что весьма интересно для каждого из отцов, но и подавать необходимые пособия другого рода, и таким образом не выполню неременного долга, какой налагает самая природа.

¹ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 377–378.

² Автобиографическая записка // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 26.

³ Позднее он был запрещен и поступил в армию. По сообщению епископа Иннокентия, «он помер еще в 1839 г. в Красноярске, солдатом, горько раскаиваясь в своем упрямстве» (См. Автобиографическая записка // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 26.).

2. Вступив по незнанию в супружество с одной из подверженных беспрестанным припадкам и нередко случавшемуся с ней обмороку, которая в природном воздухе, можно сказать, не обещает надежды долгоденствия, а кольми паче в неприродной земле и климате, кои опасны и для здорового, она, кажется, непременно должна окончить дни свои гораздо прежде, нежели исполнится назначенное ей в совете Божиим число оных. Сверх того трудности, предлежащие на пути в страну, столь отдаленную, совсем не соответствуют природной слабости сил ея. Почему, представляя на вид толь немаловажные причины, униженнейше прошу избрание отменить и от оногo меня избавить»¹.

Ознакомившись с причинами отказа от служения в Америке диакона Афанасия Малинина, епископ Михаил наложил на его объяснении резолюцию, в которой говорилось: «...Сей упрямец, соборный диакон Афанасий Малинин... и все почти священнослужители в целой епархии под разными предлогами, впрочем самыми низкими и ничтожными, отозвались от важнейшего и равноапостольского служения Церкви в Америке на острове Уналашке в сане священника с представленными оному со стороны Американской компании немаловажными выгодами; а сим отзывом обнаружили они постыдную свою холодность к святому делу небесного звания своего и недостаток чистой христианской любви и веры, недостаток истинного, ревностного и пламенного усердия ко спасению вверенных их попечению душ, искупленных кровью всемирного Спасителя, забыв страх Божий и пастырское мое увещание, в печатных листах 1817 (г.) к ним разосланное»².

Тогда же епископ Михаил, видя, что священник Иоанн Вениаминов в действительности желает поехать на Аляску, дал ему благословение и назначил его миссионером на Уналашку. В связи с этим Иркутский Преосвященный писал: «Один только из многих званых, к духовному порадованию моему, нашелся избранный сын послушания, здешней Благовещенской церкви иерей Иоанн Вениаминов-Попов, который охотно согласился отправиться в важнейшую миссию»³.

¹ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 378.

² Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 378.

³ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 378.

О назначении священника Иоанна на Уналашку Преосвященный Михаил доложил в Святейший Синод и сообщил в Российско-Американскую компанию. При этом он просил компанию обеспечить о. Иоанна и его семью необходимой теплой одеждой, аптечкой, книгами и другими вещами, которые ему потребуются для миссионерского служения в Америке. 25 февраля епископ Михаил наградил о. Иоанна набедренником «по образу протоиереев за ревностное и усердное прохождение священнической должности в Иркутске, при беспорочной и похвальной жизни, особливо же за послушание и охотное согласие его отправиться в толь отдаленную миссию»¹.

Самым трудным для о. Иоанна было сказать родным о предстоящей поездке. По свидетельству его дочери Екатерины Петелиной, он, «прежде чем объявить семье о своей решимости ехать в Америку, взял на руки попавшего ему на глаза годовалого своего сына Иннокентия и, поцеловав его, сказал ему: «Кеня, Кеня! где ноги твои ходить будут?» ...Тут семья догадалась о его намерении, бросилась к нему со слезами и с воплями стала просить, чтобы он изменил свое намерение, но ничто не помогло»². Впоследствии он рассказывал, что, получив благословение ехать на Алеутские о-ва, «как будто бы что поворотилось в моей груди, и я тут же объявил своим домашним: «Я еду!» Ни слезы родных, ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего пути и ожидающих меня лишений — ничто не доходило до моего сердца; как будто огонь горел в моей душе, и я легко расстался с родиной и не чувствовал трудностей утомительного путешествия»³.

К началу мая все сборы и подготовка к поездке на Аляску были закончены, и 7 мая 1823 г. небольшая группа направилась в необычное путешествие. Вместе с о. Иоанном на Аляску поехали также его супруга Екатерина Ивановна, сын Иннокентий, мать Фекла и девятнадцатилетний брат Стефан, который перед отъездом был пострижен во чтеца и определен псаломщиком и учителем на Уналашку. Первый отрезок пути от Иркутска до р. Лены длиной более 250 км они ехали в телегах по почтовому тракту. По дороге они остановились в родном селе Ангинском, где о. Иоанн в храме во имя Пророка Илии совершил Божественную литургию и молебен «в путь шест-

¹ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 378–379.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 11.

³ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 12.

вующим». 9 мая путешественники достигли Качугской пристани на р. Лене. Затем около 2 000 км они проплыли до г. Якутска по Лене на «павозке»¹.

Далее от Якутска до Охотска они ехали верхом на лошадях около 1 000 км. Это был самый сложный азиатский отрезок пути. На всем его протяжении горы были еще покрыты снегом, а в низменных местах реки вышли из берегов, что создавало трудности передвижения и осложняло перевоз багажа. Проложенной дороги в том районе не было, путь показывали проводники, знакомые с местностью, но и это не гарантировало спокойствия и безопасности путешествия. Иногда лошади попадали в трясину, что задерживало передвижение всей группы. Только с помощью Божией все путешествующие благополучно достигли Охотска, откуда им предстоял путь морем.

Из Охотска путники отправились «августа 30 дня во втором часу по полудне» на шлюпе² «Константин» — записано в «Журнале священника Иоанна Вениаминова». Морское путешествие было морально самым тяжелым. Никто не мог предсказать, как оно пройдет и что может возникнуть во время плавания легкого судна в открытом океане. Путешественников ожидали разные опасности — морские штормы, встречный ветер, нехватка пресной воды и т. д. Никто не был гарантирован во время путешествия от стесненных обстоятельств, о которых, по выражению самого святителя Иннокентия в письме к А. Н. Муравьеву, «неприятно рассказывать даже в теплой гостиной за чаем»³. Путешествие о. Иоанна и его спутников по морю продолжалось более 50 дней, и 20 октября в 8 часов утра «по претерпении жестокого шторма», как сообщает в своем журнале о. Иоанн, они благополучно прибыли в Ново-Архангельск, откуда должны были продолжить путешествие на Уналашку.

После прибытия в Ново-Архангельск — центр управления Российских владений в Америке — о. Иоанн посетил управляющего компанией и начальника колонии, капитан-лейтенанта флота Матвея Ивановича Муравьева, и обсудил с ним все вопросы относительно своего пребывания и предстоящего служения на Уналашке. В Ново-

¹ Павозок — большая плоскодонная крытая лодка с мачтой.

² Шлюп — небольшое военное судно. Часто употреблялось как транспортное судно или как судно для ученых экспедиций.

³ Фиалкин В. Святитель Иннокентий, Митрополит Московский, и его миссионерская деятельность // Журнал Московской Патриархии (далее ЖМП). 1979. № 3. С. 72.

Архангельске о. Иоанну пришлось остаться на зиму, так как в это время уже не было сообщения с Алеутскими островами. Свое долгое ожидание дальнейшего путешествия о. Иоанн решил не тратить попусту, а энергично взялся за изучение алеутского языка, который «необходимо было знать для обращения и назидания тамошних жителей, очень худо знавших русский язык»¹. Он нашел в Ново-Архангельске человека, знавшего язык алеутов, и с его помощью выучил более 200 слов. Грамматики и системы алеутского языка не было, и ему пришлось заучивать слова и их произношение на слух. Впоследствии это помогло ему не только в проповеди христианства, но и в ведении научной работы.

С первого дня пребывания в Ново-Архангельске он начал вести «журнал, в коем обозначено, чем он занимался касательно своей существенной обязанности»². Данный журнал в настоящее время находится в семинарии Преподобного Германа Аляскинского, на нем сохранился автограф святителя Иннокентия: «Журнал священника Иоанна Вениаминова». Журнал содержит записи с 20 октября 1823 г. по 1 мая 1824 г., когда о. Иоанн отправил его «на рассмотрение Преосвященному Иркутскому»³.

Из журнала видно, что в Ново-Архангельске он много времени уделял чтению книг, которые имелись в библиотеке компании. Находясь там, он прочитал: «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, «Созерцание христианства» в переводе Преосвященного Феофилакта, «Дух Эккартсгаузена», «О познании самого себя» Массона, «О таинстве Креста» Дузетана, «Российскую историю» Н. М. Карамзина, «Надежное руководство к воспитанию детей» Цолликофера, «О Крестовых походах» Вальтера, «Политику Наполеонову» М. И. Невзорова, «Словотолкователь технических слов» и другие книги⁴. Хотя перечень их невелик⁵, и многие из книг написаны неправославными авторами, он свидетельствует о широте интересов молодого священника, о его стремлении везде и во всем находить пользу для успешного осуществления пастырского дела. Будущий святитель серьезно готовился к предстоящему миссионерскому служению на

¹ Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380.

² Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 379.

³ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 379.

⁴ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380.

⁵ В то время святоотеческие книги были редкостью, и религиозная литература в основном была представлена книгами западных христианских авторов.

Уналашке, и, имея природные дарования к приобретению знаний, он не ограничивался только изучением богословия, его также интересовали вопросы истории, естествознания, педагогики и литература технического характера.

Кроме того, находясь в Ново-Архангельске, о. Иоанн с разрешения начальника колонии, чтобы «не празднично жить здесь столь долгое время»¹ стал преподавать Закон Божий в местном училище по средам и пятницам, а в воскресные дни по утрам, кроме совершения богослужения, объяснял в храме воскресное Евангелие (чем до него никто не занимался). Это время для духовного просвещения он выбрал не случайно. Во-первых, осенью, завершив промысловые работы, все в основном находилось дома, и с утра им удобнее было прийти на занятия, а что касается воскресного дня, то он проводил беседы до богослужения, с тем, чтобы во время службы им было понятнее чтение Евангелия, и они с пользой могли его слушать. Вот как об этом он пишет в своем дневнике: «В сие время все могут быть свободны от работы, а потому не одни ученики, но и другие желающие могут быть там и слышать Слово Божие; и поелику не толковать только хочу слово Евангелия, в нем же мне и самому должно еще поучаться день и ночь, но выводить из онаго нравственность под видом бесед»². В декабре он перенес беседы с воскресенья на понедельник и проводил их в училище по той причине, что «в девятом часу бывает еще темно, да и в церкви холодно; к тому же и усердие посторонних слушателей начало хладеть, ибо сначала собиралось более пятнадцати человек, а после менее и менее»³.

Пользуясь пребыванием в Ново-Архангельске, о. Иоанн обратился к капитан-лейтенанту М. И. Муравьеву с вопросами для разъяснения своего положения как приходского священника храма на Уналашке, находящегося на обеспечении компании. Правление компании ответило, что ему предоставляется «завести порядок в управлении сей церкви тот же, какой существует во всех епархиях в России; но буде (если — *прим. автора*) по местным обстоятельствам нельзя будет вполне сего учредить, то вы будете руководствоваться возможностью дела, пользою ваших прихожан и порядком местного начальства»⁴. Далее управляющий компанией указывал, что он даст рас-

¹ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 379.

² Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380.

³ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380.

поряжение правителю Уналашкинской конторы¹, «дабы он всеми от него зависящими способами подавал требуемые от вас пособия, но не прекращая ходу дел компании; ежели что не от него будет зависеть, то он о ваших требованиях будет доносить мне; в таковых случаях и вы, со своей стороны, конечно, не упустите извещать меня»².

Интересен другой вопрос, с которым обратился о. Иоанн к начальнику колонии Муравьеву, когда находился в Ново-Архангельске, и который приведен святителем Тихоном в его статье. Желая уточнить понятие «пожертвования от доброхотных дателей», о котором говорится в указе Святейшего Синода, о. Иоанн спрашивал: «Входят ли пушные товары в состав тех пожертвований от доброхотных дателей, коими, по указу Святейшего Синода и согласно обещанию компании, будет пользоваться Уналашкинский священник, и может ли он принимать таковые от алеутов?»³ Получив такой вопрос от о. Иоанна, М. И. Муравьев отвечал, что по существующим в компании правилам, «все служащие в компании не должны и не могут приобретать здесь пушной товар ни куплею, ни даром,.. но здесь нахожу нужным прибавить, что святость договоров и донесение Главного правления Святейшему Синоду должны быть непременно выполнены, а вас прошу, не оставьте известить контору по окончании года: как велики могут быть таковые пожертвования, дабы можно было с избытком вознаградить оныя, при могущем случиться другом договоре»⁴. Узнав о существовавшем порядке и не желая его нарушать, о. Иоанн, хотя правление компании и разрешило ему брать пожертвования,

⁴ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380.

¹ Все Российские владения в Америке разделялись в то время на пять главных частей или отделов: Ситкинский, Кадьякский, Уналашкинский, Аткинский и Северный. К Ситкинскому отделу относились все русские территории, как на островах, так и на Американском материке, расположенные к востоку от горы Святого Илии; к Кадьякскому отделу — острова и побережье от горы Святого Илии до половины п-ова Аляски; к Уналашкинскому и Аткинскому отделам — все острова, отделяющие Берингово море от Тихого океана и часть п-ова Аляски, прилежащего к ним, к Северному отделу — все берега Берингова и Северного морей и континентальная часть Аляски. В каждом отделе, кроме последнего, компания имела свои конторы, состоящие под управлением правителя конторы, из которых каждый, кроме Ситкинского, был начальником своего отдела.

² Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380.

³ Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380.

⁴ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 380–381.

отказался от них, считая, что ему будет достаточно и назначенного содержания. Он писал М. И. Муравьеву:

«Пока буду там находиться, не буду ни от кого из алеут принимать никаких приношений ни пушными товарами, ни марками, ни другим чем, ни за исправление треб, ни в виде подарков: 1) потому что таковые пожертвования, кроме предвидимых вами подлогов и, кроме того, что они противны общему и каждого служащего компании условию, могут нарушить обыкновенный порядок компанией там имеемый, — и тем, некоторым образом, в глазах тамошних островитян ослабит силу и святость многих постановлений, а также могут быть причиною многих неприятностей и неудовольствий между мною и тамошним правителем; 2) потому, дабы избежать необходимо долженствующей быть по сему случаю переписки между высшим моим начальством и Главным правлением, и для меня могущей быть очень невыгодной; 3) поелику (по мнению моему) простое усердное и безмездное наставление и учение в вере (каковое и требуется от служителя Евангелия) более и сильнее может действовать на душу и сердце новообращенных диких, нежели усердное и красноречивое, но сопровождаемое и награждаемое пожертвованиями и проч. По таковым и другим причинам отказываясь от пожертвований, позволенных мне правлением, я покорно прошу позволить ежегодно в счет жалования моего по здешней таксе отпускать мне по два и по три выделанных меха или одеяла на теплые одежды мне и семейству»¹.

В этом вопросе проявились Богом данная мудрость и государственное мышление молодого священника, которые впоследствии ярко характеризовали его архипастырское служение. Если бы он решил принимать пожертвования, то это навредило бы его пастырскому делу и государственным интересам на Аляске, поскольку это было бы связано с нарушением порядка, установленного компанией, которая представляла там государственные интересы. Кроме того, у принимавших новую веру туземцев мог возникнуть соблазн, что они платят за Евангельское благовестие и получают дары благодати за свои пожертвования.

Такой ответ о. Иоанна понравился Муравьеву, и его пожелание относительно выделения ему мехов последний счел «справедливым, благородным и умеренным»². Вообще о. Иоанн произвел хорошее

¹ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 381.

² Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 381.

впечатление на всех служащих компании в Ново-Архангельске. Он был принят ими с «благорасположением и вниманием»¹ и, по его личному выражению, пользовался «милостями здешних чиновников, от которых получил значительную сумму 675 руб. здешними марками на обзаведение нужных вещей»².

Обо всех обстоятельствах пребывания о. Иоанна в Ново-Архангельске М. И. Муравьев доложил в Главное правление компании в Петербург. В своем донесении он отметил, что «невозможно лучше желать для того края человека такой нравственности, таких познаний, благородного характера, бескорыстия и прилежного к своей должности, каков священник Вениаминов»³. Учитывая все это, Главное правление в конце 1824 г. просило Святейший Синод дать ему «приличную награду»⁴, в результате чего Синод после запроса мнения у епископа Иркутского Михаила в 1826 г. удостоил о. Иоанна наперсного креста⁵.

1 июля 1824 г. в 7 часов утра о. Иоанн вместе со своим семейством покинул Ново-Архангельск и на бриге «Рюрик» направился на Алеутские о-ва. Прибыв к месту своего миссионерского служения, священник Иоанн Вениаминов нашел там печальную религиозную обстановку. Еще задолго до его прибытия на Уналашку коренные жители острова — алеуты⁶ — были крещены иеромонахом Макарием (Александровым), прибывшим в составе первой православной миссии на о. Кадьяк в 1794 г. В следующем году о. Макарий совершил миссионерскую поездку по Алеутским о-вам, в их числе он посетил и Уналашку. Все местные жители вместе со своими детьми скоро приняли крещение. Но иеромонах Макарий пребывал среди них непродолжительное время и не имел хороших переводчиков для того, чтобы передать алеутам все православное вероучение, он смог сообщить им только общие понятия о Боге.

¹ Тихон, епископ. Указ. соч. С. 381.

² Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 381.

³ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 381.

⁴ Цит. по: Тихон, епископ. Указ. соч. С. 381.

⁵ Records of the Russian Company 1802, 1817–1867. The National Archives and Records Service General Services Administration. Washington, 1971. P. 134.

⁶ Алеуты (самоназвание — унанган — народ), коренное население Алеутских и Командорских о-вов и п-ова Аляска. В те времена их называли «лисьевскими алеутами» в отличие от «кадьяхских алеутов» (по современным данным — эскимосов).

После гибели иеромонаха Макария в 1799 г. во время кораблекрушения вместе с епископом Иоасафом (Болотовым) никто духовно не окормлял обращенное в христианство местное население, и до приезда о. Иоанна Вениаминова, который был первым приходским священником на острове, «алеуты веровали и молились точно неведомому Богу»¹. Поэтому в своей жизни вместе с христианскими обычаями, которые они охотно перенимали у русских поселенцев, алеуты продолжали соблюдать и свои языческие традиции. Только благодать, воспринятая ими в крещении, сберегала в них преданность полученным наставлениям и хранила от возврата к языческим заблуждениям. Перед о. Иоанном стояла задача научить местных жителей основам православной веры и жизни по этой вере. В этом отношении с его именем связан новый период миссионерского служения Русской Церкви на Североамериканском континенте. Будучи человеком больших возможностей, он развил активную миссионерскую работу первоначально на Уналашке, а затем и на других островах и материковой Аляске.

На о. Уналашка² священник Иоанн Вениаминов прибыл 29 июля 1824 г. 1 августа он совершил первую на острове Божественную литургию и благодарственный молебен. Храма на острове в то время еще не было, и богослужение проходило в ветхой деревянной часовне в честь Вознесения Господня, построенной Российско-Американской компанией еще в 1808 г. Впоследствии в этот день о. Иоанн установил ежегодный крестный ход вокруг главного поселения острова — Иллилюк, где располагались компанейская контора и часовня, рядом с которой он поселился.

На острове не были готовы принять священника: там не было не только храма, но отсутствовало даже жилье для него, и первые месяцы о. Иоанну приходилось жить в стесненных условиях³. Потом он поселился в скромном деревянном доме, который он построил сам на берегу речки Уналашка. Мебель для дома, включая настенные часы, он также сделал своими руками. Здесь проявились его способности строителя, столяра и механика.

Первоочередной заботой о. Иоанна было строительство на острове храма вместо полуразрушенной часовни. Строительные материалы для этого были завезены на остров по указанию главного

¹ Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 247.

правителя. Большую помощь ему оказывал его родной брат Стефан, который был опытным каменщиком. Он освоил это дело в Иркутске во время работ в летние месяцы семинарских каникул. Также помогли о. Иоанну местные жители, которых он обучал разным строительным навыкам. Простота в общении с алеутами, желание научить их ремеслу установили доброжелательные, полные доверия отношения между миссионером и местными жителями, что позволяло ему знакомиться с их бытом, чертами характера и вместе с тем давать им пастырские наставления. Строительство храма было закончено летом 1826 г., и 20 июня он был освящен в честь Вознесения Господня. Это был первый храм на Алеутских о-вах, и он имел значительные для Аляски размеры. Большую часть внутренних работ в нем, включая сооружение престола, иконостаса и его позолоту, о. Иоанн выполнил сам.

Два года, пока строился храм, о. Иоанн совершал богослужения в приспособленном помещении, и все это время он не только обучал основам веры местное население, но активно изучал их обычаи, нра-

² Остров Уналашка по-алеутски называется «науан алахсха», что означает «большой остров по своим размерам подобный полуострову Аляске» или «Другая Аляска». Это один из больших островов (150x50 км) Алеутского архипелага, находящегося на границе Берингова моря и Тихого океана. Остров гористый вулканического происхождения. Климат прохладный с ветрами и туманами, характеризуется частыми и быстрыми перепадами температуры. Растительный мир представлен лугами и горными тундрами. Из промысловых животных на острове водились лисицы, бобры и тюлени. Ко времени прибытия священника Иоанна Вениаминова на острове было десять селений с общим количеством жителей 470 человек — в основном алеутов, а также креолов и русских. О прежней вере коренного населения острова о. Иоанн писал, что она представляла собой «отрасль шаманской веры. ... Алеуты верили и признавали, что есть и должен быть Творец всего видимого и невидимого, и которого они называли *Агугук*. Но, не умея составить понятий о Его неограниченных свойствах, они ... не делали Ему никакого поклонения. Но не поклоняясь одному, они поклонялись всем, кого только считали могущественнее себя. Властителями и управителями всего окружающего они признавали двух духов или два рода духов... Первых они называли *кугак*, а вторых — *агликаях*. Одни из них действовали более а пользу человека, а другие — ко вреду. ... У них не было ни храмов, ни идолов, но были священные ики заповедные места, называемые *аудагадах*, а также жертвоприношения невидимым духам» (Из Записок об островах Уналашкинского отдела. Замечания о жителях. // Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. М., 1997 г. Сс. 224–225.). Благодаря тому, что, по словам о. Иоанна, «уналашкинцы имеют более добрых качеств, нежели худых» (Там же, с. 239), они настолько охотно и искренне приняли Православие, что, в отличие от других коренных народов Аляски, они совсем не сохранили своей прежней языческой культуры.

вы и быт. Впоследствии эти знания он использовал в своей миссионерской работе. Архимандрит Евлогий так характеризует этот период жизни о. Иоанна на Уналашке: «Между пастырем и пасомыми возникла замечательная духовная связь. Отец Иоанн, сблизившись с алеутами, полюбил их самой большой, пастырской любовью»¹.

Кроме совершения богослужений и бесед в храме, о. Иоанн изыскивал любую возможность для научения местных жителей основам Православной веры. Всякая встреча и любой случай был использован им для этого. Он приходил к ним в жилища, был на их сходках, посещал во время работы. Кроме того он стремился узнать и их религиозные представления и нравственные правила. Потом в своих проповедях и наставлениях он учитывал их духовно-нравственное состояние и, назидая их в вере и благочестии, сообщал их нормам жизни Евангельский смысл. Это имело действительное влияние на туземцев и скоро превращало их в истинных христиан.

Духовное попечительство священника Иоанна Вениаминова не ограничивалось только о. Уналашка. Его миссионерская деятельность распространялась более чем на 60 островов, охватывая Лисьи и Прибылова о-ва², с населением, в общей сложности, около 1 500 алеутов. Построив храм на Уналашке, он стал строить часовни и в других местах, «так как расстояние между селениями было до 70 верст и более; и не от каждого селения к ближайшему селению можно было пройти пешком, а большею частью, сообщение между ними бывает не иначе, как на байдарках»³.

Миссионерские труды требовали от о. Иоанна самоотвержения и подвижнической жизни. Поскольку его паства в основном находилась на островах, для ее посещения ему приходилось постоянно плавать на небольших байдарках от одного места к другому. Как пишет в своей книге «Иннокентий, Митрополит Московский и Коло-

³ Американский церковный историк В. М. Бенсин сообщает, что для приезжающего священника на Уналашке была лишь комната в доме, где располагалась компанейская контора (Basil M. Bensin. Russian Orthodox Church In Alaska 1794—1967. N. Y., 1967. P. 39). И. П. Барсуков, который лично знал святителя Иннокентия, пишет, что сначала он жил вместе со своей семьей в землянке (Барсуков И. П. Указ. соч. С. 47—48).

¹ Евлогий (Смирнов), архимандрит. Жизнь и апостольские труды митрополита Иннокентия (Вениаминова) // ЖМП. 1975. № 3. С. 59.

² О-ва Прибылова названы в честь открывшего их в 1786 г. штурмана Прибылова, состоят из двух о-вов — Святого Павла и Святого Георгия.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 50.

менский по его сочинениям, письмам и рассказам современников» И. П. Барсуков: «Посвящая таким путешествиям значительную долю года, он подвергал себя опасности и разным лишениям, переплывая от острова к острову по волнам океанским на утлом челноке, просто в душегубках — байдарках, устроенных то из кож морских зверей, то из выдолбленной колоды, до того узких, что ноги можно держать только протянутыми и плотно одна к другой прижатыми, как у спеленатого. Бесстрашие его в этих плаваниях, по рассказам его современников, было изумительно» (М., 1997. С. 33)¹.

Особую заботу и попечение о Иоанн проявлял о детях. Его нередко можно было видеть в окружении и своих детей, и детей местных жителей, с которыми он как со взрослыми проводил беседы об основных христианских истинах и предназначении человека. Простыми и ясными словами он пересказывал им историю Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Кроме того, он преподавал в школе, устроенной Российско-Американской компанией на Уналашке. Занятия велись по учебникам, которые были составлены им самим. При храме он организовал приют для сирот, расходы на содержание которого он покрывал в основном на пожертвования прихожан.

Для большего успеха своего просветительского дела о. Иоанн не только изучал алеутский язык, но, совершая поездки по разным островам, везде исследовал особенности местных диалектов². При всей трудности этого языка и особой сложности произнесения некоторых его звуков, о. Иоанн за несколько лет вполне освоил его и мог говорить на нем без переводчика. Это расширило возможности его миссионерской деятельности, ибо теперь он обращался к своей пастве на доступном ей языке. Проповедующим Евангельские истины христианской веры и нравственности, объясняющим обязанности родителей и поучающим детей его можно было видеть в храме, у себя дома, а то и просто на улице под открытым небом. Его слова назидания

¹ «Иногда ему приходилось сидеть в такой лодочке почти без движения более пятнадцати часов при очень холодной температуре. Через десять лет таких путешествий ноги о. Иоанна были покалечены на всю жизнь, причиняя ему постоянные боли» (Григорьев Димитрий, священник. Апостол Аляски // Ежегодник Православной Церкви в Америке. N. Y. 1976 г. С. 33).

² Святитель Иннокентий указывал наличие на Алеутских островах двух наречий — уналашкинского и атхинского, а всего среди всех народов, населявших Аляску, он выделял шесть языков: уналашкинский; кадьякский; кенайский, якут(ат)ский, ситхинский и кайганский (См. Барсуков И. П. Указ. соч. С. 98.).

к новопросвещенным были исполнены христианского воодушевления и пастырской любви. «Когда он проповедовал Слово Божие, — вспоминал один из местных жителей Уналашки 50 лет спустя, — все слушали и слушали, не пошевелившись, пока он не кончит. Никто не думал, когда он говорил, о рыбной ловле или охоте, никто, даже малые дети, не чувствовали голода или жажды, пока он говорил»¹.

Желая, чтобы алеуты имели возможность постоянно читать Священное Писание, глубже изучать основы Православия и с пониманием молиться за богослужением, о. Иоанн стал заботиться о переводе на алеутский язык книг Священного Писания, Катехизиса и богослужебных текстов. С этой целью он разработал алфавит и грамматику алеутского языка и в 1827 г. с помощью тойона Ивана Панькова перевел на алеутский язык Катехизис или «Начатки христианского учения». Однако, этот Катехизис не был принят Святейшим Синодом, потому что он «отличается от недавно изданного краткого Катехизиса, официально утвержденного для изучения в школах, — сообщал Главному правлению компании митрополит Санкт-Петербургский Серафим в письме от 28 ноября 1828 г., — Святейший Синод рекомендует, чтобы он (священник Иоанн Вениаминов — прим. автора) перевел на алеутский язык этот вариант»². В 1831 г. с дозволения Святейшего Синода перевод Катехизиса был издан на средства Российско-Американской компании для распространения в колонии³.

В 1828 г. с помощью того же Ивана Панькова был сделан перевод Евангелия от Матфея, а в 1832 г. вместе с Семеном Паньковым — его новая редакция. Затем о. Иоанн направил его Петру Буренину, чтобы тот надлежащим образом сделал проверку перевода и внес исправления, а позднее «послал оный к священнику-креолу Иакову Нецветову, который рассматривал и, прибавив несколько слов, сделал оный понятным и для аткинцев»⁴. Когда в алеутском языке не находилось соответствующих слов, в полной мере выражающих смысл

¹ Цит. по: Григорьев Дмитрий, священник. Указ. соч. С. 35–36.

² Records of the Russian Company 1802, 1817–1867. P. 169.

³ В письме к Ф. П. Литке от 27 апреля 1835 г. священник Иоанн Вениаминов писал: «Переведенный мною Катехизис получил и, к сожалению, напечатан довольно неисправно; конечно, никто в этом не виноват. Ошибки до того простираются, что, как например, на второй странице Истории, вместо ахсханак напечатано ахеханак, тогда как и в букваре алеутском нет сей буквы е; прочие же ошибки ...почти на каждой странице. И потому я очень рад, что не напечатано Евангелие, потому что, вероятно, и оно не избегло бы ошибок» (Избранные труды святителя Иннокентия. С. 323).

текста, в переводе использовалось русское слово. В «Предисловии к Евангелию от Матфея, переведенному на алеутско-лисьевский язык для уналашкинцев», о. Иоанн писал: «Не думайте, чтобы сей перевод никогда не потребовал исправления. И вы не привязывайтесь к одним только словам сего перевода, но вникайте в самое значение и дух сего Божественного Слова»¹. Впоследствии на алеутский язык были переведены также часть Евангелия от Луки, Деяния Святых Апостолов и Священная история.

Кроме того, зимой 1832–1833 г. о. Иоанн составил поучение на алеутском языке о сущности христианства для новокрещенных «Указание пути в Царство Небесное». Это сочинение приобрело большую популярность среди алеутов, а позднее было переведено на русский и другие языки. По сей день оно является одним из лучших миссионерских творений Православной Церкви, и его можно поставить в один ряд с огласительными поучениями Святых Отцов древности. Только в период между 1839 и 1885 г. оно имело 47 изданий.

Чтобы алеутам было понятнее богослужение, о. Иоанн также занимался переводом богослужебных текстов. Во время своего пребывания на Уналашке он перевел на алеутский язык Божественную литургию и отдельные молитвы. Так что во время богослужения в храмах и молитвенных домах в его приходе многие из молитв читались и пелись на родном для коренных жителей языке.

Создание алеутской письменности было одной из основных заслуг священника Иоанна Вениаминова. «На алеутском языке до перевода Катехизиса на их язык не было ни грамоты и ни букв»². Подобно просветителям славян святым Кириллу и Мефодию, о. Иоанн создал письменность для алеутов с целью христианского просвещения новообращенного народа. В ее основу он положил церковнославянский язык и дополнил его надстрочными знаками, обозначающими придыхания. После этого он составил алеутский букварь. Этот букварь включал ряд молитв, в том числе и Символ Веры, одновременно на алеутском и славянском языках, которые были размещены в двух

⁴ Предисловие к Евангелию от Матфея, переведенному на алеутско-лисьевский язык для уналашкинцев // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 261.

¹ Предисловие к Евангелию от Матфея // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 262.

² Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 251.

параллельных столбцах, а поэтому туземцы одновременно знакомились и со славянским языком.

С большой радостью алеуты восприняли возможность читать на своем языке. С появлением азбуки и книг на алеутском языке многие из них стали учиться грамоте. Об интересе к чтению среди этого народа Аляски о. Иоанн писал: «Лишь только алеуты увидели книги на своем родном языке, в них возбудилось такое желание учиться читать сии книги, что не только взрослые мужчины и женщины стали учиться тому друг от друга, но даже и седые старики; и в настоящее время есть места (например, на острове Св. Павла), где, можно сказать, все, кроме младенцев, более или менее умеют читать»¹. Труд о. Иоанна Вениаминова по просвещению алеутов был ненапрасным. Овладев грамотой, они еще более стали утверждаться в Православии: «Многие из них, — свидетельствовал он, — весьма охотно читают переведенные для них книги, и почти всякий имеет у себя печатный Катехизис»².

Алеуты с благодарной любовью относились к своему пастырю за его апостольские труды. «Посещение мое и приезд мой в селение бывал истинным праздником для алеутов, Пасхою, потому что только в это время они могли послушать Слова и приобщиться Святых Таин»³, — писал о. Иоанн. И уже вскоре его миссионерская работа дала положительный результат. Среди местного населения значительно стала подниматься нравственность, и они, окончательно оставив свои языческие понятия и обычаи, настолько приняли христианские основы веры и жизни, что это дало основание их ревностному пастырю говорить о них, что «алеуты во всей справедливости могут быть названы примерными христианами»⁴.

Они с усердием посещали все богослужения, соблюдали посты и с глубоким вниманием слушали его слова назидания. «Все требуемые от них религией обязанности они исполняют с полной охотой и точностью, — писал о. Иоанн, — и очень многие с благоговейным

¹ Из Записки о разных предметах, касающихся церквей и причтов по Якутской области // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 257.

² Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 248.

³ Из Записки «Состояние Православной Церкви в Российской Америке» // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 159.

⁴ Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 237.

страхом и смирением, так что во все мое пребывание там не было ни одного нерадивого. Я уже не говорю о том, что они строго соблюдают посты, когда следует, потому что им ничего не значит не есть два-три дня. Но ничто не утешало меня и не радовало столько, как их усердие или, лучше сказать, жажда к слышанию Слова Божия, которая так велика, что утвердительно скажу, скорее ослабнет и утомится самый неутомимый проповедник, чем их внимание и усердие к слышанию проповеди»¹. С удивительной тишиной и без лишних движений они находились в храме за богослужением. Об этом их отношении к церковной молитве о. Иоанн лично свидетельствует: «Они очень охотно собираются на молитву везде, где отправляется богослужение, и особенно когда посещает их священник. При службах или на молитве они стоят с благоговением и удивительной твердостью, ни при каком случае не озираясь назад или в стороны и не переступая с ноги на ногу, сколько бы ни была продолжительна служба, — так что по выходе их из церкви, смотря по их следам, почти можно перечесть, сколько их было в церкви»².

Свою деятельность о. Иоанн не ограничивал только миссионерской работой, но проводил и научные исследования, причем здесь также проявилась многосторонность его интересов. Он изучал лингвистику, этнографию, историю, зоологию, ботанику, географию малоизученного в те времена края. Заметив, например, что уровень воды в р. Уналашке постоянно меняется, он стал вести наблюдения за происходившими приливами и отливами. Для этой цели он устроил узкий колодец на берегу речки недалеко от дома. В этот колодец он опустил на веревке трубочку с делениями на футы и каждое утро и вечер проверял уровень воды. Эти измерения он записывал в журнал, а во время своего отсутствия поручал это делать своим детям. С помощью термометров и барометров, которые о. Иоанн привез с собой, велись ежедневные наблюдения за погодой. В настоящее время рядом с Вознесенским храмом отмечено «место первой на Аляске метеорологической станции, которая была основана о. Вениаминовым на Уналашке в 1824 г.»³. Полученные наблюдения он использовал в своем географическом описании острова.

¹ Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 238.

² Из Записок об островах Уналашкинского отдела. Замечания о жителях // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 238.

³ Basil M. Bensin. Указ. соч. Р. 45.

Прежде на Уналашке не росли деревья из-за суровых климатических условий. Отец Иоанн решил произвести посадку деревьев на острове с тем, чтобы узнать, будут ли они расти в климате Алеутских островов. Это намерение он осуществил в 1830 г., а через несколько лет писал: «В 1833 г. в первый раз показались шишки на 24 елях уналашкинских»¹. Посаженные им деревья растут по настоящее время, о чем свидетельствуют посетившие в 1974 г. Уналашку российские ученые — академик А. П. Окладников и Р. С. Васильевский. В своей статье о поездке на Аляску они писали, что эти деревья — единственные на острове².

Бывая по своим пастырским обязанностям на всех островах своего прихода, о. Иоанн вместе с тем составлял описание их геологии, климата, растительного и животного мира. Посещая, например, Прибылова о-ва с целью духовного окормления проживавших там алеутов, он также вел наблюдение за образом жизни морских котиков. На основании этих наблюдений им были составлены предложения правлению Российско-Американской компании, содержавшие наиболее разумные способы охоты на этих ценных промысловых зверей. Его советы были учтены, в результате чего численность морских котиков значительно возросла, что принесло немалую экономическую пользу государству, а животных убергло от истребления.

Большим вкладом в лингвистику являются составленная о. Иоанном «Грамматика алеутско-лисьевского языка» со словарем на 1 200 слов. Работу над составлением Грамматики он начал сразу после своего прибытия на Уналашку. Общась с местными жителями, он наблюдал за их речью и делал заметки в своей тетради. Так он описал более тысячи алеутских слов и включил их в алеутский словарь. Этот научный труд о. Иоанна является ценнейшим вкладом в изучение Аляски и ее населения. Об этой своей работе он отозвался с присущей ему скромностью:

«Составить грамматику такого языка, каков алеутско-лисьевский, я считал почти бесполезным трудом, потому что она не нужна ни для алеутов, которые и без грамматики могут сообщать друг другу свои мысли и которые, наверное, не в долгом времени, совсем оставят язык свой, ни для иностранцев. Но, видя с каким рвением, с какой

¹ Цит. по: Избранные труды святителя Иннокентия. С. 321.

² Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976. С. 112–120.

неутомимостью, многие ученые стараются собирать всякого рода сведения, и как для них любопытна даже малейшая в таком роде находка, я решился составить если не полную грамматику, то по крайней мере изложить несколько правил грамматики алеутского языка, в том предположении, что они будут пригодны кому-нибудь для некоторого соображения о происхождении сего языка и для исторических догадок»¹.

И в личной переписке о. Иоанн относился к своему труду с тем же смирением. В письме к графу Ф. П. Литке² он писал: «И мне ли писать грамматику, когда я знаю худо русскую грамматику, что можно заметить на каждой странице моей грамматики. Предисловие мое едва ли длиннее самой грамматики, но еще надобно другого рода предисловие: просить извинения в моем невежестве...»³.

Однако совсем другую оценку получил его труд как у ученых того времени, так и у современных исследователей Аляски. Он не теряет ценности и в настоящее время. Историк доктор В. М. Бенсин пишет о «Грамматике алеутского языка», составленной о. Иоанном Вениаминовым, и его переводах Евангелия, Литургии и Катехизиса, что они «и поныне являются единственными оригинальными филологическими работами по алеутскому языку»⁴. Один из специалистов по Аляске XX в. писал об этом труде о. Иоанна: «В действительности о. Иоанн Вениаминов сделал очень важный вклад в науку. Не имея формального филологического образования, он опередил многих своих современников-специалистов. Его анализ алеутского языка, основанный на дескриптивном (описательном), а не на прескриптивном (предписательном) принципе действителен еще и сегодня. Его заслуги в области лингвистики признаются как русскими, так и иностранными учеными»⁵.

Большое внимание о. Иоанн уделял изучению этнографии края, духовно им окормляемого. При встречах с жителями Алеутских островов и материковой Аляски он со вниманием относился к их

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 45.

² Граф Федор Петрович Литке (1797–1882) — географ, мореплаватель, исследователь северных земель, один из основателей Русского Географического общества, президент Императорской Академии наук.

³ Цит. по: Избранные труды святителя Иннокентия. С. 321.

⁴ Цит. по: Юбилейный сборник в память 150-летия Русской Православной Церкви в Северной Америке. Т. 1. С. 58.

⁵ Цит. по: Григорьев Димитрий, священник. Указ. соч. С. 35.

рассказам о своей жизни. Из этих рассказов он узнавал о религиозных воззрениях и нравственных принципах туземцев, об их психологии и общих чертах характера, нравах и совершаемых обрядах, об укладе повседневной жизни и традициях семейных отношений, особенностях быта и об отношении к природе. Совершая многочисленные путешествия, он постоянно вел записи о своих поездках. Затем долгими зимами, когда сообщение между островами прекращалось, о. Иоанн разбирал свои путевые заметки, систематизировал их и подробно излагал свои этнографические наблюдения. Все они обстоятельно и в увлекательной форме представлены в его книге «Записки об островах Уналашкинского отдела», а также в его работах «Характеристические черты алеутов, обитающих на Лисьих островах» и «Записки об аткинских алеутах и колошах». Эти описания и научные исследования поставили миссионера в ряд основоположников русской школы этнографии. За их публикацию он был избран член-корреспондентом Императорской Академии наук, почетным членом Московского Университета и почетным членом Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Его этнографические труды явились научной базой для последующих поколений исследователей истории и этнографии народов Северной Америки и не утратили своего значения до нашего времени.

Труды священика Иоанна Вениаминова в области разных наук были обусловлены не столько его любознательностью, сколько его пастырской любовью к туземному населению Аляски. Все свои научные наблюдения он делал для того, чтобы впоследствии было легче проводить миссионерскую работу и с большим успехом прививать ему основы христианской веры и морали. По свидетельству П. Н. Воейкова, автора рецензий на труды святителя Иннокентия, он осуществлял свое миссионерское служение, «распространяя семена веры и цивилизации именно знанием природного, туземного языка просвещаемых дикарей, глубоким ознакомлением с их бытом, обычаями, нравами и преданиями, — одним словом, той беспредельной любовью и ревностью к своему назначению и призванию, которые составляют душу миссионерства»¹.

Впоследствии, познакомившись с разными народами, жившими на Аляске, о. Иоанн неизменно стремился глубже познать особенности каждого племени и с учетом этих наблюдений проводить

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 45.

миссионерскую работу. Так, будучи еще настоятелем Вознесенского храма на Уналашке, ревностный миссионер дважды совершал плавание на север к устью р. Нушегак (в настоящее время Диллингем) на материковой Аляске в русское поселение, которое не входило в его приход. Там он проповедовал Евангелие язычникам — эскимосам-юитам¹, прежде не слышавшим о Христе. «С первого прибытия моего в Америку, — писал он, — во мне родилась мысль сделать опыт в сеянии Слова Божия и на севере, и потому я просил на то позволения у Иркутского Преосвященного и получил оное»². В 1829 г. он крестил там 13 эскимосов, а во время второго своего путешествия — еще более 100 человек.

В своей миссионерской работе о. Иоанн не был одинок, большую помощь ему оказывал священник-креол Иаков Нецветов, назначенный на Атку в 1825 г.³. Он был первым священником из местного

¹ Эскимосы (самоназвание инуит (inuit), т. е. люди) — группа народов, проживающих вдоль всего полярного побережья материка Северной Америки от Лабрадора до Аляски, а также в нашей стране — в Магаданской области и на о. Врангеля. На Аляске их делят на северных — инупиат (inupiat), населяющих побережье Берингова пролива, залива Коцебу и Северного Ледовитого океана, и южных — юит (yuit), которые живут на берегах и островах Берингова моря и залива Аляска (См. Steve J. Langdon. The Native People of Alaska. Anchorage, 1987.). Диалектические различия у эскимосов всех групп и алеутов незначительны, все они легко могут объясняться друг с другом.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 42.

³ Эта дата указана в трудах святителя Иннокентия. (См. Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 245.) В житии святого Иакова Аляскинского говорится, что в сане священника он прибыл на о. Атка в 15 июня 1829 г. Иаков Аляскинский родился на о. Атка в 1802 г. Его отец Георгий Васильевич Нецветов был родом из Тобольска, а мать Мария Алексеевна — алеутка с о. Атка. Его братья Иосиф и Антон по окончании Санкт-Петербургской Морской академии служили в Российско-Американской компании: первый — морским офицером, второй — кораблестроителем, и проявляли неизменную заботу об Аткинской церкви. Иаков Нецветов, с детства имея стремление к духовной жизни, поступил в Иркутскую семинарию, которую окончил в 1826 г. В том же году 31 октября он был рукоположен в диакона, а 4 марта 1828 г. — во священника. В следующем году он вернулся на родину с женой Анной и отцом, который в то время был в отставке и стал чтецом в приходе сына. Хорошо владея местным языком, священник Иаков Нецветов много проповедовал и переводил на аткинское наречие Священное Писание и молитвы. В 1836 г. умерла от рака его жена (похоронена на о. Ситка), а в следующем году скончался его отец (его могила сохранилась на о. Атка). С тех пор он с еще большей самоотдачей посвящает себя миссионерскому служению. «Ревностен и деятелен до истощения сил, жизни строгой и благочестивой, скромнен, добр и благотворителен», — писал о нем святитель Иннокентий.

населения, который посвятил всю свою жизнь миссионерской работе среди жителей Аляски¹. После возвращения на Алеутские о-ва он подружился с о. Иоанном Вениаминовым, и вместе они составляли прекрасную миссионерскую пару, которая с успехом вела деятельность по приведению местного населения в лоно Православной Церкви.

Всего в 1833 г. на Аляске было четыре храма², четыре школы для мальчиков, в которых обучалось 100 учеников, и четыре приюта для девочек, в которых было около 60 воспитанниц. В этих школах велось преподавание на родном для местного населения языке. Вся миссионерская работа, проводимая в то время на Аляске, осуществлялась на средства Российско-Американской компании.

В духовном окормлении о. Иоанна Вениаминова кроме Уналашки, находились Лисьи о-ва и о-ва Прибылова, а также он совершал миссионерские поездки в Новоалександровский редут к р. Нушегак на материковой Аляске. Помимо храма в честь Вознесения Господня на о. Уналашка в его приходе были три часовни: во имя святителя Николая Чудотворца на о. Умнак (построена в 1826 г. вместо обветшавшей), во имя апостола Петра на о. Святого Павла (1819) и во имя великомученика Георгия Победоносца на о. Святого Георгия (1833).

В Уналашкинском приходе священник Иоанн Вениаминов прослужил 10 лет, много потрудившись для духовно-нравственного становления, а также для культурного и экономического развития местного народа. Ко времени его отъезда все туземцы в этом районе приняли христианство, и почти нигде здесь не сохранились язычес-

¹ Первым священником из местного населения был Прокопий Лавров, который был рукоположен в 1810 г., но после непродолжительного времени служения на о. Кадьяк вернулся обратно в Россию.

² «Первая (церковь) — в Ново-Архангельске на острове Ситхе, во имя Архистратига Михаила, с 1817 г., — писал священник Иоанн Вениаминов в 1836 г., — к коей принадлежат Ново-Архангельск и два редута — Дионисиевский в Стахине (См. далее прим. 87) и Озерский, ближайший (на о. Ситка в 20 км от Ново-Архангельска — прим. авт.); и до нынешнего времени принадлежало селение Росс в Калифорнии; вторая — в Кадьяке, в память Воскресения Христова, с 1795 г., к ней принадлежат Кадьяк и все заселения в Кенайской губе и Нучеке; третья — уналашкинская, в память Вознесения Господня, с 1824 г., к ней принадлежат Уналашка со всеми островами от Унги до Четырехсопочных и острова Прибылова; четвертая — в Атхе, во имя святителя Николая, с 1825 к ней принадлежат Атха и все прочие острова до Берингова» (Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 245—246.).

кие обычаи. На Уналашке действовали: школа с 22 учениками и больница со стационаром на восемь человек, имелся дом для сирот алеутов и креолов, а также три магазина и 10 деревянных домов, в которых жили туземцы.

За десятилетнее миссионерское служение на Уналашке священник Иоанн Евсеевич Вениаминов был удостоен государственной награды. В его послужном списке говорится, что «1835 года генваря 12 дня в воздаяние ревностного служения и постоянных трудов его... в распространении между алеутами и другими народами христианской веры Всемилостивейше сопричислить к ордену Святой Анны третьей степени»¹.

В 1834 г. настоятель Свято-Михайловского храма в Ново-Архангельске священник Алексей Соколов был переведен на о. Кадьяк, а священник Иоанн Вениаминов назначен на его место. На Уналашку вместо него прибыл священник Григорий Головин, который продолжил просветительскую деятельность среди алеутов.

В столицу Русской Америки на о. Ситка² о. Иоанн прибыл со всей семьей 22 ноября 1834 г. Здесь ему предстояло проповедовать Евангельское учение коренным жителям острова — индейцам племени тлинкит³ (колоши). Среди этого воинственного народа Америки миссионерское дело продвигалось намного сложнее, чем среди алеутов. Индейцы-тлинкиты отличались «грубостью, диковольностью и

¹ Цит. по: Петров В. Русские в истории Америки. Вашингтон, 1988. С. 129.

² Остров Ситка — один из больших островов архипелага Александра у юго-западного берега Аляски. (Об истории русского поселения острова см. в №1). К моменту перевода сюда о. Иоанна из 1 200 христиан, проживавших в Ново-Архангельске, лишь 80 были туземцы — алеуты, рабочие компании.

³ Тлинкит (самоназвание — тлингит) в переводе на русский язык означает «народ», в том смысле, что принадлежащие к этому племени люди — свободные, независимые. Первые русские поселенцы на Аляске называли их «калюжами», а позднее русское название этого племени — «колоши». О. Иоанн Вениаминов, сравнивая этот народ с другими туземцами Аляски, отмечал, что «они всех превосходят своею деятельностью, сметливостью и склонностью к торговле». (Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 88.). Кирилл Тимофеевич Хлебников (1776—1838), живший на Аляске в 1817—1832 гг., писал о них следующее: «Многие из них выказывают любопытство относительно Бога, соглашаются, что Он существует, верят в бессмертие души, а также полагают, что за добрые дела, сделанные в этой жизни, будут награждены, а за злые — наказаны. Кажется, они верят, что Бог всеведущий и вездесущий. Эти представления достаточны, чтобы насаждать в них святые истины нашей веры» (Цит. по: Colonial Russian America. Kyrill T. Khlebnikov's Reports, 1817—1832. Portland, 1976. P. 102.).

необузданностью своих нравов»¹ и имели «надменную и эгоистичную натуру»². Колоши многие годы упорно сопротивлялись Евангельской проповеди, сохраняя враждебное отношение к русским, которых они считали нежелательными пришельцами. Эти предубеждения индейцев распространялись и на Русскую Церковь: они сторонились ее, и принятие христианства воспринимали как окончательную утрату своей свободы и полную зависимость от русских. До приезда о. Иоанна Вениаминова в Ново-Архангельск никто из православных священников еще не посещал жилища ситкинских индейцев. После терпеливой и мудрой работы он смог приобщить к христианской вере и этих аборигенов Аляски. Здесь проявилась его «неторопливость, острая наблюдательность, пастырское болезнование о вверенных ему душах»³.

«Колоши, будучи совершенно независимы, храбры и находясь под сильным влиянием своих шаманов и старух, еще долго бы оставались в своем невежестве, заблуждении и упорстве, — писал о. Иоанн, — и никакие увещания и даже выгоды не могли бы убедить их к перемене их веры, если бы Сам Господь не коснулся их»⁴. В январе 1836 г. в Ново-Архангельске разразилась эпидемия оспы, которая распространялась в основном среди колошей, унося каждый день десятки жизней. Из-за недоверия к русским они избегали принимать прививки от оспы и обращались к своим шаманам. Однако заклинания шаманов не помогали, и бедствие среди индейцев не прекращалось, за два месяца их численность сократилась вдвое.

Когда колоши убедились, что их языческие божества бессильны, а посредство шаманов бесплодно, и увидели, что подобного заболевания нет среди русских, то они изменили свое отношение к последним. Большая заслуга в этом о. Иоанна. Он посещал жилища тлинкитов и, навещая больных, убеждал их делать прививки от оспы и проявлял о них отеческую заботу. «Они приняли меня уже не как врага своего или желающего им зла, — писал он, — но как человека, который знает их лучше и более, и слушали меня со вниманием и откровенно рассказывали мне свои обычаи и веру»⁵.

¹ Иннокентий, Митрополит Московский // Американский Православный Вестник. 1897. № 16. С. 327.

² Ushimaru Procius Yasuo. Bishop Innocent founder of American Orthodoxy. Bridgeport, 1964. P. 22.

³ Евлогий (Смирнов), архимандрит. Указ. соч. С. 61.

⁴ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 81.

Он интересовался их жизнью, знакомился с традициями и преданием и одновременно учил их основам христианской веры и нравственности, а также ведению домашнего хозяйства. С каждым днем он стал привлекать к себе все больше и больше индейцев, которые приходили послушать его. Вскоре православный священник стал для них дорогим гостем, и часто его беседы длились до поздней ночи. Его доброжелательная настроенность и сострадательность к переживаемому ими несчастьем открыли сердца индейцев. «Он увидел, что они не только не хуже алеутов, но даже энергичнее и развитее их»¹, и это внушило ему надежду на успех Евангельской проповеди среди и этого народа Аляски.

Сближение о. Иоанна с индейцами позволило ему начать открыто проповедовать среди них Слово Божие. При этом «христианские истины были им сообщаемы сообразно с их умственной приемлемостью, т. е. при полном свободном убеждении их, а не путем насилия. Он терпеливо выжидал добровольного вызова креститься»², и только тех, кто сами изъявляли желание стать христианами, он принимал с полной охотой.

В 1837 г. о. Иоанн совершал Божественную литургию в Стахинском редуте³. Поскольку в самом редуте храма не было, богослужение было совершено под навесом вне крепости. За Литургией присутствовало около 1 500 индейцев-колошей. Богослужение продолжалось более часа, но все присутствующие, даже дети, вели себя спокойно и не допускали никакого нарушения порядка. «Особенно я думал, — писал о. Иоанн, — что не произойдет ли между ними какого-либо шума тогда, когда они увидят своих однородцев (которых я в тот же день окрестил), приступающих к Причащению вместе с русскими, потому что хотя они окрещены были мною с согласия тойона и родственников их, но, может быть, очень многие этого не знали; но и здесь не произошло совершенно ничего похожего на шум и ропот, кроме особенного внимания»⁴.

⁵ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 84.

¹ Евлогий (Смирнов), архимандрит. Указ. соч. С. 61.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 101.

³ Стахинский редут — русское поселение на одном из островов недалеко от устья р. Стикин (Стахин) Североамериканского материка. Оно было основано в 1833—1840 гг., именовалось также Дионисиевским редутом. В настоящее время — г. Врангель.

⁴ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 86.

Проповедь о. Иоанна стала приобретать больше авторитета и влияния на жизнь индейцев. Они постепенно стали оставлять свои языческие верования и традиции, и даже жизнь закоренелых язычников стала меняться к лучшему. Это видно из приведенного о. Иоанном примера о тойоне Куатхе: «Когда ему, по вере и обычаям их, надобно было убить двух калгов (рабов) своих, для прислуги поминаемому покойнику на том свете», вместо исполнения этой их традиции он «отдал одного мальчика на воспитание русским, а другого для прислуги больному и бедному старику из колош с тем, чтобы по смерти старика он был свободен»¹.

Во время своего служения на о. Ситка о. Иоанн продолжал вести научные наблюдения и исследования. Как и на Уналашке, в Ново-Архангельске он сразу взялся за изучение языка коренных жителей — тлинкитов — и их нравов, чтобы с большей пользой совершать среди них миссионерское служение. Эти исследования позднее были опубликованы им под названием «Замечания о колошском и кадьякском языках и отчасти о прочих наречиях в Российско-Американских владениях, с присовокуплением Российского словаря». Словарь содержал более 1 000 слов и пояснения на некоторые слова.

Не оставлял неутомимый священник Иоанн Вениаминов и занятия различными ремеслами. Вскоре после своего прибытия в Ново-Архангельск он установил на колокольне Свято-Михайловского храма часы-куранты. Позднее, рассказывая об этом, он шутил: «Эти часы «ходили и били верно и тогда, когда уже колокольня покривилась»².

Несмотря на всю многолетнюю и многостороннюю деятельность, о. Иоанн прежде всего оставался скромным простым священником. Его труды были мало известны епархиальному начальству и Святейшему Синоду в Петербурге. Из документов того периода, находящихся в настоящее время в Вашингтоне в Библиотеке Конгресса — «Ведомости о церкви Святого Архистратига Михаила, что в Америке, на острове Ситхе, за 1836 г.» — вырисовывается картина жизни о. Иоанна в Ново-Архангельске. Из них мы узнаем, что храм там построен в 1831 г., «иждивением Российско-Американской компании; зданием деревянная, с таковою же колокольнею, крепка. Престол в ней един во имя Св. Архистратига Михаила. Утварью достаточна.

¹ Цит. по: Фиалкин В. Святитель Иннокентий, Митрополит Московский, и его миссионерская деятельность // ЖМП. 1979. № 4. С. 73.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 100.

Земли при сей церкви не имеется никакой, и никогда не может быть, потому что ни местность, ни обстоятельства этого не позволят... С 1816 г. при ней находится один священник и... находился один церковнослужитель, но с 1823 г. находятся два церковнослужителя из здешних креолов...»¹.

Относительно материального обеспечения священника и условий его жизни в «Ведомостях» говорится: «Квартиры для священника и церковнослужителей — от Российско-Американской компании. На содержание священника и служителей получается жалование от компании по положению Главного правления, а именно: священнику по 1 200 руб. в год и провизии: 40 пудов муки, 8 пудов сухарей, 10 фунтов чаю, 2 пуда сахару, 5 пудов круп, 2,5 пуда табаку, по столько же мыла и свеч, ведро водки»². Там также приводятся биографические сведения о «священнике Иоанне Евсееве Вениаминове-Попове», в том числе и о его семье: «В семействе у него: жена его Екатерина Ивановна; дети: Иннокентий Вениаминов, Гавриил Вениаминов находятся в Иркутской семинарии. Александр Вениаминов обучается в здешнем колониальном училище: чтению, письму, арифметике, пению и латинской и русской грамматике... Екатерина, Ольга, Параскева, Фекла»³.

В 1836 г. о. Иоанн посетил форт Росс (современное название Форт Росс) в Калифорнии, где в то время находилась русская колония, которая духовно окормлялась Ново-Архангельским священником. Его путешествие проходило с 1 июля по 13 октября. В «Путевом журнале» он дает описание форта Росс⁴: «Крепость Росс есть небольшое, но довольно хорошо устроенное селение или село, состоящее из 24 домов и нескольких юрт для алеут, со всех сторон окруженное пашнями и лесами, в середине коего находится четырехугольная небольшая деревянная ограда, имеющая две оборонительные будки с небольшими пушками и вмещающая в себя часовню, дом правителя, контору, магазин, казармы и несколько квартир для почетных жителей. Здесь мужского пола 154 и женского пола 106, а всего 260 душ,

¹ Цит. по: Петров В. Указ. соч. С. 129.

² Цит. по: Петров В. Указ. соч. С. 129.

³ Цит. по: Петров В. Указ. соч. С. 129. Один из его сыновей впоследствии стал протоиереем, миссионером в отцовской епархии, а из дочерей одна приняла монашество, другая вышла замуж за будущего священника-миссионера.

⁴ Описание русского поселения Форт Росс приводится в главе о Миссии в США.

в числе коих русских 120, креол 51, алеут кадьяковских 50 и 39 индейцев крещеных»¹.

В ожидании корабля, возвращавшегося в Ново-Архангельск, о. Иоанн посетил четыре испанских миссии: Сан Рафаэль, Сан Хозе, Санта Клара и Сан-Франциско де Ассиз. С их хозяевами — испанскими католиками — он разговаривал по латыни, которую помнил еще с семинарских лет. Его интересовали устройство миссий, проводимая ими миссионерская работа и их хозяйственное обеспечение.

Интерес о. Иоанна к работе испанских миссий во многом объяснялся его давними размышлениями об общем развитии миссионерского дела в Русской Америке. За время своего пятнадцатилетнего служения на Аляске — сначала на Уналашке, а затем в Ново-Архангельске — он на собственном опыте узнал условия существования там духовной миссии. Ему были хорошо известны ее слабые стороны и нужды. Он видел расположенность местного населения к принятию христианства, их желание креститься, жажду услышать Слово Божие. И в то же время он осознавал, что при недостатке миссионеров невозможно в полной мере удовлетворить духовные запросы паствы, разбросанной по огромной территории русских владений в Америке.

В то время всего четыре священника служили на всей Аляске, население которой насчитывало до 40 000 аборигенов, из них более 10 000 — крещеных. Священникам приходилось преодолевать большие расстояния для наставления и укрепления в вере новообращенных, и не всегда удавалось делать это регулярно. Некоторых туземцев священник не мог посетить по несколько лет после принятия ими крещения. Большинство коренных жителей Аляски еще не видели миссионера. Содействие в материальном обеспечении миссии, которое могла оказывать Российско-Американская компания, было недостаточным.

По причине малочисленности священнослужителей и отпускаемых на их содержание средств, организация миссионерской работы на Аляске была на невысоком уровне. Миссии, как таковой, там еще не существовало. В административном порядке каждый из священников, служивший в Русской Америке, лично подчинялся Иркутскому епархиальному управлению. Но зависимость эта была формальной, ибо управление находилось на расстоянии нескольких

¹ Цит. по: Петров В. Указ. соч. С. 57.

месяцев пути, и миссионеры не чувствовали над собой никакого контроля со стороны священноначалия.

Забота о духовном окормлении аборигенов, принявших Православие, и об улучшении миссионерской работы среди туземцев-язычников не оставляла о. Иоанна ни на минуту, и он решил довести нужды Аляскинской миссии до сведения Святейшего Синода. С этой целью он подготовил доклад, в котором указывал на необходимость улучшения на Аляске миссионерского дела. Излагая в нем свою озабоченность, он писал, что успех миссионерской деятельности возможен только через увеличение «в колониях числа церквей, образование на севере Америки постоянной миссии, назначение клира и миссионеров и затем учреждение благочиннического ведомства над духовенством»¹. Также, как важное условие улучшения дела миссии на Американском континенте, он упоминал в своем докладе о необходимости издания религиозно-просветительской литературы на языках местных народов.

Чтобы доложить о состоянии дел миссии на Аляске и представить членам Святейшего Синода план систематического обращения ее коренного населения в Православие, о. Иоанн испросил у Иркутского архиерея разрешения посетить Санкт-Петербург. Кроме того, ему необходимо было лично быть в столице, чтобы хлопотать о публикации переводов на алеутский язык Священного Писания и отдельных богослужебных текстов и затем наблюдать за их печатанием в Синодальной типографии, ибо, по его словам, «в Синоде никто алеутского языка не знает, потому и проверка их невозможна»². Также он предполагал провести в России сбор средств на нужды Аляскинской миссии. 24 апреля 1836 г. в письме к Ф. П. Литке о. Иоанн писал: «На нынешней почте я уже официально просил об увольнении меня из Америки и о том, чтобы мне было позволено идти отсюда на кругосветном парусном судне и о причине моего желания быть в Питере»³.

Архиепископ Иркутский Нил⁴, узнав о намерениях о. Иоанна, благословил ему отпуск и поездку в Санкт-Петербург, а также передал никому не известному в столице священнику письма к членам Святейшего Синода. Отправив свою жену с детьми через Охотск

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 103.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 104.

³ Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Кн. 1. СПб., 1897. С. 31.

в Иркутск, 8 ноября 1838 г., в престольный праздник, после напутственного молебна в храме Михаила Архангела, о. Иоанн с младшей дочерью Феклой отплыл из Ново-Архангельска в столицу¹. По пути он еще раз посетил форт Росс², также их корабль имел остановку в портах Гонолулу на Гавайях, Опуноху архипелага Таити, Рио-де-Жанейро и Копенгагена. 22 июня 1839 г. о. Иоанн прибыл в Кронштадт. В общей сложности его путешествие продолжалось семь месяцев и 14 дней.

В Петербурге иерей Иоанн Евсеевич Вениаминов был тепло встречен митрополитом Санкт-Петербургским Серафимом³ и обер-прокурором Святейшего Синода графом Н. А. Протасовым⁴. Вручив им письма епископа Нила, он рассказал им вкратце о цели своего приезда и представил подготовленный для рассмотрения в Синоде доклад «Обозрение Православной Церкви в Российских поселениях в Америке, со своим мнением об улучшении состояния оной», в котором были изложены все нужды Аляскинской миссии.

Отец Иоанн рекомендовал учредить на Аляске хорошо организованную миссию среди туземцев с достаточным количеством храмов и священников. Все приходы на Аляске должны были, по его мнению, иметь полный состав причта с тем, чтобы при возникновении вакансий достойные кандидаты из младшего состава причта, уже

¹ Епископ Иркутский и Нерчинский Нил (Исакович) пребывал на Иркутской кафедре в 1838—1858 гг., с 1840 г. — в сане архиепископа, затем управлял Ярославской и Ростовской епархией. Прилагая усилия по обращению из язычества бурят, тунгус и других народов, он принял участие в стремлении священника Иоанна Вениаминова улучшить дело миссии в Америке.

² И. П. Барсуков сообщает, что плавание проходило на корабле «Николай».

³ Во время остановки он вновь встретился с испанскими миссионерами, которым привез собственноручно изготовленные по их просьбе механические органы-шарманки с двумя сменными ваками: один — с духовными песнопениями, другой — со светскими мелодиями, в основном плясовыми. Когда миссионерам-католикам продемонстрировали орган, то духовные произведения не произвели на них впечатления, а услышав светскую музыку, они пришли в восторг, горячо благодарили и установили орган в своей церкви. Вспоминая об этом, о. Иоанн, смеясь, говорил: «по всей вероятности, иезуиты и доселе продолжают молиться Богу под звуки наших веселых плясовых песен». (Барсуков И. П. Указ. соч. С. 101)

⁴ Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Серафим (Глаголевский) пребывал на Санкт-Петербургской кафедре с 29 июня 1821 г. до своей кончины 17 января 1843 г.

⁵ Граф Николай Александрович Протасов (1798—1855) — обер-прокурор Святейшего Синода в 1836—1855 гг.

знакомые с обычаями местного края, могли быть рукоположены для священнического служения. Все духовенство о. Иоанн предлагал объединить в одно благочиние и благочинному поручить руководство миссией на Аляске, обязав его представлять епархиальному архиерею каждый год отчеты о состоянии дел миссии. Он также просил Синод о содействии в напечатании на алеутском языке переведенных им Евангелия от Матфея, части Евангелия от Луки, Деяний Апостольских, а также своей книги «Указания пути в Царствие Небесное».

Эти предложения были восприняты положительно членами Синода, но решение по ним могло быть принято не ранее осени, когда Синод собирался в полном составе. Полученное таким образом свободное время о. Иоанн использовал на то, чтобы более широко проинформировать русских людей об Аляске и проводимой там миссионерской работе. Он посетил духовные и административные центры России и повсюду в доходчивой и увлекательной форме рассказывал об Аляске и ее жителях.

В Москве он имел встречу со святителем Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским — одним из образованнейших иерархов Русской Церкви. Московский митрополит «сразу же полюбил о. Иоанна, принял близко к сердцу его миссионерское дело и стал его покровителем и другом до конца своей жизни»¹. Он относился с искренним участием к Аляскинскому миссионеру и даже предоставил ему квартиру в своих покоях. По вечерам они часто вели беседы. Священник Иоанн рассказывал о жителях Аляски, их традициях и нравах, а главное, он делился со Святителем планами своей миссионерской работы, которые вызывали одобрение Московского иерарха. Митрополит Филарет, не имевший обычая много хвалить людей и оценивавший человека по его внутренним качествам, часто говорил о священнике Иоанне Вениаминове: «В этом человеке что-то апостольское»². Вскоре о. Иоанн стал желанным гостем во многих домах знатных особ, и, кто бы его ни приглашал, все становились его друзьями. Полюбившие его москвичи щедро снабжали его пожертвованиями на нужды Аляскинской миссии — церковной утварью, облачениями, иконами и денежными средствами.

¹ Григорьев Димитрий, священник. Указ. соч. С. 38.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 108.

Кроме сбора пожертвований, о. Иоанн готовил к публикации свои рукописи: миссионерские записки и научные труды. Первая его статья «Мифологические предания колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки» была опубликована в журнале «Сын отечества» за 1839 г. В следующем году в № 12 Журнала Министерства Внутренних Дел появились его заметки «Население русских владений в Америке», а в № 6 Журнала Министерства Народного Просвещения — доклад «Состояние Православной Церкви в Российской Америке». С особой теплотой была воспринята критикой статья «Характеристические черты алеутов, обитающих на Лисьих островах», помещенная в «Материалах к познанию Российской империи и пограничных с нею стран Азии» академика Берга. А изданная в 1840 г. в Петербурге его трехтомная монография «Записки об островах Уналашкинского отдела» была удостоена знаменитой в то время Демидовской премии. Все публикации аляскинского миссионера были восприняты общественностью с большим интересом. Вскоре о. Иоанн стал известным в обеих столицах, о нем говорили повсюду, но особенно он был популярен в литературных и ученых кругах Петербурга и Москвы.

Осенью 1839 г. о. Иоанн по приглашению обер-прокурора графа Н. А. Протасова вернулся в Петербург, где его личность и подвижническая деятельность вызвала живой интерес со стороны Святейшего Синода. Здесь перед членами Синода он представил доклад о состоянии миссионерского дела на Аляске. Рассказывая о своей деятельности в Русской Америке, он упомянул о стесненном положении священников в Ново-Архангельске, на Кадьяке, Атке и Уналашке, о нуждах миссии и ее возможных успехах при правильной организации работы среди местного населения, которое имело расположение к принятию христианства. Синод принял доклад благосклонно. На праздник Рождества Христова в 1839 г. святитель Филарет, митрополит Московский, по поручению Святейшего Синода, возвел о. Иоанна в сан протоиерея «в уважение к его трудам и заслугам»¹.

24 января 1840 г. обер-прокурор граф Н. А. Протасов представил на рассмотрение Синода сочинение о. Иоанна «Обозрение Православной Церкви в Российской Америке» и два его прошения о напечатании на алеутском языке переводов книг Священного Писания и отдельных богослужений, а также сочинения «Указание пути в Цар-

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 111.

ствие Небесное». Святейший Синод признал полезным издание указанных книг, при этом особое одобрение было высказано относительно сочинения «Указание пути в Царствие Небесное». Этот труд Синод нашел необходимым напечатать не только на алеутском, но и отдельной книгой на русском и славянском языках¹.

В соответствии с предложением протоиерея Иоанна Вениаминова о реорганизации миссии на Аляске 30 апреля 1840 г. Святейший Синод постановил:

«Мнение протоиерея Вениаминова... соображено с настоящими и особенными потребностями Американской Церкви и достойно уважения. Посему Святейший Синод... полагает со своей стороны: 1. С нынешнего времени в Российских поселениях в Америке иметь соборную церковь с двумя священниками, диаконом, тремя причетниками и просвирнею и с духовным при ней училищем, и таковою учредить церковь, состоящую в Ситхе — Михаило-Архангельскую; прочие существующие церкви на Кадьяке, Уналашке и Атхе оставить по-прежнему с одним при каждой священником, двумя причетниками и просвирней; сверх того, устроить две походные церкви, а при каждой из них быть одному священнику-миссионеру с двумя также причетниками и просвирнею. 2. Старшему из священников Ситхинского собора быть благочинным и заведовать всеми, какие есть и будут, церквами и духовенством в Америке и вообще всем, что относится до духовной части; младшему же быть помощником благочинного и состоять в полном его распоряжении»².

Синод также поручил протоиерею Иоанну Вениаминову составить инструкцию о правах, обязанностях и взаимоотношении клира в Американском благочинии (См. Приложение 1) и ответить на ряд других организационных вопросов, что он выполнил за короткое время и стал собираться в обратный путь. К тому же времени были окончены работы по изданию книг на алеутском языке: Евангелие от Матфея и «Указание пути в Царство Небесное».

Однако этот его успех был опечален сообщением из Иркутска о том, что в ноябре 1839 г. скончалась его супруга и неизменная помощница в миссионерской работе в течение всего его пребывания на Аляске Екатерина Ивановна. Переживая эту утрату и пребывая в глубоком сомнении, как ему поступать далее, имея семь родных детей

¹ См. Барсуков И. П. Указ. соч. С. 111.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 113—114.

в Иркутске и тысячи духовных на Аляске, он посетил святителя Филарета, чтобы получить от него моральную поддержку и архиерейское наизидание. Всю свою жизнь о. Иоанн обычно полагался на волю Божию с твердой надеждой, что Господь Сам определит его будущее. Будучи поставлен перед выбором между необходимостью лично заниматься воспитанием своих осиротевших детей и долгом продолжать миссионерское служение в Америке, он также полагался полностью на Бога. Ища духовной поддержки, он отправился по совету святителя Филарета сначала в Троице-Сергиеву Лавру, а затем в Киев для молитвы у святынь Древней Руси с надеждой, что Господь укажет ему Свою волю.

По возвращении из паломничества он опять посещает святителя Филарета и по его рекомендации, после долгих колебаний, соглашается принять монашеский постриг. К тому времени два его сына были определены в Петербургскую духовную академию, третий — в Иркутскую семинарию, а четыре дочери — в Патриотический институт в Санкт-Петербурге за государственный счет. 29 ноября 1840 г. протоиерей Иоанн Вениаминов был пострижен в монашество с именем Иннокентий в честь святителя Иннокентия Иркутского, апостола Сибири. На следующий день, 30 ноября, он был возведен в сан архимандрита.

В это время Святейший Синод принял решение открыть Камчатскую епархию с подчинением ей приходов на Аляске. На новую кафедру были представлены три кандидатуры. По мнению Синода лучшим кандидатом на это место являлся архимандрит Иннокентий (Вениаминов), хорошо знавший обстановку в Русской Америке. Из трех предложенных Святейшим Синодом кандидатов во епископы император Николай I выбрал также архимандрита Иннокентия. 13 декабря 1840 г. состоялось наречение, а 15 декабря в Казанском соборе в Санкт-Петербурге он был хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутских островов. В этом святитель Иннокентий видел проявление водительства Божия в своей судьбе. Обращаясь в своей речи по наречении в сан епископа к епископам и всем присутствовавшим верующим, он говорил:

«Итак, что же могу я сказать ныне? Я ничего не нахожу приятнее, как исповедать пред Вами дивную волю и милость Господню, явленные на мне во славу Его святого имени... Когда я был невнимателен к важности предлагаемого мне служения, которое архиерей называет равноапостольным, тогда простое повествова-

ние одного соотечественника нашего об усердии алеутов к христианской вере в присутствии архипастыря моего в одно мгновение переменяло все мои мысли и возжгло во мне пламенное желание отправиться в Америку. И, что еще более примечательно, такое повествование слышал я тогда не в первый раз; но только теперь, в присутствии имеющего власть низводить благодать Божию, оно подействовало на меня, и мое желание непреодолимо устремилось туда, откуда прежде со страхом и упорством уклонялось. И Господь был и есть столь милостив ко мне, что при всем недостойности моем Он не отнимал и не отнимает от меня желание служить в Америке. И Ему Единому и всесвятому Имени Его да будет слава за то, что... никакой глагол роптания или раскаяния об избранном жребии не возмущил моего слабого сердца... И в настоящем, столь нечаемом избрании Вашего Святейшества я вижу ту же всеуправляющую волю Господа моего... Все сие, чем более для меня неожиданно, тем яснее показывает мне перст Божий... Я твердо уповаю и верую, что Господь, так дивно путеводящий меня и дающий мне ныне новый жребий служения, при благословении Вашего Святейшества, низводящем благословение Того, Им же и рыбаки быша во апостолов, благодатию Своею немощная врачующею и оскудевающая восполняющею, дарует мне и новые большие силы к совершению моего служения... Молю и вас, богоизбранные отцы и предстоятели сущей на земле Церкви, воспримите меня в молитвы ваши и молитесь Господа, да будет со мною благодать и милость Его всегда»¹.

Так скромный священник-миссионер из далекой Аляски, ранее мало известный, был возведен на высокую степень церковного служения — епископство.

10 января 1841 г. епископ Иннокентий во второй раз отправился в долгое путешествие на Аляску, теперь уже в святительском достоинстве. В день отъезда из Петербурга он посетил святителя Филарета, находившегося в столице по делам Синода. Московский архипастырь вручил ему письмо к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. В письме говорилось: «Приимите, о. наместник, подобающим образом Преосвященного Иннокентия Камчатско-Алеутского и образом от обители благословите. Он уполномочен брать с собою потребных ему людей и жела-

¹ Речь архимандрита Иннокентия по наречении его в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 265–267.

ющих служить при нем. Если у нас найдется желающий и ему угодный, не будем скупы»¹.

На своем пути в Америку святитель Иннокентий посетил Москву, где провел восемнадцать дней. Остановившись в Чудовом монастыре, он занимался укладкой пожертвованных в Американскую миссию вещей, а также часто посещал Троице-Сергиеву Лавру и окрестные монастыри, где подбирал себе помощников для миссионерского служения на Аляске. Одним из тех, кто согласился ехать в Америку, был студент Московской духовной академии Михаил Озеров², другим — монах Спасо-Вифанского монастыря³ Николай⁴, сопровождавший архипастыря в качестве келейника.

Перед выездом из Москвы Преосвященный Иннокентий в последний раз посетил Лавру, совершил там Божественную литургию и затем через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тобольск и Томск продолжал свое путешествие на новое служение в Америку. В Иркутске он пробыл почти два месяца. За это время он посетил родное село Ангинское и занимался устройством дел, в том числе набирал себе помощников для Американской миссии. В результате вместе с ним на Аляску отправилось 11 человек⁵.

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 140.

² Впоследствии иеромонах Мисаил, благочинный церковей в Русской Америке, смотритель и главный учитель Ново-Архангельского духовного училища, одновременно был миссионером среди индейцев тлинкит до своего отъезда из Америки в 1845 г. «Деятелен, усерден, скромн, благочестив, строг к себе и снисходителен к другим», — так характеризовал его епископ Иннокентий. Скончался в 1875 г. в сане архимандрита. В России был настоятелем Посольского Преображенского монастыря (См. Барсуков И. П. Указ. соч. Именной указатель. С. 12.).

³ Монастырь был основан в 1783 г. неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. Вифания предназначалась для погребения лаврской братии. По указанию основателя обители — митрополита Платона (Левшина) (1737—1812) при ней была открыта духовная семинария.

⁴ Монах Николай, впоследствии кенайский миссионер, родился в 1810 г. в Тамбовской губернии в семье чтеца. Учился в Тамбовском духовном училище. В 1837 г. был пострижен в монашество. В Ново-Архангельске, куда он прибыл вместе с епископом Иннокентием, он был членом Аляскинского Духовного правления и управляющим архиерейского дома. Рукоположен в сан иеромонаха 15 декабря 1843 г. В 1845 г. возглавил Кенайскую миссию, со следующего года окормлял еще и паству Нушегакской миссии. Не имея богословского семинарского образования, он, тем не менее, был хорошо знаком с аскетической литературой и сам был аскетом. Ежегодно он проводил не менее недели в затворе Кенайской пустыни. Скончался на Аляске в сане игумена 31 июля 1867 г. Копии его путевых журналов хранятся в архиве Аляскинской епархии, оригиналы — в Библиотеке Конгресса.

15 июля 1841 г. епископ Иннокентий прибыл через Якутск в Охотск, где ему и его спутникам, как он выразился сам, пришлось «пождать у моря погоды»¹, т. к. первое время после прибытия в Охотск погода была неблагоприятной для продолжения путешествия. И только «20 августа 1841 г., — пишет Святитель, — в один из самых лучших дней мы вышли из устья реки Охоты на бриге «Охотск» при самых благоприятных обстоятельствах и направили путь наш к одному из островов Курильского отдела — Симусиру. 2 сентября подходили к острову Симусиру... Того же дня, вечером, мы оставили остров и пошли прямо в Ситху. Почти 20 дней сряду были самые благоприятные ветры при ясной и теплой погоде, и корабль наш так быстро шел, что 21 сентября мы были от Ситхи только в 750 верстах, проплыв от Охотска до 6 250 верст... 25 сентября, в день преподобного Сергия, около 4 часов вечера (а по-московски около 4 часов утра), молитвами его мы увидели гору Эчком, находящуюся близ Ново-Архангельска; а... 26 сентября... мы вошли в гавань Ситхи и в 10 часов положили якорь. 27 сентября, в субботу, сошел я на берег, где встречен был главным правителем, всеми чиновниками и всеми православными»².

Прибыв на место своего послушания, святитель Иннокентий писал: «Слава Господу Богу! Я, милостью Его, заступлением Пресвятой Девы и молитвами святых в Америке! Это значит, что Господу, который не благословил достигнуть Кадьяка Преосвященному Иоасафу в 1799 г., угодно, чтобы я был в Америке. Значит, что Он призрел на творение Свое — людей, столь долго блуждавших во тьме духовной и душевной. Он послал и привел нас для показания им света истины. Теперь, так сказать, дело за нами. Но будет ли что от нас? Позволят ли нам наши силы, а паче — наша леность, сделать что-нибудь? Ах,

⁵ Кроме вышеупомянутых иеромонаха Мисаила и иеродиакона Николая в Америку вместе со святителем Иннокентием прибыли: диакон Серапион Мамин в должности протодиакона, диакон Илья Петелин, зять Преосвященного Иннокентия, иподиакон Лев Попов, студент Иркутской духовной семинарии Илья Тыжнов и ее выпускник Михаил Масюков, а также архиерейский хор: Андрей Благовидов, Петр Берденников, Прокопий Литвинцев и Константин Заруденков (См. Katherine L. Arndt, Richard A. Pierce. A Construction History of Sitka, as Documented in the Records of the Russian-American Company. Sitka National Historical Park, 2003. P. 114).

¹ Цит. по: Путешествие Преосвященного Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского к месту своего назначения // Американский Православный Вестник. 1901. № 18. С. 375.

² См. Избранные труды святителя Иннокентия. С. 327—328.

эта леность! Не будь ее — тогда все мы можем облещись силою апостолов; ибо все возможно молящемуся. Но леность не всем позволяет молиться»¹.

Первым делом 14 октября 1841 г. в Ново-Архангельске было открыто Аляскинское Духовное правление «на основании решения Святейшего Синода, Высочайше утвержденного 4 января 1841 г.»². Об этом главный правитель А. К. Этолин уведомил все конторы колонии, сообщив, «что впредь все вопросы и распоряжения, касающиеся вообще колониальных церквей и лиц духовного звания, переходят в непосредственное ведение Ново-Архангельского Духовного правления»³.

Имевшее полномочия консистории Духовное правление объединило под своим началом всех священнослужителей на Аляске. Теперь в Ново-Архангельск, а не в Иркутск, они направляли рапорты о своем служении и высказывали свои нужды. Также и финансирование всей проводимой Церковью работы на территории Российских владений в Америке теперь осуществлялось через Духовное правление во главе с епископом. Таким образом, была прекращена прямая финансовая зависимость служащих на Аляске священников от Российско-Американской компании. В работе Духовного правления участвовали все клирики, служившие в Ново-Архангельске. Располагалось оно в архиерейском доме, специально построенном для святителя Иннокентия в 1843 г. На втором этаже здания разместились покои епископа и домовая церковь, а на первом — Ново-Архангельская консистория и духовная школа⁴.

Высокое назначение на Аляску в сане епископа не угасило прежней апостольской ревности. Наоборот, усматривая в нем прежде всего расширение круга своих обязанностей, святитель Иннокентий с еще большим энтузиазмом принялся за просвещение местного населения. Новое служение не позволяло ему все время находиться на одном месте, он совершал длительные путешествия, посещая все уголки своей огромной епархии, соединявшей два континента и включавшей Аляску, Алеутские и Курильские острова, Камчатку и побережье Охотского моря. За время своего десятилетнего пребывания

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 155–156.

² Katherine L. Arndt, Richard A. Pierce. А. Указ. соч. Р. 114.

³ Katherine L. Arndt, Richard A. Pierce. А. Указ. соч. Р. 114.

⁴ Katherine L. Arndt, Richard A. Pierce. А. Указ. соч. Р. 123.

в Ново-Архангельске епископ Иннокентий предпринял четыре таких путешествия, продолжавшихся от восьми до 18 месяцев каждое¹. При этом он использовал разные средства передвижения, но чаще всего ему приходилось путешествовать в байдарках, верхом на лошади или в саних, запряженных собачьей упряжкой.

Во время поездок жизнь миссионера неоднократно подвергалась опасности: замерзнуть, быть занесенным пургой, провалиться в пропасть, утонуть в море, — однако никакой страх, никакие испытания не могли остановить ревностного архипастыря в его равноапостольном служении. На каждом острове, в каждом селении люди встречали его с великой радостью. Всюду он совершал Божественную литургию и проповедовал. Бывали случаи, когда он, несмотря на опасность, удлинял свое путешествие, если кто-то нуждался в его наставлении. «Как сейчас вижу, — вспоминает один из его спутников, протоиерей Прокопий Громов, — епископа Иннокентия в темную зимнюю ночь, сидящего в одеянии из оленьих кож на камне, освещаемого заревом, отражающемся на вершинах гор, окружающих пропасть, среди добродушных детей природы — камчадалов, грызущих юколу, и между не одною сотнею маленьких ездовых животных, свернувшихся в клубки и крепко заснувших от утомления. Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли»².

Сам святитель Иннокентий описывал свои миссионерские труды в скромных выражениях. В письме святителю Филарету от 30 апреля 1842 г. он сообщал:

«Действия наши по прибытии в Ситху еще невелики. И вот они: 1. Послана миссия в Нушегак, которая прибудет на место назначения своего не ранее половины июня сего года... 2. 17 декабря открыто Духовное училище, состоящее ныне из 23 человек креолов и ту-

¹ Из-за постоянных перемещений по обширной епархии святитель Иннокентий, например, так и не получил указ Святейшего Синода о возведении в сан архиепископа, но узнал об этом только от протоиерея Прокопия Громова, однокашника по семинарии и камчатского миссионера, который прислал ему копию этого указа из Иркутска. А подлинник Синодального указа, переходя вслед за Святителем, который появлялся то в Америке, то на Камчатке, оказался, наконец, на корабле, который попал в плен англо-французской эскадры, атаковавшей в то время Дальний Восток. По этому случаю святитель Иннокентий говорил, что единственным объявителем ему державной воли о бытии архиепископом был протоиерей Громов, а указ об этом читают теперь английская королева да Наполеон III.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 197.

земцев... 3. Ученик богословия И. Т. (Илья Тыжнов — *прим. автора*) послан в Кадьяк для изучения языка... 4. Иеромонах М. (Мисаил (Озеров) — *прим. автора*) усердно занимается беседами с колошами и, кажется, не без успеха. Человек до 80 готовы уже креститься... 5. Весною я был в Кадьяке для обозрения тамошней церкви и был утешен ею сверх всякого ожидания. Кадьякцы теперь стали совсем не то, как были до того... и, как они мне выразились, ныне «начинают выходить из темного места на свет»... 6. Открыто Духовное правление... Через два дня я отправляюсь в путешествие для обозрения моей епархии, которое продолжится до 16 месяцев»¹.

Основной задачей деятельности святителя Иннокентия на Аляске было развитие миссии, и годы его архипастырского служения явились периодом интенсивного развития миссионерства в Русской Америке. Приезд Преосвященного в Ново-Архангельск совпал с выдачей Российско-Американской компании нового контракта, который был благоприятен для местных жителей. Новым контрактом категорически воспрещалось какое бы то ни было применение силы к туземцам и поощрялось распространение среди них образования. Эти положения контракта отразили глубокие убеждения епископа Иннокентия. При назначении священников в новые миссионерские центры он убеждал их, что только проповедь, учение и личный пример являются единственными допустимыми и вместе с тем самыми эффективными средствами обращения язычников.

Один за другим Преосвященный Иннокентий создавал новые миссионерские центры, направляя в них постоянных священников. В 1842 г. он основал миссионерский центр в русском поселении Ново-Александровск на р. Нушегак, где первым священником был Илия Петелин. В 1844 г. он назначает иерея Иакова Нецветова миссионером в глубину материковой Аляски для открытия Квихпакской миссии с центром в селении Икогмют в нижнем течении р. Юкон, границы которой простирались до берегов Северного Ледовитого океана. В 1845 г. была восстановлена миссия на п-ове Кенай, и для служения определен туда иеромонах Николай.

Основывая новые миссии, епископ Иннокентий был убежден, что Православная Церковь, развивая свою миссионерскую деятельность, должна продвигаться вглубь материка, где тысячи аборигенов нуждались в просвещении. Каждый учрежденный центр, по его мнению,

¹ См. Избранные труды святителя Иннокентия. С. 328–331.

должен был динамически развиваться в направлении освоения новых районов, образовывая при этом самостоятельные центры миссионерской активности. Такой рост миссии должен был иметь постепенно развивающийся характер при осознанном принятии христианства местным населением.

Представления святителя Иннокентия о миссионерском служении Церкви на Аляске успешно реализовывались. Из учрежденных им миссионерских центров к нему постоянно поступали сообщения о том, что живущие в глубине Аляски туземцы проявляют готовность к принятию христианства. «Слово Божие, сеемое миссионерами на берегах моря без всякого со стороны их посредства через новообращенных переносится и к отдаленным, горным жителям материка Америки»¹, — сообщал епископ Иннокентий в своем письме святителю Филарету 1 мая 1848 г.

План развития миссии не оставлял епископа Иннокентия ни на минуту, но для его осуществления требовались миссионеры. С этой целью он искал, по его словам, «людей хотя и не ученых, ...но непременно благочестивых, ревностных и деятельных»². Недостаток духовенства был для него единственной трудноразрешимой задачей. Он сознавал, что для успеха миссии особенно важна проповедь на понятном для туземцев языке, и решил готовить миссионеров на месте из коренных жителей Аляски. Для этой цели он сразу после своего прибытия в Америку открыл в Ново-Архангельске духовное училище³. В 1845 г. оно было соединено с духовным училищем, переехавшим сюда из Петропавловска, и преобразовано в семинарию, которая функционировала по 1858 г.

В семинарии обучались русские, креолы и выходцы из местного населения⁴. Ее здание было построено на средства Российско-Американской компании и располагалось рядом с архиерейским домом⁵. Средства на содержание семинарии выделял Святейший Синод.

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 242.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 247.

³ Первоначально в училище обучалось 26 человек: 16 из них проживало в архиерейском доме, остальные — с родственниками; 14 находилось на казенном содержании, 10 — на самообеспечении и двоих наполовину содержало государство.

⁴ На 1 января 1846 г. в семинарии обучалось 55 учеников: 22 русских и 33 туземцев и креолов.

⁵ Двухэтажное деревянное здание семинарии на каменном фундаменте строилось в течение двух лет и 12 октября 1846 г. было принято комиссией Духовного правления.

Обучение в ней велось по учебному плану Иркутской семинарии с изменениями, соответствующими потребностям миссионерской работы на Аляске. Например, в ней изучались языки коренных народов Русской Америки — алеутский, эскимосский, колошский — и курс медицины. Семинарский хор пел в кафедральном соборе, прислуживание семинаристов в алтаре за богослужениями было неотъемлемой частью учебного процесса в семинарии.

Святитель Иннокентий с надеждой смотрел на учеников Ново-Архангельской семинарии, ожидая, что они будут хорошими проповедниками христианства. Однако эти надежды не оправдались, и он скоро разочаровался в миссионерских способностях местных кадров. «Чем дальше, тем виднее, что креолы по уму и характеру далеко еще не то, что русские, — отмечал Преосвященный в своем письме А. С. Норову от 10 мая 1848 г., — ...самостоятельности в них еще долго дожидаться, и на поприще наук риторика для них камень преткновения»¹. Только единицы из выпускников семинарии были способны к священническому служению, подавляющее большинство из них годилось на должность дьячка. В основном они становились чтецами в местных часовнях, а некоторые — учителями в приходских школах. Стало очевидным, что еще долго придется просить Святейший Синод о направлении миссионеров из России.

Для материальной поддержки приезжающих в Америку клириков епископ Иннокентий учредил попечительство. В фонд попечительства все служащие на Аляске клирики ежегодно отчисляли из своего жалованья по копейке с каждого рубля. Из собранных таким образом средств выделялась денежная сумма каждому вновь прибывшему священнику. Всем приезжавшим на Аляску из России клирикам святитель Иннокентий вменял в обязанность учить местные языки и переводить на них молитвы, отрывки из Священного Писания, богослужебные тексты и наставления в православной вере. Все священнослужители должны были неукоснительно поучать народ за каждым богослужением. В этот период в деле укрепления миссии на Аляске епископу Иннокентию помогали протоиереи Иаков Нецветов и Петр Литвинцев, иеромонахи Николай и Мисаил, священники Илия Петелин, Григорий Головин, Лаврентий Саломатов, Андрей (по др. сведениям Петр — *прим. автора*) Милорадовский, Никита (по др. сведениям Николай — *прим. автора*) Оморофовский, Ермо-

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 246–247.

лай Никифоров, а также сын святителя Иннокентия — Гавриил Вениаминов¹.

Кроме того, епископ Иннокентий дал распоряжения о строительстве часовен в удаленных от храмов селах. В этих часовнях верующие регулярно собирались на общественную молитву. При посещении их священником или епископом в часовне совершалась Божественная литургия на переносном антиминсе, а в отсутствие священнослужителя местные жители читали и пели молитвы, дозволенные мирянам. Ответственным за проведение общественных богослужений назначался чтец, который также при необходимости мог совершать Крещение по чину, установленному для мирян.

Сразу после прибытия в Ново-Архангельск святитель Иннокентий обратил внимание на ветхое состояние находящегося там Свято-Михайловского храма и поставил перед собой задачу построить вместо него настоящий кафедральный собор². Святитель сам выполнял чертеж собора, подбирал строительные материалы и просчитывал их цену. Подготовительные работы заняли немало времени, и прошло несколько лет до того, как началось само строительство³. Основание зданию собора было положено только в 1847 г., его строительство окончено в 1849 г., а освящение состоялось 18 мая 1850 г.⁴ Это был «первый православный собор в Новом Свете»⁵.

Он был построен в центре города и являлся самой красивой его постройкой. В архитектуре собора первоначально прослеживался итальянский стиль, характерный для русского храмового строительства XVIII в. Как и все храмы этого стиля, «Свято-Михайловский собор украшен только двумя главами. В центре главный купол традиционно венчает глава в форме луковицы... Другая глава —

¹ Гавриил Иванович Вениаминов родился на о. Уналашка в 1824 г. В 1841 г. он был переведен из Иркутской семинарии в Санкт-Петербургскую, по окончании которой в 1849 г. возвратился в Камчатскую епархию. В том же году он был посвящен в стихарь с определением на должность иподиакона, а также определен наставником, секретарем, библиотекарем и помощником инспектора Ново-Архангельской семинарии. В 1850 г. Преосвященный Иннокентий прислал его в Москву, где он вступил в брак и 25 февраля 1851 г. был рукоположен святителем Филаретом Московским во священника к собору Михаила Архангела на о. Ситка. В Ново-Архангельске с оставлением при нем учительской и всех остальных должностей при семинарии он был назначен еще и ее экономом, а также членом Ново-Архангельского Духовного правления. Кроме исполнения этих должностей, он нередко командировался на Камчатку для исполнения треб. В 1853 г. он был назначен в Амурскую экспедицию, и с того времени возглавлял миссионерскую работу в Амурском крае.

шпиль над колокольной, взвивается тонкой иглой высоко к небу и завершается крестом, который отчетливо виден в Ситке отовсюду»¹. Его бревенчатое, обшитое тесом здание имело длину 30,4 м и ширину 18,9 м; высота его стен составляла 9,6 м, а колокольни — 13,2 м.

После пристройки боковых приделов в 1851 г. собор приобрел в плане форму четырехконечного греческого креста. Главный придел собора был освящен во имя Архистратига Михаила; южный — во имя Предтечи и Крестителя Иоанна и благоверного князя Александра Невского; северный, теплый — в честь Казанской иконы Божией Матери. Внутри собора, как и в других храмах на Аляске, стены вместо штукатурки были обтянуты парусиной. Деревянный иконостас был резной и позолоченный, а иконы в нем написаны на холсте. Среди них особо чтятся до настоящего времени Казанская (Ситкинская) икона Божией Матери и образ Архангела Михаила в серебряных ризах.

Кроме кафедрального собора в Ново-Архангельске усердием святителя Иннокентия были устроены еще два православных храма. Один из них — домовый при архиерейском доме был освящен в честь Благовещения Пресвятой Богородицы 15 декабря 1843 г., в день епископской хиротонии святителя Иннокентия. Другой — храм в честь

² Первый храм был построен после прибытия в Ново-Архангельск священника Алексея Соколова, который освятил новопостроенный храм в честь Архистратига Михаила 18 марта 1817 г. Спустя 10 лет о. Алексей обратился к главному правителю П. Е. Чистякову с письмом, которое содержало указ Иркутской консистории № 1387 от 20 июля 1825 г., в котором говорилось о «крайне ветхом состоянии Божьего храма», и просил принять меры, пока церковь окончательно не развалилась. Однако только несколько лет спустя, при управлении колонией бароном Ф. П. Врангелем, был наконец отстроен новый храм с колокольной и освящен 27 сентября 1831 г. В этом храме служил настоятелем будущий святитель Иннокентий, в нем же 28 сентября 1841 г. он совершил первую после своего возвращения в Америку Божественную литургию уже Архиерейским чином. Сообщая об этом святителю Филарету, епископ Иннокентий писал о том, что церковь «приходит в ветхость, и через 4–5 лет непременно будет нужна новая» (Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 158). Построенный им вместо нее собор простоял более века до пожара 2 января 1966 г., который полностью уничтожил его. Ввиду его исключительного исторического и культурного значения, собор был полностью восстановлен и освящен в ноябре 1976 г.

³ St. Michael's Cathedral. It's History And Restoration of Icons. Sitka, Alaska, 1976. P. 5.

⁴ Katherine L. Arndt, Richard A. Pierce. А. Указ. соч. P. 186.

⁵ St. Michael's Cathedral. P. 4.

¹ St. Michael's Cathedral. P. 5.

Живоначальной Троицы, приписной к собору, был выстроен специально для индейцев, которых там проживало несколько сотен человек.

Немало внимания Преосвященный Иннокентий уделял детям. В своем письме к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову он писал: «Учить всех детей простого народа — вот мысль, которая давно меня занимает и которую мне отчасти удалось привести в исполнение и дать, благодарение Господу, видеть от того некоторые плоды... И если алеуты и любят меня, то единственно за то, что я их учил»¹. На следующий год после приезда в Ново-Архангельск заботой Святителя при храмах и миссиях были учреждены школы для детей. «С половины 1842 г., — писал он, — по всем американским церквам... настоятели церквей от одного до двух раз в неделю собирают детей обоюбого пола в церковь и учат их Закону Божию и вообще обязанностям их»². После переезда в новопостроенный архиерейский дом, с января 1844 г., сам епископ Иннокентий собирал к себе детей и учил их Закону Божию. Занятия проводились два раза в неделю: во вторник приходили девочки, а в среду — мальчики, всего до 150 детей. Для сирот благодаря его личным пожертвованиям и увеличению бюджета Ново-Архангельского попечительства был устроен приют.

Посещая приходы и миссионерские центры, епископ Иннокентий всегда обращал внимание на приходские школы и состояние религиозного образования. В своем отчете за 1850 г. он обстоятельно сообщает о том, как организовано обучение детей Закону Божию на Аляске. Он пишет, что в Нушегакской миссии миссионер с дьячком своими силами и средствами выстроили помещение, где собирали учеников, которых в 1849 г. было 13 человек. На о. Кадьяк священник с помощью пономаря обучал детей сначала в церковном домике, а с 1850 г. — в отведенной компанией квартире. Церковные школы были прежде на о-вах Уналашка и Атка, но с упразднением там компанейских контор для них не стало места, и по ходатайству святителя Иннокентия главный правитель русских колоний в Америке дал предписание устроить на этих островах помещения для занятий детей. Уналашкинский священник во время своего пребывания на о-ве Святого Павла обучал мальчиков из местных жителей, а его жена — девочек. На о-вах Святого Павла и Амля школы были заведены са-

¹ См. Избранные труды святителя Иннокентия. С. 193—194.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 208.

ими алеутами, а на о-вах Беринговом, Атту и Медном и в других местах имелись учителя из местных жителей, которые занимались обучением детей в своих домах. На о. Ситка при храмах действовало две школы, в которых преподавали священники. Также учил детей и миссионер Квихпакской миссии, где само обращение туземцев началось только после обучения их детей основам православной веры.

Постоянная забота о религиозном просвещении народов Аляски на их родном языке благоприятно сказалась на деле миссии. «Не только улалашкинцы и атхинцы, как уже известные своим усердием к слушанию Слова Божия, но и все прочие туземцы без исключения оказывают большую склонность к тому»¹, — писал в своем отчете епископ Иннокентий в 1850 г. Эскимосы, атабаски, тлинкиты и другие индейские племена Северной Америки стали принимать Православие сознательно, что значительно укрепляло положение Церкви среди коренных народностей Российской Америки. В период между 1841 и 1860 гг. около 4 700 язычников разных племен были обращены в Православие. Это составляло весьма значительное число, если учесть, что многие обращенные местные жители не имели оседлости и постоянно передвигались по обширной территории Аляски.

Проводимая святителем Иннокентием деятельность в Русской Америке финансировалась из различных источников. Российско-Американская компания ежегодно выделяла 32 927 руб. ассигнациями. В основном эта сумма составляла заработную плату духовенства, содержание их домов (обеспечение дровами и свечами), оплату прислуги, транспортных расходов и т. п. Святейший Синод перечислял 3 085 руб. ассигнациями на содержание Кенайской миссии. Кроме того, миссионерская работа поддерживалась за счет капитала американских церквей², который в 1867 г. составлял, в общей сложности (включая суммы, находящиеся в Главном правлении компании под

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 275.

² Первоначально капитал американских церквей составили деньги, пожертвованные в Санкт-Петербурге, Москве и Иркутске. Также епископ Иннокентий установил, что все храмы и часовни, существовавшие к моменту его прибытия в Ново-Архангельск, должны отчислять в счет капитала американских церквей три четверти всего своего денежного капитала. Впоследствии он пополнялся в основном за счет свечных доходов расположенных на Аляске храмов и часовен, а также процентов на суммы, находящиеся в Главном правлении компании, пожертвования от разных лиц и денег, получаемых за продаваемые этому же капиталу принадлежащие вещи. Все эти средства расходовались прежде всего на развитие миссий и их содержание.

пять процентов годовых) 51 423,68 руб. серебром. Большинство храмов и часовен были построены в основном на средства компании, которая обязывалась проводить их ремонт, а по мере их обветшания заменять на новые. Но иконостасы в них, церковные сосуды, богослужебные книги, подсвечники, а также просфоры, вино и иное обеспечение богослужения в них оплачивалось «из специальных фондов, которые добавлялись к суммам, предназначенным для содержания церквей»¹.

Это был период подлинного расцвета миссионерского дела на Аляске. Благодаря энергичной деятельности самого святителя Иннокентия и всех его сподвижников, прежде всего священников-миссионеров, православная миссия распространилась от четырех приходов, расположенных в основном в местах поселения русских, на огромные территории Аляски, где обитали одни только туземцы. В 1860 г. на Аляске было девять храмов² и 35 часовен. Готовилось открытие, как минимум, еще четырех приходов. В Ново-Архангельске действовали духовная семинария, библиотека и приют для детей. В каждом приходе, где был священник, работала церковная школа. Вплоть до 1867 г. в Русской Америке был епископ, девять священников и два диакона.

Согласно статистике, приводимой П. А. Тихменевым³, в 1860 г. на Аляске было 12 028 христиан: 784 русских, 1 676 креолов, 4 392 алеута, 937 кенайцев, 456 чугачей, 2 725 эскимосов, живущих на рр. Юкон и Кускоквим, 447 тлингитов и 611 иных⁴. По другим источникам, к 1867 г. число православных на Аляске доходило до 15 000⁵,

¹ The End of Russian America. Captain P. N. Golovin's Last Report 1862. Portland, 1979. P. 52.

² Семь приходских и два приписных (The End of Russian America. P. 52). В Ново-Архангельске — Свято-Михайловский кафедральный собор, Свято-Троицкая церковь для индейцев и домовая Благовещенская церковь при архиерейском доме; храм Воскресения Христова на о. Кадьяк, Вознесенский храм на о. Уналашка, храм во имя святителя Николая на о. Атка, а также новопостроенные храмы: в честь Успения Богородицы в Кенайской миссии, во имя святых апостолов Петра и Павла в Нушегаке и в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня в с. Икогмют на р. Юкон (Квихпакская миссия).

³ Тихменев Петр Александрович (1820-е—1888), капитан I ранга, историк, автор книги «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании».

⁴ Цит. по: Bishop Gregory (Afonsky). A History of the Orthodox Church in Alaska (1794—1917). Kodiak, Alaska, 1978. P. 63. (См. приложение 2).

⁵ Bishop Gregory (Afonsky). Указ. соч. P. 64.

в подавляющем большинстве это были коренные жители Северной Америки. О них епископ Иннокентий писал: «Не радящих о своем спасении, можно сказать, нет ни одного, а из новопросвещенных оказывается все более и более усердных к вере, и не редкость видеть между ними примерно набожных»¹.

В 1850 г. Святейшим Синодом епископ Иннокентий был возведен в сан архиепископа. Через два года к его епархии присоединяется обширная Якутская область, а в 1858 г. — приобретенный Россией Амурский край. Хотя Аляскинская миссия оставалась в ведении архиепископа Иннокентия, однако дела по устройству епархии в Восточной Сибири, где было до 200 000 крещеных, не позволяли ему уделять достаточно времени американской пастве. В силу необходимости заниматься организацией миссионерской работы и устройством епархии на новых российских территориях на Дальнем Востоке святитель Иннокентий в 1858 г. добивается образования Ново-Архангельского викариатства.

29 марта 1859 г. последний ректор Ново-Архангельской семинарии архимандрит Петр (Екатериновский)² был рукоположен во епископа Ново-Архангельского. Возглавив Аляскинское викариатство, епископ Петр продолжал начатое святителем Иннокентием дело по распространению Православия среди местного населения, но его успех был приостановлен актом о продаже Аляски Соединенным Штатам, когда 18 октября 1867 г. власть над русскими владениями на Аляске была передана США (церемония передачи проходила в Ново-Архангельске).

В 1868 г. святитель Иннокентий стал митрополитом Московским и Коломенским. Но, даже будучи одним из крупнейших иерархов в Русской Церкви, он не забывал свою первую паству, постоянно проявлял особое попечение о нуждах православной миссии на Аляске и оказывал ей поддержку. С этой целью в 1869 г. при его участии было образовано Православное Миссионерское общество, и он стал первым его председателем. На Московской кафедре он находился до самой своей кончины в 1879 г. Почти сто лет спустя, 6 октября 1977 г.

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 270.

² Архимандрит Петр (Екатериновский) (есть упоминания его с фамилией Лысаков), воспитанник Оптиной пустыни, был инспектором Иркутской семинарии, в 1857 г. назначен ректором Ново-Архангельской семинарии.

святитель Иннокентий Московский был прославлен в лике святых Священным Синодом РПЦ¹.

С именем святителя Иннокентия, апостола и первого православного иерарха Америки, связана одна из ярких страниц миссионерского служения Русской Православной Церкви на Аляске. Будучи человеком необычайно одаренным, трудолюбивым и крепким от природы, он не только руководил делом миссии, но и сам лично шел с проповедью Евангелия к местным жителям. При этом он имел ко всем людям любовь Христову — ту любовь, которая не различает национальности и социального положения человека, которая не превозносится над другим, но видит во всяком человеке образ Божий, и ищет не своего, но спасения всех во Христе. В то время как испанским миссионерам понадобилась специальная папская булла², которая разъяснила, что индейцев можно признать людьми, православному священнику были понятны даже некоторые жестокие, на взгляд европейца, их обряды и обычаи, в которых он видел проявление любви и уважения туземцев к своим родственникам.

В отличие от большинства просвещенных современников Святитель не презирал туземцев, пребывавших во тьме язычества, но умел видеть в них добрые черты. Он писал: «Чем более знакомлюсь с дикими, тем более люблю их и тем более убеждаюсь, что мы с нашим просвещением далеко, далеко уклонились от пути к совершенству, почти не замечая того; ибо многие, так называемые дикие, гораздо лучше многих, так называемых просвещенных, в нравственном отношении»³. К этому доброму началу, которое святитель видел в аборигенах Северной Америки, и была обращена его пламенная проповедь веры.

Ради любви Христовой он приложил невероятные труды, посещая свою паству, живущую в самых не приспособленных для передвижения местностях. Святитель Иннокентий сам свидетельствовал, что у него «нет места во всей епархии, где была бы возможность ездить в обыкновенных экипажах»⁴. Более того, в нее входили такие

¹ Его память совершается два раза в год — 31 марта/13 апреля и 23 сентября/6 октября.

² Немного спустя после открытия Америки, в 1537 г. была издана папская булла, которая разрешала сомнение по вопросу, можно ли вообще считать индейцев принадлежащими к человеческому роду.

³ Избранные труды святителя Иннокентия. С. 335.

⁴ Цит. по Барсуков И. П. Указ. соч. С. 289.

места, где еще вообще не ступала нога европейца. И везде он нес Евангельскую весть, и слышавшие его язычники оставляли свои заблуждения и обращались ко Христу¹. Ради любви Христовой он изучал языки, характер и нравы туземных народов, среди которых проповедовал, и к этому обязывал все духовенство — ибо только зная человека, его строй мысли и образ жизни, можно донести до его сердца те высокие духовные понятия, которые не существуют в его языке.

Любовь Христова подвигла святителя Иннокентия на создание письменности народов, которым он нес Слово Божие. Еще в бытность свою приходским священником он создал письменность алеутов, наблюдая их тягу к чтению: ему «случалось видеть, как иногда кто-нибудь из алеутов, совершенно не зная по-русски ни слова, почти целый день сидит и читает Псалтирь славянскую или Четь-Минею»². Он использовал местное наречие за молитвой и во время проповеди, а крестил только после подготовки и обучения крещаемых основам Православия. Распространение веры он считал главным долгом и целью своего служения. «Он был не только учителем в обыкновенном смысле слова, — говорил о святителе Иннокентии епископ Алеутский и Аляскинский Николай, — но и учителем Слова Божия (См. Евр. 13, 7), т. е. благовестником»³.

Святитель Иннокентий, по словам того же епископа Николая, принадлежал «к разряду тех людей, после которых остается надолго длинный и глубокий след в истории и о которых память всегда только с похвалами! Он принадлежит к тем исключительным личностям, которые, чем дальше отходят в область прошедшего, тем ярче и чище светят перед взором людей»⁴. Один из русских подданных, посетив-

¹ И. П. Барсуков приводит рассказ еврея Мовши Зильберберга, бывшего в качестве переводчика в одной из миссионерских поездок святителя Иннокентия: «Трудно высказать вполне о тех подвигах, которые подъял на себя этот великий подвижник! Путешествие на оленях, недостаток иной раз пищи, суровая природа, непогодь, враждебность дикарей и оскорбления с их стороны — все это старец переносил терпеливо и благодушно. ... Неумоимо, в течение девяти месяцев, великий старец перед сотнями дикарей проповедовал истинного Бога, с одушевлением, ревностью, часто со слезами на глазах, поучал их истинам Евангелия, и труды его не остались бесплодными: за это время крестилось дикарей обоого пола около 1800 душ... Девятимесячное совместное путешествие и общение со столь великим подвижником заронило во мне первую искру веры во Христа Спасителя» (Барсуков И. П. Указ. соч. С. 501—502)

² Избранные труды святителя Иннокентия. С. 158.

³ Николай, епископ Алеутский и Аляскинский. Архипастырское предложение // Американский Православный Вестник. 1897. № 16. С. 322.

ший Аляску после ее продажи США, свидетельствовал, что посеянные святителем Иннокентием «семена христианского учения... не остались бесплодными, потому что он, кроме слова, употребил самое могущественное в деле народного образования орудие — пример жизни, вполне согласной с преподаваемым учением. Воспоминание о его добродетелях и поныне служит для алеутов пояснением истин, изложенных в Катехизисе»¹.

Комментируя слова святителя Филарета Московского о святителе Иннокентии, что «в этом человеке что-то апостольское», епископ Николай говорит: «Да, в личности святителя Иннокентия было, действительно, что-то такое, что решительно и резко выделяло его на общем фоне современной ему действительности и что, бесспорно, сближало его долее, чем кого из тогдашних деятелей на ниве Божией — с апостолами!.. Что же именно? Это, первее всего — его пламенная вера, а затем, как плод этой веры — его дивная проповедь... «Ныне я говорил здесь грозное слово, — писал он однажды о себе одному лицу, — и, кажется, подействовал... Ах! что я сказал: подействовал? — Нет, нет! Не мы действуем, а нами действует благодать!» Благодать! — вот именно то, что и составляло силу его благовествования, вот то именно, что и влекло к нему слушателей, — вот этим, между прочим, он уподоблялся апостолам! Сближает его с апостолами — и его простота во всем, начиная с домашнего обихода и кончая служебным его отношением ко всем, — и высшим, и низшим себя... Сближает его с учениками Христовыми, и, особенно, с Павлом апостолом, — и его трудолюбие...»².

СОСТОЯНИЕ МИССИИ НА АЛЯСКЕ ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ ЕПИСКОПА ИННОКЕНТИЯ

Здесь целесообразно сделать обзор состояния находившихся в то время на Аляске приходов и миссионерских центров.

⁴ Николай, епископ Алеутский и Аляскинский. Речь, сказанная в день поминания Святителя Иннокентия, Просветителя Алеутского // Американский Православный Вестник. 1897. №2. С. 40.

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 713.

² Николай, епископ Алеутский и Аляскинский. Речь, сказанная в день поминания Святителя Иннокентия, Просветителя Алеутского. С. 40—41.

Кадьякская миссия

Основанная первыми монахами-миссионерами в 1794 г., Кадьякская миссия первое время процветала и являлась центром всей миссионерской работы на Аляске. Однако после гибели епископа Иоасафа (Болотова) оставшиеся на Кадьяке миссионеры испытывали притеснения со стороны администрации Российско-Американской компании. С переносом в 1808 г. административного центра русских колоний в Америке в Ново-Архангельск, Кадьякская миссия потеряла свое первоначальное значение, став к тому времени весьма малочисленной.

Членами первой миссии был построен храм и 6 апреля 1796 г. освящен в честь Воскресения Христова. Это был первый православный храм, построенный на Американском континенте. Служащим священником в нем был иеромонах Афанасий (Михайлов). В 1824 г. его настоятелем был назначен священник Фрументий Мордовский. С этого времени определяются границы прихода, заводятся приходские книги.

Формально приход простирался на расстояние до 2 000 км, т. е., кроме населения Кадьякского архипелага, в него входили жители материковой Аляски от Чугачского зал. до устья р. Нушегак. Но фактически его деятельность ограничивалась о-вами Кадьяк и Афогнак. По причине удаленности паствы, жившей на материке, Кадьякский священник не мог уделять ей достаточного внимания, и в 1842–1845 гг. эта территория была распределена между Нушегакским и Кенайским миссионерами. А настоятель Кадьякского прихода по-прежнему окормлял живших на о-вах Кадьяк и Афогнак русских, креолов и коренных жителей — в основном, кадьякцев¹. Такой состав прихожан сохранялся все время вплоть до продажи Аляски.

Священник Фрументий Мордовский служил на Кадьяке до 1832 г. Сведений о церковной жизни в период его настоятельства, кроме прошения за 1825 г. епископу Иркутскому Михаилу освятить новый храм, не имеется. Через два года после него на Кадьяк был переведен из Ново-Архангельска священник Алексей Соколов который был настоятелем Воскресенского храма до 1840 г.², когда его сменил вы-

¹ Кадьякцы — группа южных эскимосов, которых в то время называли алеутами, а иногда кадьякскими алеутами.

пускник Иркутской духовной семинарии молодой священник Петр Литвинцев.

В 30-е гг. XIX столетия церковная жизнь на Кадыяке не развивалась, местная паства была малоактивной. Притом, что хотя большинство туземцев были крещены, очень немногие посещали храм, исповедовались и причащались. «Бывало, в целый год было исполнивших долг очищения совести не более ста человек; и был год, когда было только восемь человек из пяти или четырех тысяч»¹ крещеных, которые проживали в той местности, «в самые большие праздники церковь была почти пуста, тогда как около нее жителей было до четырехсот душ»².

Среди коренных жителей были широко распространены языческие обычаи. «Шаманство между алеутами крещеными не только не истребилось..., но было явно и в такой силе, что, не говоря уже об американцах, даже некоторые из русских боялись шаманов и не смели их оскорблять»³. Причиной упадка благочестия на приходе святитель Иннокентий называл то, что служившие до 1841 г. приходские священники не поучали свою паству христианским истинам, «только один о. Герман, монах, умерший в 1836 г., занимался отчасти учением и наставлением детей-сирот, живших у него»⁴.

Положение изменилось, когда в 1839 г. на Кадыяк был назначен новый начальник конторы Иннокентий Степанович Костроминов, проявивший истинную христианскую заботу о местном населении. «Он сколько выговорами, убеждениями и обличениями некоторых из явных алеутских шаманов, столько же и примерною набожностью своею не только остановил успехи шаманства, но даже некоторых заставил если не обратиться на путь истины, то сильно сомневаться в силе шаманства»⁵. Усердием благочестивого управляющего был построен храм вместо прежнего, давно пришедшего в ветхость⁶. При

² Священник Алексей Соколов похоронен в Ново-Архангельске возле храма с алтарной стороны. На его могиле было поставлено мраморное надгробие. (Американский Православный Вестник. 1889. № 12. С. 365.)

¹ Избранные труды святителя Иннокентия. С. 336.

² Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденного им во время первого путешествия его по вверенной ему епархии в 1842 и 1843 годах // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 127.

³ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 127–128.

⁴ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 128.

нем была устроена школа для обучения детей христианской вере и благочестию. Сначала в ней обучалось 13 детей, а к 1850 г. число учеников возросло до 25.

С помощью И. С. Костромина новый настоятель храма священник Петр Литвинцев за короткое время сумел поднять религиозно-нравственное состояние кадьякцев, и когда в 1842 г. остров посетил епископ Иннокентий, то он порадовался произошедшим изменениям. Когда-то пустовавшая церковь теперь была полна молящимися за каждым богослужением, а по праздничным дням она не вмещала всех богомольцев. Не только простые кадьякцы, но и многие из шаманов раскаялись и обратились в Православие, став примерными христианами. За один только 1841 г. исповедовались и приобщались Святых Христовых Таин 470 верующих, «а из не бывших только двое не были за нерачением, а все прочие за невозможностию»¹. На острове, где прежде «многие не только из алеутов, но и из русских жили в брачном состоянии без всякого благословения Церкви»², почти не осталось невенчаных браков, и 232 туземца приняли крещение. «Тот, кто знал и видел здешнюю церковь по внутреннему состоянию оной за пять лет перед сим, — сделал отметку Преосвященный Иннокентий в путевом журнале после посещения о. Кадьяк, — тот едва поверил бы глазам своим, видя в ней нынешнее состояние»³. «Слух о прибытии моем в Америку, — писал тогда же святитель в одном из своих писем, — благочестие и усердие тамошнего священника и тамошнего начальника весьма много подействовали на кадьякцев, из коих прежде едва ли и сотый бывал когда-либо в церкви, а теперь церковь всегда полна, и некоторые из них показывают умиленные знаки благочестия и покаяния»⁴.

⁵ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 128.

⁶ По свидетельству свт. Иннокентия, храм был построен в 1841 г. на средства Российско-Американской компании и освящен 17 января 1842 г. (См. Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 125).

¹ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 130.

² Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 127.

³ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 129.

⁴ См.: Избранные труды святителя Иннокентия. С. 326–327.

Ознакомившись со всеми делами Кадыякского прихода, святитель Иннокентий дал распоряжение расширить храм¹ и построить по всем селам часовни с тем, чтобы в каждой часовне был назначен благочестивый и грамотный прихожанин, который мог бы по праздникам, когда нет священника, вычитывать отдельные богослужения и при необходимости крестить младенцев. Это его указание было выполнено с усердием. В своем письме от 1 июля 1845 г. святителю Филарету епископ Иннокентий писал: «В Кадыяке священник Литвинцев действует с тем же усердием и искренностью, как и прежде; паства его, слава Богу, более и более укрепляется в духе христианства. Во всех селениях Кадыякского отдела находятся часовни, построенные усердием самих алеутов при содействии компании и русских, содержимые в чистоте и, что всего лучше, в каждый праздник бывают полны народу»².

Основной заботой епископа Иннокентия в деле укрепления Церкви на Кадыяке был перевод на кадыякское наречие книг Священного Писания и главных богослужебных текстов³. В 1842 г. святитель Иннокентий назначил приехавшего с ним на Аляску студента Иркутской семинарии Илью Тыжнова дьячком к Воскресенскому храму на Кадыяке, поручив ему изучение местного языка и перевод на него Священного Писания и богослужебных книг. Епископ Иннокентий не ошибся в выборе помощника. Через четыре года Тыжнов составил краткую грамматику кадыякского языка со словарем и перевел на него Евангелие от Матфея и Краткий Катехизис. Святитель одобрил его перевод и направил Тыжнова в Петербург, чтобы он получил разрешение в Святейшем Синоде напечатать свой труд. В 1849 г. Илья Тыжнов возвратился в Америку с первыми книгами, напечатанными на кадыякском языке. Это были Евангелие от Матфея и Катехизис с некоторыми молитвами. Когда кадыякцы в первый раз услышали молитвы на родном языке, то они «плакали от умиления, —

¹ Новый храм, более просторный, чем прежний был освящен 15 декабря 1844 г.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 221.

³ Первые переводы на кадыякский язык были сделаны еще иеромонахом Гедеоном, который во время своего пребывания на Кадыяке в 1804—1807 гг., в частности, «перевел на кадыякский язык молитву Господню, которую в его время и несколько после него пели и в церкви, но потом она была оставлена и совсем затеряна» (Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 244).

писал святитель Иннокентий, — а это очень замечательно между здешними туземцами, редко плачущими»¹.

В 1845 г. священник Петр Литвинцев получил перевод в Ново-Архангельск, где он был назначен благочинным всех приходов на Аляске и ректором семинарии. Вместо него настоятелем храма в честь Воскресения Христова на Кадьяке стал священник-миссионер из Нушегака Илия Петелин. Он строго следил за нравственным состоянием своей паствы, и благочестие среди местного населения держалось на высоком уровне. В 1847 г. о. Илия был награжден камиллавкой «за полезные труды и трудности, несенные с благодушием... при проповедании, достойном христианина и пастыря»².

В 1850 г. на его место был назначен выпускник Ново-Архангельской семинарии священник Петр Кашеваров, он был первым священником на Кадьяке из местного населения (его отец был русский, а мать креолка), который прослужил там всю свою жизнь (†1879). Священник Петр Кашеваров был исполнительным, но малоинициативным пастырем. Коротко характеризуя его служение, можно сказать, что оно сводилось к требоисполнению³. В 1860 г. Кадьякский приход объединял 2 669 прихожан, живших на о-вах Кадьяк, Еловый и Укамок (о. Чирикова), а также небольшое поселение Катмай на материке⁴.

Колошская (Ново-Архангельская) миссия

Миссионерская деятельность среди индейцев племени тлинкит началась сразу после основания на о. Ситка русского поселения, но эта миссия по причине враждебности индейцев к русским успеха не имела. Первый на Ситке приходский священник о. Алексей Соколов, прибывший в Ново-Архангельск 7 сентября 1816 г.⁵, проявляя свое пастырское попечение о живших в столице Русской Америки русских, креолах и алеутах, не крестил ни одного из коренных жителей острова, поскольку «быт их, обычаи, нравы, недоверие к русским

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 272.

² Шаламов Тихон, священник. Краткое церковно-историческое описание Кадьякского прихода // Американский Православный Вестник. 1898. № 10. С. 321.

³ Шаламов Тихон, священник. Указ. соч. С. 322.

⁴ См. The End of Russian America. P. 55. В своем отчете П. Н. Головин не упоминает о. Афогнак, который также входил в приход.

⁵ Records of the Russian Company 1802, 1817–1867. P. 21.

и, наконец, вероломство, обнаруживавшееся во многих случаях, заставляли принимать всевозможные предосторожности в деле их обращения»¹. Так что и 30 лет спустя управляющий Ново-Архангельской конторой К. Т. Хлебников в своем отчете за 1817–1832 г. писал о колошах: «Будем надеяться, что однажды они будут просвещены Словом Божиим»².

Положение дел стало меняться с прибытием в Ново-Архангельск в 1834 г. священника Иоанна Вениаминова, который проявил особый подход к этому воинственному народу (см. выше). В своей деятельности по обращению нового народа о. Иоанн не спешил крестить сразу всех, приходивших к нему. Он считал, что желающих принять крещение необходимо вначале более основательно подготовить к этому таинству. Хотя в те годы крестилось всего 20 индейцев-тлинкитов, но они, по его свидетельству, «вообще очень усердно относились к своим христианским обязанностям, регулярно посещая церковь, когда возможно приступая к Причастию и внимательно слушая поучения. Никто из них не возвращался к обычаям их старой веры. Напротив, своей активностью и деятельностью они могут служить примером другим народам»³.

Будучи епископом он определил миссионера для тлинкитов — иеромонаха Мисаила (Озерова) с надеждой, что назначение специального проповедника послужит успешной христианизации этого племени Аляски. Надежды Преосвященного Иннокентия оправдались: вскоре после начала просветительской деятельности среди них иеромонах Мисаил индейцы стали принимать христианство. К Пасхе 1843 г., как свидетельствует святитель Иннокентий, было уже крещено 102 человека, в том числе два шамана⁴, а к середине 1845 г. — более 200 человек.

1 июля 1845 г. святитель Иннокентий писал митрополиту Филарету: «Теперь одной из главных забот моих будет построение церкви для колошей»⁵. Для осуществления этого плана епископ Иннокентий определил для миссии среди индейцев-тлинкитов вместо выбывшего из Америки иеромонаха Мисаила священника Петра Литвинцева. Сами индейцы оказывали содействие в строительстве

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 29.

² Colonial Russian America. P. 102.

³ Цит. по: Bishop Gregory (Afonsky). Указ. соч. P. 53.

⁴ См. Избранные труды святителя Иннокентия. С. 336.

⁵ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 221.

для них храма, «помогая в доставке леса и проч.»¹. 24 апреля 1849 г.² в Ново-Архангельске святитель Иннокентий освятил построенный для тлинкитов храм в честь Святой Живоначальной Троицы. Торжественное богослужение проходило «при стечении всех жителей здешнего их селения и некоторых приезжих»³.

К этому времени на колошский язык были переведены Воскресные Евангелия, некоторые чтения из Апостола, молитва Господня, Символ веры и некоторые молитвословия из последования Литургии. Кроме того, за каждым богослужением звучали поучения для индейцев на их родном языке. Таким образом, в тот год исполнилось два основных желания тлинкитов: они стали иметь свой храм, и за богослужением употреблялся их родной язык. Это укрепило дело миссионерской работы среди колошей, и в 1851 г. индейская община в Ново-Архангельске насчитывала уже более 300 человек.

Протоиерей Петр Литвинцев, продолжавший миссионерскую работу среди колошей в те годы, писал о своей пастве следующее:

«Мне не случалось еще ни однажды встретить от них противления Евангельскому учению, которое они выслушивают внимательно и терпеливо и затем легко соглашаются на принятие св. крещения, большею частию вызываясь к тому сами, без всяких видов на какую-либо внешнюю выгоду, ни со стороны крестителей, ни со стороны собратий своих... Исполнение христианских обязанностей, как-то: хождение в церковь, очищение совести, св. причащение, напутствование перед смертью Св. Тайнами, погребение умерших, — они сами собою без всяких побуждений соблюдают; даже был пример, что один другому простил обиду, что между некрещеными, можно сказать, невозможность»⁴.

В своем отчете о состоянии епархии на 1850 г. святитель Иннокентий так характеризует состояние новообращенных индейцев:

«Колоши продолжают принимать христианство по собственному их вызову, а не убеждению от нас. ...Целыми десятками взрослые мужчины и (более) женщины приходили просить крещения, и совершенно без всяких корыстных видов; и те, в коих видно было более

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 238.

² Эту дату сообщает епископ Иннокентий в своем отчете за 1850 г. (Барсуков И. П. Указ. соч. С. 284.). Но в его письме к святителю Филарету от 1 июля 1849 г. указывается другое число — 26 апреля 1849 г. (См. Барсуков И. П. Указ. соч. С. 254.).

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 254.

⁴ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 333.

усердия и непоколебимости, по возможном испытании, получали просимое. ...Стоя в церкви, они молятся, некоторые из них знают и молитвы краткие к Господу Иисусу и Матери Его. Во время поста постились, калялись и приобщались Св. Таин и, как говорит духовник, очень, очень усердно, и вообще все они исполняли это без всякого принуждения»¹.

Служение в храме Живоначальной Троицы совершал настоятель, который был одновременно и благочинным Американских церквей, и ректором семинарии. Заботясь о развитии миссии среди индейцев, в этом же отчете епископ Иннокентий предлагает Святейшему Синоду «к колошенской церкви, построенной в Ново-Архангельске, определить особого священника, который бы ничем более не был занят, кроме обращения и утверждения в вере соседей наших, более и более оказывающих желание к просвещению»². Кроме того, он указывает на необходимость открытия еще одного прихода для колошей в Дионисиевском редуте, в устье р. Стахин (Стикин).

Вместе с тем святитель Иннокентий внимательно следит за переводом для этого племени книг Священного Писания и богослужебных текстов. Заниматься этим он поручает выпускнику Ново-Архангельской семинарии Ивану Надеждину. В 1855 г. в Ново-Архангельске произошли беспорядки среди индейцев³, во время ко-

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 284.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 262.

³ Как говорится в отчете Российско-Американской компании за 1854 и 1855 гг., 10 марта 1855 г. несколько индейцев-колошей ранили часового, который не позволял им красть лесоматериал, принадлежащий компании. На следующий день тойоны и старейшины были вызваны в порт, и главный правитель настаивал на наказании виновных. Индейцы начали выказывать свое неподчинение шумом и враждебными выстрелами. Гарнизон порта был поднят по тревоге и занял свои позиции. Для устрашения индейцев были сделаны два пушечных выстрела вдоль берега, но это их не образумило. Вооруженной толпой они кинулись на изгородь форта, начали рубить частокол, а один из них выстрелил в компанейского работника, стоявшего на батарее и смертельно ранил его. Несмотря на то, что был открыт огонь из ружей и пушек, колоши ринулись во все места, через которые можно было проникнуть в порт. Сломав дверь в деревянной церкви, построенной специально для них, они заняли ее и открыли довольно плотный оружейный огонь из ее окон. После двухчасового обмена огнем колоши были вытеснены из всех занятых ими позиций и вынуждены были просить прекращения огня и пощады. Потери русских составили двое убитых и 19 раненных, включая одного офицера. Колоши потеряли от 60 до 80 убитыми и ранеными. В знак возобновления своего подчинения они передали в распоряжение компании восемь туземцев.

торых церковь сильно пострадала. Однако в 1857 г. она была восстановлена, и назначенный вместо выбывшего из Ново-Архангельска протоиерея Петра Литвинцева священник Свято-Михайловского собора Георгий Винокуров возобновил в храме богослужения и беседы для индейцев.

Конец 50-х гг. XIX столетия был периодом расцвета миссии среди колошей. В 1859 г. Иван Надеждин окончил перевод на язык тлинкитов Евангелия от Матфея. Также он перевел на их язык всю Божественную Литургию и отдельные праздничные тропари. Индейцы стали с желанием принимать христианство. Капитан-лейтенант П. Н. Головин, пребывавший в 1860—1861 гг. в Русской Америке для сбора сведений о ее состоянии, в своем отчете пишет, что «в течение сего года колоши начали креститься более охотно. Сорок человек были крещены с января по апрель, и 2 апреля православие принял один из самых влиятельных тойонов племени кухантан. При крещении крестным отцом его был действительный статский советник Костливцев (Сергей — *прим. автора*), и новокрещеному было дано имя Сергей. Можно надеяться, что этот пример повлияет на многих кухантанцев»¹. В 1860 г. Ново-Архангельский колошский приход насчитывал 447 человек, хотя он находился на острове, где проживало всего немногим более 500 индейцев, так как русские считали небезопасным пребывание их там.

Перенос в 1858 г. епископской кафедры из Ново-Архангельска в Якутск в некоторой степени ослабил миссию среди колошей, а продажа Аляски вообще свела ее на нет. Православная религиозная активность в Ново-Архангельске, который после продажи Аляски был переименован в Ситку, была незначительной. Много русских уехало в Россию. В городе было достаточно одного православного храма, и по указанию епископа Иоанна (Митропольского) в 1872 г. индейская церковь была сломана. Священники, находившиеся в Ситке, не интересовались просвещением колошей, миссионерская работа среди них не проводилась, и этим обстоятельством воспользовались протестантские проповедники².

¹ The End of Russian America. P. 56.

² Антоний, архимандрит. Ситка // Американский Православный Вестник. 1898. № 13. С. 396.

Уналашкинская миссия

Первым русским, занимавшимся христианизацией населения Уналашкинского отдела, был мореход Стефан Глотов (См. Богословско-исторический сборник, №1, 2003). Он «возымел благое намерение просветить светом Христовой веры через святое крещение алеутов, проживающих на сем острове и в селении Иллилюк на о. Уналашка»¹. После отбытия Глотова находившиеся там «многие русские миряне продолжали таковое крещение алеутов понемногу»². Время от времени остров посещали корабли, на которых находились священники, и те совершали необходимые для жителей острова таинства и требы³. Так, в 1792 г. остров посетил находившийся на корабле «Слава России» с экспедицией якутский священник Василий Сивцов, который крестил 92 алеута⁴.

В 1795 г. этот район посетил иеромонах Макарий (Александров) из состава первой миссии, и успех его деятельности был велик — он «окончательно окрестил всех алеутов Уналашкинского отдела, и после него не осталось ни одного некрещеного»⁵. При этом, как свидетельствовал святитель Иннокентий, «алеуты охотно принимали новую веру. Лучшим доказательством этому может быть то, что

¹ Кедровский Александр, священник. Историко-статистическое описание Уналашского Вознесенского прихода // Американский Православный Вестник. 1897. № 21. С. 440. Несколько иное описание о первых семенах христианства мы находим у святителя Иннокентия. Он ничего не говорит о том, что Стефан Глотов крестил жителей о. Уналашка, но пишет только о его пребывании на соседнем о. Умнак, где русский мореход крестил малолетнего сына местного тойона и поставил «большой крест, где впоследствии времени выстроена была часовня во имя св. Николая» (Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 241.). «Итак, — писал Святитель, — первая из американских церквей (после Атхинской) основалась в Уналашкинском отделе, и именно на Умнаке. После первого пребывания Глотова на Умнаке русские, приходившие на Уналашку, долгое время не думали о том, чтобы крестить алеутов» (Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 241–242).

² Кедровский Александр, священник. Указ. соч. С. 440.

³ Но они не совершали Божественную литургию, поскольку, по свидетельству святителя Иннокентия, «эти священники, не имея походных церквей, не могли совершать всех таинств, да и самый креститель алеутов Макарий неизвестно почему не имел походной церкви, то есть святого антиминосса» (Цит. по: Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 246.)

⁴ Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 246.

⁵ Из Записки «Состояние Православной Церкви в Российской Америке». Уналашкинская церковь // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 157.

о. Макарий переезжал с места на место и, отправляясь в дальние селения, не имел при себе никого для своей безопасности, кроме одного русского для прислуги. Те же самые алеуты перевозили, питали и берегли его, которых он должен был крестить»¹. Однако с его гибелью при кораблекрушении судна «Феникс» новообращенное местное население продолжало находиться без постоянного пастырского окормления.

В 1807 г. на пути с о. Кадьяк в Россию остров посетил иеромонах Гедеон, а в 1822 г. на рейде возле Уналашки находился корабль «Благонамеренный», и бывший на нем «священник, по имени Михаил, в течение нескольких дней, пока судно стояло на рейде, просветил святым крещением ближайших к селению Иллилюк некрещеных алеутов»². Все указанные посещения носили временный характер и не давали возможности проводить систематическую миссионерскую работу, ибо «когда не было священников, — пишет святитель Иннокентий, — обряды христианской церкви, да и сама вера, ограничивались только крещением новорождающихся, дозволенным мирянам, и общественной молитвою в часовнях и домах, где могли найтись люди, умеющие читать»³.

Первый период планомерной миссионерской работы там связан с именем священника Иоанна Вениаминова. Во время его пребывания на Уналашке и на других островах этого отдела он много сделал полезного для просвещения алеутов. После его отъезда в Ново-Архангельск в 1834 г. на Уналашку был назначен священник Григорий Головин. В 1844 г. он был переведен ключарем в Ново-Архангельский кафедральный собор и назначен членом Духовного правления, а на его место определен священник Андрей Сизой. Прослужив там четыре года, он уехал в Иркутск, а на Уналашку был назначен креол с о. Святого Павла священник Иннокентий Касьянов-Шаятников. Он прослужил там 35 лет (1848—1883). Все это время он вел активную работу по укреплению Православия в приходе и перевел несколько книг Нового Завета на алеутский язык.

¹ Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 237—238.

² Кедровский Александр, священник. Историко-статистическое описание Уналашского Вознесенского прихода // Американский Православный Вестник, 1897. № 21. С. 441.

³ Цит. по: Из Записок об островах Уналашкинского отдела // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 247.

Прихожанами Уналашкинского прихода были, в основном, алеуты, а также креолы и русские. В 1860 г. приход насчитывал 1 658 прихожан¹, которые были рассеяны на протяжении 1 500 км. Вся паства проживала на многочисленных островах, сообщение между ними было только по воде на байдарках, а с островами Прибылова — на судне. В состав Уналашкинского прихода входило 13 селений: Иллилюкское, Свято-Георгиевское, Петропавловское, Бельковское, Борькинское, Акутайское, Макушинское, Кашишичское, Черновское, Саннахское, Умнакское, Назаиское, Аштовское. В селении Иллилюк на о. Уналашка был храм в честь Вознесения Господня, а во всех остальных, кроме селения Кашишичское, имелись часовни, при которых действовали школы. В 1858 г. заботой Российско-Американской компании на Уналашке «воссоздан вместо и на месте пришедшего в ветхость новый храм деревянный (бревенчатый)»².

Всем преемникам о. Иоанна Вениаминова по Уналашке приходилось беспокоиться только о поддержании и укреплении христианской веры и благочестия среди алеутов. Несколько особый подход требовался к жителям о-вов Прибылова — Святого Георгия и Святого Павла. Жители этих островов не составляли самостоятельной этнической группы, а являлись рабочими Российско-Американской компании, которые были привезены сюда из разных мест Аляски (с о-вов Атка, Уналашка, Кадьяк и др.). Будучи христианами, они и здесь продолжали проявлять свою набожность и религиозность, но, удаленные на большое расстояние от своих домов, они нуждались в постоянной поддержке и духовном окормлении. Зная их нужды, святитель Иннокентий заботился о постройке часовен на этих островах. Он посещал их сам или командировал туда священников. Во время этих посещений в часовнях совершалась Литургия на подвижном антиминсе, а в отсутствии священника один из креолов в праздники читал часы, а иногда — заутреню.

В путевом журнале, который епископ Иннокентий вел во время своего путешествия по Алеутским о-вам в 1842—1843 гг., он сделал предположение об открытии отдельного прихода на о. Святого Павла. Во время посещения острова его жители попросили епископа Иннокентия дать им особого священника, которому соглашались платить жалованье из своих средств. Несмотря на то, что на острове

¹ См. The End of Russian America. P. 55.

² Кедровский Александр, священник. Указ. соч. С. 441.

проживало всего 150 человек, Святитель считал, что «желание алеутов может быть уважено, если не по числу жителей.., то по трудности сообщений с Уналашкою и особенно по их примерной ревности и усердию к вере»¹. В этот приход он намеревался объединить оба о-ва Прибылова, на которых проживало в общей сложности 250 человек, и Михайловский редут на материковой Аляске, «который Павловскому священнику посещать будет очень удобно каждый год, ибо идущее судно в север всегда заходит прежде на остров Святого Павла, а потом идет в север и оттуда обратно опять на остров Святого Павла»². Но при святителе Иннокентии этим планам не суждено было реализоваться.

Тем не менее «примерная ревность и усердие в вере» местных жителей не ослабли с годами. Даже после продажи Аляски Соединенным Штатам и уменьшения в целом влияния Православной Церкви в этом регионе паства Уналашкинской церкви не утратила норм Евангельской нравственности и православного благочестия в своей повседневной жизни. Русский подданный, находившийся на службе США, С. Н. Буйницкий, после трех месяцев пребывания по долгу службы на о. Святого Георгия, так писал о его жителях в своей записке от 12/24 февраля 1871 г.:

«Каждое воскресенье и каждый праздник все население от мала до велика отправляется в церковь, где, за неимением священника, пономарь с участием весьма изрядного клира из алеутов и креолов, одаренных приятным голосом и верным слухом, исполняет все те отделы Литургии, исполнение которых не предоставлено исключительно иерею. Во всякой бараборе (избе) находятся святые иконы, и ни один алеут по входе не сядет, не совершив предварительно крестного знамения и поклонения иконам. В ежедневных моих сношениях с жителями Святого Георгия я вполне убедился, что православное религиозное образование имело самое лучшее влияние на их нравственное развитие и сделало их истинными христианами — людьми кроткими, добродушными и милосердными»³.

¹ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 140–141.

² Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 141.

³ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 712–713.

Аткинская миссия

Аткинская миссия была устроена уроженцем о. Атка священником-креолом Иаковом Нецветовым. По окончании Иркутской семинарии он проходил диаконское служение в Иркутске. 26 ноября 1827 г. он обратился в Главное правление Российско-Американской компании с письмом, в котором выразил желание по принятии священнического сана служить на Аляске. В полученном ответе, датированном 13 января 1828 г., говорилось, что Главное правление Компании «одобряет возведение его во священника и готово направить его на Атку, где он должен будет освятить церковь Святителя Николая Чудотворца. Иркутская контора обеспечит его необходимым для путешествия, как в случае с уналашкинским священником, и оплатит проездные до колоний. Он будет получать зарплату в 1 200 руб. и такую же сумму на питание и содержание. Он может получать пожертвования от прихожан, но все меха, переданные ему, должны быть проданы компании по обычной цене. Компания также отправляет с ним его отца. Главный правитель назначит в помощь ему церковнослужителя, выбранного из креолов Ново-Архангельской церкви. Он должен предоставлять статистические сведения о состоянии его прихода»¹.

Прибыв на родину, молодой священник «нашел все коренное население острова крещеным, оставившим шаманизм и знакомым с началами христианской веры, хотя на острове не было священника с тех пор, как он был открыт в 1743 г.»². Это подтверждается и сведениями по Аткинскому приходу за 1830 г., когда о. Иаков крестил всего 16 человек, зато миропомазал 442 крещенных мирским чином. Данное обстоятельство и определяло характер миссии на Атке. От о. Иакова требовалось, прежде всего, утверждение в вере уже крещеных и научение их христианским нормам жизни. Он сразу начал учить местных жителей, взрослых и детей, основам веры. При храме на о. Атка о. Иаков устроил церковноприходскую школу. Он сам в ней вел Закон Божий. Эту школу посещали дети со всех ближайших островов.

Знание местного языка позволило ему адаптировать к аткинскому наречию переведенное на алеутский язык о. Иоанном Вениаминовым Евангелие от Матфея. За этот труд о. Иаков был награжден

¹ Records of the Russian Company 1802, 1817–1867. P. 154.

² Barbara S. Smith. Orthodoxy and Native Americans: The Alaskan Mission. N. Y., 1980. P. 8.

золотым наперсным крестом. Позже он перевел на язык аткинских алеутов первые главы Евангелия от Луки и Деяний Святых Апостолов, сопроводив их пояснениями для уналашкинцев на их диалекте. Особое значение для местных жителей имел сделанный о. Иаковом вариант для актинцев грамматики алеутского языка, после чего они получили свою письменность.

Благодаря просветительским трудам священника Иакова, почти четвертая часть взрослых в его приходе была грамотной. В последующие годы это положение еще более улучшилось: в своем отчете о состоянии епархии на 1 мая 1850 г. святитель Иннокентий пишет, что «в Атхинском приходе из 704 креолов и туземцев читающих 190»¹. Это немало способствовало упрочению веры и благочестия в приходе: «В часовне на о. Амле, где жители нисколько не знают русского языка, — писал святитель Иннокентий, — давно уже (с 1842) служба, дозволенная мирянам, отправляется на их языке, и где в пении участвуют почти все»².

Благодаря трудам ревностного пастыря миссия находилась в хорошем состоянии. Епископ Иннокентий, посетивший остров в 1842 г., писал, что аткинская паства «по внутреннему состоянию не только не уступает уналашкинской, но едва ли не превосходит ее»³. Духовное преуспевание аткинцев святитель Иннокентий объяснял тем, что «они почти в каждое богослужение слышат что-нибудь на своем природном языке, и священник, как уроженец здешний, всегда имеет возможность удовлетворять их желанию слышать Слово Божие, и потому очень нередко случается, что он в беседах с ними у себя в доме проводит почти целые зимние ночи»⁴.

Вместо небольшой часовни о. Иаков построил на острове храм во имя святителя Николая. «Церковь деревянная с медною на алтаре крышею; построена в 1830 г. иждивением Американской компании, снаружи обшита тесом, — писал о храме святитель Иннокентий в своем путевом журнале в 1842 г., — Внутри иконостас простой, но местные образа в серебряных под золотом ризах»⁵. В 1845 г. о. Иаков был вызван в Ново-Архангельск, где получил назначение на север

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 272.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 272.

³ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 142.

⁴ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 143.

материка¹, там он основал Квихпакскую миссию. На его место в Атку епископ Иннокентий рукоположил во священника местного дьячка Лаврентия Саламатова. Его путевые журналы за 1858–1863 гг. хранятся в архивах Библиотеки Конгресса и Аляскинской епархии.

В 1840 г. церковь на Атке насчитывала 782 человека: 50 русских, 145 креолов и 587 алеутов². В 1842 г. численность прихода составила 820³, в 1860 г. — 951 человек⁴. Это составляло небольшое по сравнению с другими миссиями число прихожан, однако протяженность прихода была весьма большой. Его составляли Андреяновские, Крысьи, Ближние, Командорские и Курильские о-ва⁵, добраться до которых можно было только на судне. Все острова священник был обязан посещать раз в два года. Особенностью прихода были о-ва Амля, Беринга и Медный, где так же, как и на Прибылова о-вах, жителями были привозимые из других мест Аляски рабочие компании. О них проявлял заботу сам епископ Иннокентий или посылаемый им на время священник.

Нушегакская миссия

Нушегакская миссия была основана епископом Иннокентием вскоре после его прибытия в Ново-Архангельск в сане епископа. Она находилась на материковой Аляске и простиралась вдоль р. Нушегак, а также по всему берегу Бристольского зал. Берингова моря. Ее центром являлся Ново-Александровский редут, расположенный на р. Нушегак в 15 км от ее устья (в 1845 г. редут был переименован в Нушегак).

⁵ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 142.

¹ Здесь и далее в тексте, следуя святителю Иннокентию, говорится о севере Аляски, хотя фактически это был север поселения русских на Североамериканском континенте.

² Bishop Gregory (Afonsky). Указ. соч. Р. 56.

³ Из путевого журнала Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского // Избранные труды святителя Иннокентия. С. 142.

⁴ См. The End of Russian America. Р. 55.

⁵ По удаленности последних правление компании ходатайствовало об открытии отдельного прихода на Курильских о-вах, но тогда он не был открыт по малочисленности коренных жителей (их было только 99 человек, а с русскими и алеутами — рабочими компании — их было всего 212).

Еще в 1796 г. в этот район направлялся с проповедью иеромонах Ювеналий¹, но его мученическая кончина возле оз. Илиamna не позволила осуществить эти планы. С 1820 г. на р. Нушегак начали селиться русские. В 1825 г. русский поселенец Федор Лаврентьевич Колмаков основал Ново-Александровский редут для торговли с местными туземцами — эскимосами-юитами. Посредине крепости была построена часовня во имя святых апостолов Петра и Павла. Еще до первого посещения этого места священником Иоанном Вениаминовым Ф. Л. Колмаков крестил там нескольких местных жителей.

Проявляя заботу о тех племенах Аляски, которые еще не слышали Слова Божия и не имели своего проповедника, о. Иоанн Вениаминов в 1829 г., будучи еще уналашкинским священником, совершил миссионерскую поездку на материк. Там он обратился с проповедью к местным жителям, твердо веря, что «только стоит начать — и Церковь здешняя умножится до нескольких тысяч»². Впоследствии он писал: «я... решился предложить мое слово тем, кому случилось быть тогда в Нушегаке, показав им наше служение; и Господу угодно было моею поистине скудную проповедью обратить к Нему тринадцать человек... и река Нушегак была тогда для них Иорданом»³. Это удостоверило его в том, что «народ, обитавший там, был таким же кротким и расположенным к принятию христианства, как и алеуты Уналашкинского острова»⁴.

Оставляя Ново-Александровский редут, о. Иоанн дал указания его управляющему Ф. Л. Колмакову крестить всех желающих туземцев, но при этом нисколько не принуждать их, и решил посетить этот район в будущем при первой возможности. Она представилась ему через три года. Во второй его приезд 70 человек обратилось к нему с просьбой о миропомазании, будучи ранее уже крещеными управляющим редута Ф. Л. Колмаковым, и еще многие туземцы желали принять христианство. Общее число новообращенных составило 220 человек. Отец Иоанн окончательно убедился, что, по его собственному свидетельству, «народ здешний вообще миролюбив, добросердечен, кроток и характером своим очень похож на алеутов, и потому наверное они так же скоро, охотно и усердно примут христианство»⁵.

¹ Он почитается православными в Америке как мученик, поскольку погиб во время служения Церкви (См. Barbara S. Smith. Указ. соч. Р. 12.).

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 43.

³ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 42.

⁴ Евлогий (Смирнов), архимандрит. Указ. соч. С. 60.

Бывший тогда вместе с о. Иоанном начальник Русской колонии барон Ф. П. Врангель дал распоряжение расширить часовню для умножающихся христиан, что и было исполнено.

В 1838 г. Ново-Александровский редут посетил преемник о. Иоанна Вениаминова по Уналашке священник Григорий Головин. Он крестил 52 и миропомазал 53 человека, которых ранее окрестил Колмаков. Ставя в Святейшем Синоде вопрос о реорганизации миссионерской деятельности на Аляске, епископ Иннокентий предлагал открыть самостоятельную миссию, в первую очередь, в этом районе. Синод дал разрешение на открытие миссии в Нушегаке, но никаких средств на это не выделил.

В это время дочь святителя Иннокентия вышла замуж за Илию Петелина, человека простого и благочестивого по характеру. В 1842 г. епископ Иннокентий рукоположил Петелина во иерея и направил в Ново-Александровский редут. Четыре года священник Илия трудился в Нушегаке и благодаря опытному руководству Святителя создал там хороший миссионерский центр.

Первым делом после прибытия в Ново-Александровский редут о. Илия приступил к религиозному образованию тех, кто уже был крещен. Он организовал школу для мальчиков, которую могли посещать и взрослые. Школа способствовала не только образованию коренного населения, но и его духовному просвещению. В своем письме святителю Филарету от 1 июля 1845 г. епископ Иннокентий сообщал: «В бытность мою в Нушегаке многие из крещеных туземцев приезжали, чтобы видеть меня, и некоторые из них, спрошенные мною о догматах веры и о пути спасения, удивили меня своими разумными ответами»¹. Бывшую там часовню, уже полуразрушенную, о. Илия перестроил в новую просторную церковь.

Местные жители — эскимосы — оказали большое усердие к принимаемой вере. В своем путевом журнале о. Илия писал, что в 1843 г. «из тамошних туземцев обратилось в христианство 315 человек, и, кроме того, миропомазано крещеных до него мирянами 110 человек»². Далее он отметил, что на многих местных жителей произвел большое впечатление случай, когда одна 85-летняя старуха-туземка, бывшая уже при смерти, после крещения получила совершенное ис-

⁵ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 43.

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 221—222.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 215.

целение от своих недугов, и «новокрещенные, в доказательство искренности своего обращения, все прежние свои маски, личины и истуканов, которым они иногда приносили жертвы, или бросали в реку своими руками при глазах миссионера, или жгли»¹. В следующем году он крестил 63 человека из местных жителей, а за следующие полтора года — еще 199². Вместе с увеличением паствы расширились границы миссии.

В 1846 г. по состоянию здоровья о. Илия был переведен на Кадьяк, и миссия в Нушегаке осталась без священника. С 1 июля того же года окормление Нушегакской паствы было поручено иеромонаху Николаю, который возглавлял Кенайскую миссию и мог только временами приезжать в Нушегак. В его отсутствие всю службу, дозволенную мирянам, в храме отправлял местный дьячок Шишкин, креол по происхождению, который продолжал проводить занятия в школе с детьми, а также совершал поездки по разным селам, где крестил мирским чином и взрослых и младенцев.

За семь лет иеромонах Николай только дважды смог посетить Нушегак. Прибыв туда в 1847—1848 гг., он нашел паству Нушегакской миссии «в удовлетворительном состоянии; из всех до нынешнего его прибытия обращенных туземцев (925 душ), не осталось ни одного, который бы отказался от слушания поучений или от совершаемых над ними таинств и треб (кроме жителей одного селения) ...весьма многие сами приходили к миссионеру за тем из дальних селений, а другие посылали нарочных звать его к себе, и вообще все очень рады были прибытию его»³. Лишь в одном селении ранее крещенные туземцы заявили, что не оставят свои языческие обычаи. Тем не менее из 74 жителей этого селения нашлись одиннадцать, которые тайно от остальных пришли к священнику, чтобы причаститься и крестить детей. В этот свой проезд иеромонах Николай объехал все селения и крестил 109 человек. Всего миссия тогда насчитывала «прихожан (и с отпадшими) 1 040 душ, в том числе нетуземцев только 18»⁴.

В следующий раз он прибыл в Нушегак в 1850 г. и вновь посетил все местные селения, за исключением одного, «куда не допустили его бурные осенние ветры, а весной побывать не удалось»⁵, и присоеди-

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 216.

² См. The End of Russian America. P. 143.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 252—253.

⁴ См. Барсуков И. П. Указ. соч. С. 254.

⁵ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 316.

нил к Церкви более 310 туземцев. На этот раз те местные жители, которые в прошлый приезд миссионера не захотели оставить свою прежнюю веру, каялись в своем отпадении, о чем иеромонах Николай докладывал святителю Иннокентию:

«Когда я ехал к ним, они высылали ко мне навстречу с приветствием по два человека одних за другими — всего семь пар, одна от другой в некотором расстоянии. Наконец, ввиду селения старшины и заказчики сами встретили меня с радушием и искренне добрым выражением лица, и с ними, кажется, все до одной души, — и все кричали: «Куяна, куяна (благодарим, благодарим)». Старшины сказали: «Мы думали, ты нас бросишь и не помотришь, как на негодных собак, а ты приехал к нам... куяна, куяна» и проч. Потом все подошли под благословение... Конечно, здесь не мое умение, а Божие мановение...»¹.

В это время Нушегакская миссия насчитывала 1 448 крещеных². Все новообращенные требовали постоянной пастырской заботы, а «живущие вблизи церкви аглегмюты со слезами провожали миссионера и настоятельно просили его, чтобы у них был священник всегда»³. Их просьбу Преосвященный Иннокентий исполнил при первой же возможности, в 1854 г. назначив туда прибывшего из Троице-Сергиевой лавры иеромонаха Феофила⁴, который прослужил там до 1868 г.⁵

Иеромонах Феофил проявил себя ревностным миссионером. Ему пришлось не столько обращать к вере, сколько укреплять в благочестии свою многочисленную паству. С первых же дней он стал проявлять заботу не только о живущих в самом Нушегаке и его окрестностях, но и о жителях самых отдаленных мест этого района Аляски. Он путешествовал вглубь материка и всюду своей проповедью наставлял местные народы в православной вере. За время его служения среди христиан там не было ни одной семьи, брак которой не был бы

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 316—317.

² См. Барсуков И. П. Указ. соч. С. 316.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 317.

⁴ Есть его упоминания с именем Феофан, а также указываются разные даты назначения иеромонаха Феофила в миссию: 1853 г. — святитель Иннокентий в письме святителю Филарету от 26 сентября 1853 г. (Барсуков И. П. Указ. соч. С. 333.); 1859 г. — епископ Григорий (Афонский) (Bishop Gregory (Afonsky). Указ. соч. Р. 62).

⁵ Его путевые журналы за 1860—1867 гг. хранятся в Библиотеке Конгресса США, а копии в Аляскинской епархии.

благословлен Церковью. Он лично трудился в борьбе с шаманством, и, несмотря на упорство некоторых шаманов, достиг хороших результатов. Многие из них прекратили противодействовать иеромонаху Феофилу и, оставив свои ритуальные действия и одежды, заявили о желании стать христианами. Это способствовало более быстрому распространению благочестия среди туземцев.

Нушегакская миссия простиралась на 250 км, а в окружности — до 670 км. В ее состав входило 24 селения, а численность в 1860 г. составляла 1 635 человек¹. По мере принятия проживающими в районе Нушегакской миссии племенами христианства, во всех их селах строились часовни. В Нушегаке продолжала действовать школа, в которой обучалось 25 детей из разных мест.

Паству этой миссии составляли преимущественно эскимосы-юиты, в основном алегмюты, киятинцы, кускоквимцы, а также в нее входили кенайцы, алеуты и креолы. Религиозный уровень ее членов был разный. Более всех были утверждены в благочестии принявшие раньше других племен Православие алегмюты, которые «будучи от природы кротки и послушны, скоро усвоили и веру и, постепенно забывая шаманство и шаманские обычаи, стали исполнять все уставления православной веры»².

Кенайская миссия

Кенайская миссия получила свое название по имени племени, которое жило на полуострове того же наименования. Она объединяла жителей Кенайского и Чугачского заливов³ и реки Медной на материке (кенайцев, чугачей, угаленцев и медновцев или ахтнатян). Все эти племена принадлежали двум народам — эскимосам-юитам и индейцам-атабаскам. Из них кенайцы и угаленцы, подобно алеутам, были особенно расположены к принятию христианства. В своем отчете П. Н. Головин писал, что «они тихие, кроткие и послушные люди и легко склонялись ко крещению, как только их убеждали в том, что это необходимо»⁴.

¹ См. The End of Russian America. P. 55.

² Модестов В., священник. Церковно-историческое описание Нушегакской миссии, Алеутской епархии // Американский Православный Вестник. 1897. № 15. С. 304.

³ Современное их название заливы Кука и Принца Вильямса соответственно.

⁴ The End of Russian America. P. 53.

Первым проповедником среди них был приехавший в составе первой миссии иеромонах Ювеналий, который посетил этот район в 1795 г. За один год он окрестил всех кенайцев и около 700 чугачей. Со времени его мученической кончины около оз. Илиамна в 1796 г. новообращенные туземцы этих мест входили в Кадыякский приход. Когда епископ Иннокентий прибыл в Ново-Архангельск, то он дважды — в 1841 и в 1842 гг. — направлял в этот район служившего тогда на Кадыяке священника Петра Литвинцева, который крестил во время своих поездок 358 человек. Во время его первого посещения Николаевского редута (ныне Кенай) была построена небольшая часовня на средства Российско-Американской компании.

В 1845 г. для основания миссии в Николаевский редут был направлен иеромонах Николай, который прибыл на место своего служения 26 апреля. Два года самоотверженных трудов иеромонаха Николая, за которые он смог объехать Кенайский и Чугачский заливы и посетить все селения кенайцев и чугачей, принесли положительный результат. Многие из них приняли христианство, оставив свою языческую традицию. Всего за первые два года он крестил 401 взрослого человека. Святитель Иннокентий писал 1 мая 1848 г. святителю Филарету: «Кенайцы вообще принимают христианство охотно и с видимою покорностью Слову Божию. Поучения слушают с неутомимым вниманием, обязанности христианские исполняют усердно и со всею заботливостию; а что всего замечательнее, по одному только желанию миссионера они оставляют свои национальные пляски и песни, заменяя последние духовными песнями... Все бывшие у них шаманы окрестились, и большая часть из них сделалась лучшими христианами. Некоторые из них по одному только намеку миссионера остригли свои волосы на голове, которыми они прежде чрезвычайно дорожили, — в доказательство того, что они не только слушают, но и стараются исполнять то, что слышат от миссионера. Это удивило многих; и вообще, скорое и усердное оставление кенайцами прежних их суеверий и привычек удивляет всех, кто знал их прежде и видит ныне»¹.

7 марта 1849 г. епископ Иннокентий издает Указ на имя иеромонаха Николая за №158, которым определяет постоянным местом его пребывания Николаевский редут. В Указе говорится: «Время и опыт указали, что для постоянного пребывания миссии, долженст-

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 240.

вующей действовать по берегам заливов Кенайского и Чугатского, лучшего места при данных обстоятельствах нет — как Николаевский редут, находящийся в Кенайском заливе. Того ради благословляем Вам, иеромонаху Николаю, когда имеющаяся в том редуте часовня будет по приличию устроена в виде церкви, — поставя в ней иконостас и престол вышиною в 1 аршин 6 вершков, а длина и ширина по пропорции места, прилагаемым при сем св. антимином во имя Успения Пресвятой Богородицы по церковному чиноположению освятить; и когда будет освящена, о том нам в свое время донести. Смиранный Иннокентий, Епископ Камчатский, Курильский и Алеутский»¹.

В 1849 г. иеромонах Николай путешествовал на байдарках на юг Чугачского залива в Нучен и на р. Медную. Путешествие продолжалось с 28 марта по 10 июня. В Нучене он «сверх обыкновенных треб, служил Литургии для приобщения говевших и поучал как детей, так и взрослых. Везде, где он был, принимали его радушно и с охотою слушали поучения и исполняли обязанности, требуемые Церковью»². Затем он отправился на Медную реку, где ни разу еще не бывали русские миссионеры. Два дня ехали они в байдарках до устья Медной реки и день подымались по ней до первого селения туземцев. «Встречи от них, говорит миссионер, и радужного приема не было; на лицах их виден был испуг»³. Но, видя приветливое обращение с ними русского священника, все жители собрались к его палатке, чтобы послушать его. «Проповедь и беседы миссионера с туземцами не остались бесплодны. Сорок три человека приняли христианство, несмотря на предложенные им нелегкие условия, как-то: жен не менять и кроме одной не иметь, лиц своих не марать, шаманство оставить и проч.»⁴.

Успех этой поездки открывал новые возможности для миссии среди аборигенов Аляски. И святитель Иннокентий в своем отчете за 1850 г. указывает на необходимость открытия еще одного миссионерского прихода с центром в Нучене, где была «и часовня и большая надежда на обращение жителей материка Америки»⁵. Однако, в те годы эти его планы не были осуществлены.

¹ Вортновский И., священник. Кенайская миссия // Американский Православный Вестник. 1898. № 18. С. 529.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 279.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 279.

⁴ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 279.

⁵ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 262.

По окончании поездки иеромонах Николай занялся перестройкой часовни в Николаевском редуте. Средства на проведение работ и материалы предоставила Российско-Американская компания. Вместе с двумя помощниками — дьячком и работником от компании — он подготовил храм к осени этого же 1849 г. 8 сентября храм был освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы. С этого времени Кенайская миссия получает свое правильное внутреннее устройство, и ее жизнь приобретает целенаправленность. По ходатайству епископа Иннокентия Кенайская миссия финансировалась Святейшим Синодом, получая на свое содержание 881 руб. 43 коп. серебром ежегодно. Кроме храма в Кенае действовала школа, в которой дети туземцев обучались чтению и пению духовных песнопений.

Иеромонах Николай со всей ответственностью и истинным миссионерским настроем проводил свое апостольское служение. Его усилия были направлены прежде всего на борьбу с языческими обычаями, с шаманизмом и многобрачием, которые были распространены среди местных народов. Ему пришлось положить немало труда и с полным самоотвержением продвигаться вперед к намеченной цели. Епископ Иннокентий писал о нем: «Этот миссионер действует в прежнем духе нашего духовенства, то есть старается приучить прихожан своих к христианским обычаям: служить молебны, поминать родителей и прочее... И очень радуется, что кенайцы начинают привыкать к этому. И будучи сам жизни воздержанной и строгой к своей плоти, поступает довольно строго с впадающими в явные прегрешения и уверяет меня, что это необходимо».

Благодаря ревностному выполнению иеромонахом Николаем миссионерских обязанностей, количество членов его прихода стало быстро увеличиваться. В 1859 г. их общее число возросло до 1 633 человек¹, из них 937 кенайцев, 456 чугачей, 148 угаленцев и 18 медновцев. Наряду с увеличением численности прихожан в миссии наблюдался и значительный религиозно-нравственный прогресс. Святитель Иннокентий в одном из своих писем отмечал: «Кенайцы не только охотно слушают поучения, но некоторые сами приходят к миссионеру и просят его учить их. Долг очищения совести исполняют все охотно, к Святым Тайнам приступают с благоговением и страхом, истинно христианским... Многие из них знают молитвы и учат друг друга. Любимым занятием многих есть петь церковные песни»².

¹ См. The End of Russian America. P. 55.

Отец Николай прослужил в миссии до самой смерти. За свое ревностное служение в Кенае в течение 22 лет он был удостоен ряда наград: в 1849 г. — набедренника, 3 мая 1852 г. — наперсного креста, а в ноябре того же года — сана игумена, 17 апреля 1857 г. — ордена Святой Анны 3-й степени. Игумен Николай скончался 31 июля 1867 г. В том же году Аляска была продана Соединенным Штатам, и в Кенай никто не назначался до 1880 г. В этот период под началом регентов Макария Иванова и Николая Сороковникова проходили службы, дозволенные мирянам.

За время отсутствия священника в Кенае произошел разлад миссионерского дела и упадок религиозности и нравственности среди местного населения. Назначенный туда в августе 1880 г. иеромонах Никита в своем донесении сообщал епископу Алеутскому и Аляскинскому Нестору: «Есть в каждом почти селении шаманы, но они скоро отрекаются от своего ремесла и изъявляют раскаяние, обещая не творить этого более. Много есть и поистине прискорбного между кенайцами в их частной жизни и в отношениях друг к другу, например: беспечная леность и нерадение к труду, равнодушие к своему состоянию, а отсюда расслабление тела и плотское беззаконие до безобразия. Многие держат по две жены и более и преимущественно тойоны, многие имеют связь супружескую с сестрами, отчимы держат своих падчериц, меняются женами, берут двух родных сестер два родных брата, живут с двоюродными сестрами и тому подобное еще хуже, и как трудно будет все это искоренить по отдаленности селений»¹. Снова, как некогда игумен Николай, иеромонах Никита боролся с шаманизмом, насаждал забытые в народе христианские обычаи и нормы жизни, прежде всего, венчание супружеских пар и погребение усопших. Он пытался возобновить школу при храме, но в 1886 г. приход вновь остался без священника.

С 1893 г. в Кенае служили священники из белого духовенства. Первым из них был священник Александр Ярошевич, пробывший на приходе до 1895 г. Он создал Свято-Никольское и Успенское братства и школы в Кенае и Нинилчике. В них сам о. Александр и регент Алексей Иванов обучали детей Закону Божию, русскому, славянскому и английскому языкам, пению и арифметике.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 315.

¹ Донесение Кенайского миссионера иеромонаха Никиты. Архив Православной Церкви в Америке. Дело П-А General Correspondence 1879–80.

Квихпакская миссия

Территория Квихпахской миссии распространялась от берегов Северного Ледовитого океана на севере до границ Нушегакской миссии на юге и от побережья Берингова моря на западе вглубь материковой Аляски по рекам Квихпак¹ и Кускоквим.

Первым с христианской проповедью в те края епископ Иннокентий направил священника с Уналашки Григория Головина. Прибыв летом 1843 г. в Михайловский редут², он был приветливо встречен местными жителями — эскимосами, которые проявили интерес к проповеди миссионера. Вдохновленный успехом в Михайловском редуте, о. Григорий поднялся вверх по р. Квихпак вглубь континента и крестил там в течение месяца 163 туземца. В своем рапорте епископу Иннокентию он охарактеризовал живущих в том районе аборигенов Аляски как «народ вообще добрый и кроткий, и едва ли не многолюднейший из всех здешних народов»³.

Посетив Михайловский редут через год, священник Григорий Головин видел крещенных им год назад и убедился, что «ежели не все, то очень многие из них помнят и стараются исполнять данные ими при крещении обещания; отступлений на прежний путь язычества не слышно; а некоторые из них, более проникнутые словом истины, старались передать свои понятия о христианстве своим язычеству собратиям и тем убедили многих к принятию крещения»⁴. В результате он окрестил еще 113 коренных жителей. Кроме того, «туземцы, быв спрашиваемы священником, единогласно изъявили желание иметь у себя постоянного священника»⁵.

Расположенность коренного населения к принятию христианства открыла возможность для Евангельской проповеди в глубине Аляс-

¹ Квихпак или Квикпак — так называлась р. Юкон в нижнем течении во времена существования Русской Америки.

² Михайловский редут — русское поселение, основанное в 1834 г. Михаилом Дмитриевичем Тебеньковым (1802—1872) по указанию правителя Русской Америки барона Ф. П. Врангеля. Последний развивал торговые отношения кампании с народами материковой Аляски и намеревался установить сухопутное сообщение между Нушегаком и Михайловским редутом. Поселение находилось на острове Святого Михаила в заливе Нортон Беренгова моря севернее устья реки Квихпак (Юкон). Оно было построено с согласия местных жителей, которые охотно согласились торговать.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 207—208.

⁴ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 220.

⁵ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 220.

ки. Заботясь о просвещении нового и многочисленного народа, епископ Иннокентий издает Указ Ново-Архангельского Духовного Правления от 25 декабря 1844 г. за №429 об учреждении Квихпакской миссии и направляет туда своего давнего сподвижника-миссионера священника Иакова Нецветова. Вместе с ним на север отправились два причетника-алеута — Иннокентий Касьянов-Шаяшников¹ и Константин Лукин, а также его племянник Василий Нецветов.

Прибыв в 1845 г. в Михайловский редут, о. Иаков решил основать миссионерский центр не в русской крепости, а в туземном селении Икогмиут², расположенном в 200 км вверх по р. Квихпак. Выбор этого селения для пребывания там миссии был дальновидным. С одной стороны, оно располагалось между двумя существовавшими в том районе русскими поселениями, что делало возможным их окормление одним священником. С другой стороны, селение стояло на торговом пути туземцев, и его посещали аборигены многих племен Аляски — как эскимосы, так и атабаски. Это позволило распространить Евангельскую проповедь на огромные территории севера Аляски.

В первые два года пребывания в миссии о. Иаков проповедовал Христа местным жителям — эскимосам-юитам. Он неустанно путешествовал по рр. Квихпак и Кускоквим, а также по берегу Берингова моря, отправляясь в путь летом на байдарках, а зимой пешком. Он проповедовал им Евангелие на их языке³, не щадя ни сил, ни

¹ Креол Иннокентий Касьянов-Шаяшников находился в миссии в должности дьячка до 1848 г. До этого школьного образования не имел, но обучался сначала у своего отца — креола из Ново-Архангельска, а потом у о. Иакова Нецветова. Был очень исполнителем и начитан, отличался трезвостью и трудолюбием. Несмотря на небольшой срок пребывания в миссии, он оставил о себе долгую память среди местных жителей. Он учил туземцев православным обычаям и церковным песнопениям, которые сам знал в совершенстве, а также привил им различные мастерские навыки, особенно плотничье дело. Скончался священником на Уналашке.

² Через это селение пролегал основной торговый путь между континентальной Аляской и Сибирью через побережье Берингова моря. В 1836—1839 гг. в нем располагалась фактория русских, которые пытались наладить торговлю непосредственно с индейцами-атабасками, минуя эскимосских посредников. Но они были вынуждены оставить ее, по мнению исследователя эскимосов Аляски Джеймса Ван Стоуна, после убийства представителей компании торговцами-эскимосами.

³ Святитель Иннокентий в своем анализе языков народов Аляски относит язык местных эскимосов к кадьякской группе, а «кадьякский язык, — по его свидетельству, — имеет (почти) совершенно одинаковое образование с уналашкинским», только «слова их совершенно различны» (Барсуков И. П. Указ. соч. С. 97—98.).

здоровья. Возникавшие при этом трудности только возгревали в нем ревность к миссионерскому служению. Главным препятствием в обращении местных жителей было предубеждение, которое они имели в связи с появлением в 1836—1837 гг. в их районе эпидемии оспы, которое, к несчастью, совпало с появлением и развитием в том районе русской колониальной системы и с прививками, которые проводились русскими. Многие туземцы воспринимали миссионера как орудие колонизации и оспопрививателя.

Видя упорство взрослых, о. Иаков стал собирать вокруг себя детей туземцев и поучать их истинам веры и Закону Божию. Детей особенно заинтересовали рассказы из Священной истории, и они сами ежедневно стали приходить к нему слушать его поучения. Постепенно они «начали внимать и помнить учение и произносить на своем языке спасительные истины»¹. Успешно среди детей стала прививаться и молитва. Отец Иаков перевел на местный язык «Отче наш» и другие молитвы, что дало возможность им молиться осознано.

Расположенность детей туземцев к христианству и их участие в молитвах побудило и старшее поколение изменить свое отношение к миссионерскому делу о. Иакова. «Дети наши, — говорили они, — уже знают и читают молитвы, а мы еще ничего не знаем»². Взрослые также стали проявлять интерес к проповеди о. Иакова, и за два года 437 человек приняло там христианство. «В числе обращенных замечательны два лица, — писал святитель Иннокентий, — мужчина бесноватый и после крещения исцелевший... и одна женщина, старуха, живущая близ самой миссии, которая несмотря ни на убеждения миссионера, ни на то, что уже все жители селения обратились, не хотела креститься. Но наконец сама пришла к миссионеру просить крещения, будучи убеждена в истине веры дочерью своею, которая в числе прочих детей туземцев ходила к миссионеру слушать поучения и, приходя домой, каждый раз рассказывала своей матери все, что слышала»³.

Постепенно Евангельская проповедь распространилась и среди дальних племен индейцев-атабасков, которые были свидетелями обращения эскимосов, живших поблизости от миссии. Многие тойоны и старшины, став православными, убеждали своих соплеменников

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 241.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 241.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 241.

принимать крещение. Святитель Иннокентий писал об этом святителю Филарету следующее:

«Один старшина Аналухтапагмютского селения на р. Квихпаке (в котором миссионер еще не бывал) Константин, крестившийся в 1847 г. в миссии по собственному его вызову, своим примером и убеждениями до того расположил жителей своего селения, что лишь только приехал миссионер к ним, тотчас же все жители от мала до велика, числом 93, изъявили желание креститься, и в свое время окрещены. Пример их подействовал на другого тойона — Инкалитов, бывшего там случайно, так что он немедленно окрестился сам и по совету и примеру его окрестились 46 человек из его команды»¹.

Божией помощью и неустанными трудами священника Иакова Нецветова квихпакская паства постоянно возрастала, общее число верующих на севере достигло 700 человек. Следуя миссионерской тактике святителя Иннокентия, о. Иаков не торопил людей принимать крещение, а стремился, чтобы они лучше познали основы христианства и сознательно приступали к этому таинству. При этом новообращенным совершенно не представлялось никаких приманок или выгод: «Им при крещении не дается ничего, кроме крестиков и не обещается никаких льгот от податей или тому подобных повинностей: об этом и речи не бывает»².

Со временем миссионеру стало невозможно даже раз в год посещать те селения, где жители уже были православными, тогда как еще тысячи местных жителей пребывали во тьме язычества. Об этом он написал епископу Иннокентию, и летом 1848 г. Святитель сам прибыл в Михайловский редут, чтобы лично познакомиться с успехами миссии. В это время Квихпакская миссия имела уже 1 250 членов, и еще более 500 туземцев готовилось принять крещение. Познакомившись с положением дел, святитель Иннокентий убедился, что, по его выражению, «жатва там многа и богата, но нет ни делателей, ни средств к их содержанию»³. 25 октября 1848 г. он докладывал в Святейший Синод о необходимости открыть там еще три новых миссии, указывая на важность расширения миссионерской работы в малоосвоенной северной части материковой Аляски.

¹ Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 250.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 245–246.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 252.

Святитель надеялся, что Синод положительно отреагирует на его просьбу. Однако, в 1849 г. из России прибыл один только иеромонах Филарет для служения в семинарии. Он сразу же был направлен епископом Иннокентием на север в помощь о. Иакову, но вскоре «заболел и тем причинил ему множество забот»¹. Епископ Иннокентий посылал о. Иакову и других помощников: в 1853 г. — иеромонаха Гавриила², в 1858 г. — иеромонаха Феоктиста³, прибывших из России, в надежде открыть хотя бы еще одну миссию, но его планы так и не исполнились. Это обстоятельство определило дальнейшую судьбу Квихпакской миссии. Деятельность о. Иакова в основном сосредоточилась в селении Икогмют. Он имел возможность посещать только ближайшие русские поселения и расположенные в том районе села туземцев.

В его приходе действовали храм и две часовни. В Михайловском редуте находилась часовня в честь Покрова Пресвятой Богородицы⁴, построенная в 1842—1845 гг. управляющим Петром Епифановым. В Колмаковском редуте управляющий Семен Лукин построил часовню, которую о. Иаков освятил в 1849 г. в честь Преображения Господня.

В самой миссии был построен храм. Для его постройки епископ Иннокентий направил в 1849 г. четырех алеутов из Уналашкинского отдела, и 23 октября того же года была освящена закладка храма длиной 12,6 м, а шириной 6,3 м. Его строительство велось не на средства компании, а за счет Ново-Архангельского Духовного правления, 1 000 руб. серебром на построение этого храма прислал святитель Филарет⁵. В строительстве принимали участие сам о. Иаков и два его причетника, а также местные жители. Последние помогали «таскать лес из-за реки к селению и поднимать оный на берег, довольно высокий и крутой; в последнем случае помогали не одни только мужчины, но и женщины, и дети их, подростки»⁶. И это при-

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 307.

² Иеромонах Гавриил жил в Михайловском редуте пять лет (1853—1858 гг.) и, проболев два года, умер в 1860 г.

³ Иеромонах Феоктист был из духовного звания, обучался в семинарии. Он находился в миссии с 1858 по 1861 гг. и преимущественно занимался просвещением кольчан.

⁴ 1886 г. вместо нее был выстроен храм.

⁵ См. Барсуков И. П. Указ. соч. С. 293.

⁶ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 308.

том, что всего четыре года назад священнику было трудно найти себе перевозчиков для миссионерских поездок среди местных жителей, поскольку они никак не соглашались идти в работники. Один из строивших храм алеутов так отзывался о них: «Удивительно, как скоро они переменились. Прежде мы слышали, что они были дики; а теперь сделались ласковы, любовны и привержены к тебе (миссионеру)»¹. 22 декабря 1851 г. построенный храм был освящен в честь Воздвижения Честного Креста Господня. Храм, по словам святителя Иннокентия, был «украшен очень благолепно, а по тамошнему краю и народу даже очень великолепно. Царские двери с сиянием и рамы у икон резные, а также часть и карнизы у иконостаса. Первые позолочены листовым золотом, а последние серебром»².

Паству Квихпакской миссии составляли эскимосы и индейцы, а также приезжие русские и креолы. Капитан-лейтенант П. Н. Головин в своем отчете подразделяет местные народы, окормлявшиеся квихпакским миссионером, на кускоквимцев, квихпакцев, киятинцев, малегмютов и др., живущих по берегам Берингова моря и рек, впадающих в него. Описывая эти народы, Головин сообщает, что «все они абсолютно независимы... Эти люди не признают над собой русского владычества и считают землю, на которой они живут, своей собственностью. Вообще же эти люди мирные и не угрожают нашим поселениям»³.

Благочестие в новообращенных народах укреплялось только там, где миссионер имел возможность заниматься с ними, преимущественно в самой миссии. Со временем его жители не только приходили слушать проповеди священника, но и стали приглашать его в свои собрания для назидания в вере. Несмотря на трудности, особенно сильные морозы, они приходили на богослужения и ежегодно причащались Святых Христовых Таин, «так что некоторые приезжали для того из отдаленных мест»⁴. Вместе с тем, среди новообращенных, с которыми о. Иаков не мог заниматься регулярно, благочестие возрастало слабо или вообще не возрастало. «Причиною тому то, что миссионер не имеет возможности посещать всех»⁵, — писал святитель Иннокентий. Другой причиной являлся кочевой образ жизни

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 308.

² Цит. по: Барсуков И. П. Указ. соч. С. 331.

³ The End of Russian America. P. 26.

⁴ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 315.

⁵ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 314.

местных народов, из-за чего даже во время посещения села священником, он не всегда имел возможность видеть всех его жителей.

Зимой 1849 г. о. Иаков совершил поездку по лежащим вниз по реке от миссии селениям с целью видеть, «*како вернии пребывают* в их самых жилищах, в кругу семейств своих и между некрещеными»¹, а также чтобы лучше изучить их образ жизни и «дать им нужные и приличные наставления»². Несмотря на то, что никто из туземцев не ожидал гостя, его везде встречали с радостью и оказывали радушный прием. Проживая в юртах туземцев, священник не оставлял своего молитвенного правила и, когда он становился на молитву, то все крещеные без приглашения присоединялись к нему, а некрещеные прекращали разговоры и шум.

Весной 1851 г. священник Иаков Нецветов отправился вверх по р. Квихпак и также плавал по р. Чагелюк, посетив те места, «где давно уже его ожидали. И 137 человек обоого пола присоединилось к Церкви из народа, называемого инкалиты»³. Всего с июля 1850 г. по июль 1851 г. было крещено 203 человека. А вся паства на 12 июля 1851 г. составляла 1 516 душ. В этом же 1851 г. окрестились последние жители с. Икогмют, при этом глава семейства заявил: «Я вполне убеждаюсь из примеров, что христианство не есть выдумка и не человеческое дело, а Божие»⁴. Испытанием веры новокрещеных стала разразившаяся в начале осени 1851 г. эпидемия — «поветрие кашля», во время которой проявилась твердость новых чад Церкви. Один из туземцев — заказчик Икогмютского селения Павел — ответил советовавшим ему прибегнуть к шаманам: «Не говорите мне об этом; пусть лучше я умру, надеясь на Бога, но никогда не предамся шаманам и не послушаю их»⁵.

В 1852 г. по приглашению племен атабасков, живших вверх по течению р. Квихпак (Юкон), о. Иаков Нецветов проповедовал в глубине Аляски. Во время этой поездки он обратился с проповедью к двум издавна враждовавшим племенам индейцев кольчан и инкалитов, проживавших на р. Инноко. После проповеди он крестил более сотни из них, причем во время крещения присутствовали оба племени. Таким образом была предотвращена война между ними. Об

¹ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 305.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 305.

³ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 313–314.

⁴ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 314.

⁵ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 332.

этом о. Иаков так писал в своем дневнике: «Какая радость видеть такое множество присоединенных к Церкви Христовой; прежних врагов, ныне живущих в мире между собою»¹.

Все годы, с самого своего основания, Квихпакская миссия существовала без финансовой и иной поддержки со стороны компании, исключительно на местные средства, без какой-либо охраны и защиты со стороны русского правительства. Существовая благодаря апостольской ревности священника Иакова Нецветова, его неутомимым трудам, воспомоществуемых благодатью Божией, миссия несла Евангельскую проповедь и спасение во Христе тысячам аборигенам севера Аляски. В 1860 г. она насчитывала 1 926 прихожан². В признание его выдающихся трудов, о. Иаков Нецветов в 1858 г. был возведен в сан протоиерея, а позже — награжден орденом Святой Анны. В 1863 г. слабый здоровьем и почти потерявший зрение о. Иаков был переведен на о. Ситку, где через год скончался. Протоиерей Иаков Нецветов канонизирован Православной Церковью в Америке в 1994 г. и почитается как просветитель народов Аляски³.

На его место в миссию был назначен иеромонах Иларион⁴, с 1861 г. находившийся в миссии в качестве помощника миссионера. Он продолжил дело о. Иакова Нецветова и проявил себя как «один из деятельнейших миссионеров; привел Квихпахскую миссию в известность и заботился на деле об ее благоустройстве»⁵. Святитель Иннокентий рекомендовал его, как человека, «с самоотвержением и пользой подвизавшегося на поприще миссионерства»⁶. В 1868 г. после передачи Аляски правительству США, он выехал на Ситку, а затем — в Россию, в Глинскую пустынь, откуда он прибыл в Америку. После него работу в миссии возглавил креол с о. Святого Павла Захарий Николаевич Бельков, служивший с 1861 г. в должности псаломщика, а с 1877 г. по 1895 г. — священника-миссионера. Он крестил много туземцев, построил два храма и два церковных дома, сделал переводы

¹ Цит. по: Mark Stokoe, Leonid Kishkovsky. Orthodox Christians in North America 1794–1994. Orthodox Christian Publications Center, 1995. P. 14.

² См. The End of Russian America. P. 55.

³ Его память празднуется 26 июля.

⁴ Иеромонах Иларион происходил из дворян Черниговской губернии, постриженник Глинской пустыни.

⁵ Иаков Корчинский, священник, миссионер. Квихпахская Крестовоздвиженская миссия на реке Юконе // Американский Православный Вестник. 1899. № 13. С. 361.

⁶ Барсуков И. П. Указ. соч. С. 691.

церковных песнопений на квихпакский язык и заново открыл школу в селении Икогмют. Как он, так и служившие после него священники продолжали вести там миссионерскую и духовно-просветительскую деятельность.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Инструкция о правах, обязанностях и взаимоотношении клира в Американском благочинии

Инструкция была составлена, и известна под названием «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру». Она была представлена на утверждение Санкт-Петербургскому митрополиту Серафиму и Московскому митрополиту Филарету, и, одобренная этими великими иерархами и Святейшим Синодом, принята для руководства в церковной жизни на Аляске. Позднее она была рекомендована для пользования и в других миссиях Русской Церкви. «Наставление...» состоит из введения и трех частей. Во введении говорится о высоте и ответственности миссионерского служения. Первая часть озаглавлена «Главнейшие наставления, касающиеся духовных обязанностей веропроповедника» и разделена на два отдела: «Приготовление к веропроповеданию» и «Порядок веропроповедания». В первом отделе говорится о личных качествах, какие должен иметь миссионер, и о его подготовке. Во втором отделе кратко говорится о сущности христианства, описываются характерные особенности его восприятия местным населением и метод воздействия на них. «Надобно стараться действовать более на сердце, — говорится в Инструкции, — нежели на ум. Любопытство ума ненасытимо, но кто сердцем восчувствует потребность веры и утешения ее, тот примет ее скоро и удобно, и она в нем будет бесплодна». Во второй части, озаглавленной «Особенные наставления относительно учения, богослужения и обхождения с инородцами», даются практические советы в обращении с туземцами, о совершении для них богослужений, таинств и обрядов, прохождении ими постов: «Соблюдать посты так, — написано в Инструкции, — как соблюдают обыкновенно, т. е. переменною пищи, взявшею из царст-

ва животных, на одну растительную, тамошние жители почти совсем не могут по самой местности, и пост их удобнее может состоять не в качестве, но в количестве и времени употребления пищи». Кроме того, в этой части «Наставления...» говорится об обучении Закону Божию, отношении к пастве, устройстве миссионерских дел, о том, как должны вести себя туземцы за богослужением в храме и вне храма, об их обычаях и отношении к «не желающим принять Святого Крещения». В третьей части под названием «Правила относительно дел церковных, сношения и отчетности, касающиеся всех вообще колониальных священников» даются рекомендации по организации приходских дел, ведению приходорасходных книг, устройству приходов, об отношениях с местным светским начальством и обязанностях благочинных. Отдельного заключения «Наставление» не имеет, а только в последнем параграфе третьей части дается еще раз напоминание об ответственности служения миссионера. Полностью текст «Наставления» помещен в Творениях святителя Иннокентия (Кн. 1. М., 1886. Сс. 239-263) и в книге Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки (М., 1997 г. Сс. 163–181).

Приложение 2

Племена туземцев в исследованиях святителя Иннокентия

Сам святитель Иннокентий называет следующие племена туземцев, населявшие в его времена Русскую Америку: от Ситхи до Кадьяка: колоши Кагайские, Ситхинские, Якутатские, угаленцы, медновцы или атнахтяне, кенайцы, чугачи, кадьякцы; на Алеутских островах: уналашкинцы, ахтинцы; на берегах Берингова моря: аглеглюмы, китинцы, кускоквимцы; жители островов Нортон и Коцебу (правильно — жители побережья заливов Нортон и Коцебу — *прим. авт.*): квихпакцы, чнагмюты и малегмюты и на материке Америки: колочане, инкатиты и инкюхлюты. (См. А. Иванов, доц. «Православие в Америке» // ЖМП, 1959. № 1. С. 50–51).

В современных источниках все народы Аляски объединены в пять основных групп: 1) алеуты, которые населяют Алеутские острова и прилегающую к ним часть полуострова Аляска; 2) северные эскимосы, которые живут вдоль северного побережья залива Нортон, побережья залива Коцебу и Северного Ледовитого океана; 3) южные эскимосы-юиты, населяющих западное побережье Аляски, включая

дельту рек Юкон и Кускоквим, побережье Бристольского залива и полуостров Аляска, а также архипелаг Кодьяк, южную часть полуострова Кенай, побережье Чугачского залива и устье реки Медной; 4) индейские племена атабасков, которые распространены на внутренних территориях материковой Аляски по берегам рек Юкон с притоками Инноко и Коюкук, Кускоквим, Танана, Медной, а также побережье залива Кука; 5) индейские племена тлинкитов и кагайцев-хайда, проживающих на островах архипелага Александра и прилегающего к нему побережья Америки до бухты Якутат. (См. Steve J. Langdon. *The Native People of Alaska*. Anchorage, 1987.).

АРХИМАНДРИТ ЕФРЕМ И БРАТСТВО СТАРЦА ИОСИФА ИСИХАСТА

Прежде чем начать чтение замечательных «Глав об умной молитве» архимандрита Ефрема, читателю, вероятно, будет совсем небезынтересно узнать и об их авторе. Но, говоря об о. Ефреме, нельзя не сказать и о его Старце¹, которого он так часто упоминает в своих словах, — Иосифе Исихасте или Пещернике, как его еще называют. Это одно из великих имен в современной истории Афона. Можно сказать, что как без преподобного Симеона Благоговейного не было бы преподобного Симеона Нового Богослова, а без него, в свою очередь, и преподобного Никиты Стифата, так и без Старца Иосифа, наверное, не было бы и нынешнего о. Ефрема. Здесь мы видим ту «золотую цепочку» живого святоотеческого предания, о которой так много говорит преподобный Симеон Новый Богослов. «Живую воду» Духа, которую в личном подвиге стяжал старец Иосиф, о. Ефрем, как «совершенный послушник», принял «даром». Но «даром» вовсе не означает совершенного бездействия со стороны послушника. Скорее наоборот.

Старец Иосиф Исихаст (1898–1959) прибыл на Афон в 23 года, полный юношеского максимализма и аскетического рвения, но не нашел там того, что так пламенно искала его душа, а искала она той пустыни и тех подвигов, о которых повествовали книги древних Египетских отцов. Начались годы поисков духоносного старца, уединенного места для сосредоточенной молитвы и чрезвычайных аскетических трудов, которые кажутся просто невероятными для нашего рода (на протяжении многих лет Старец вкушал пищу всего лишь один раз в день за три часа до захода солнца, и при этом всю трапезу его составляли 75 г сухарей).

¹ Здесь и в других случаях, следуя традиции самих афонских монахов, мы пишем о старце Иосифе с большой буквы ввиду исключительной роли, которую он сыграл не только в жизни о. Ефрема, но и в жизни всего современного Афона.

Спустя некоторое время он встретил своего целожизненного сподвижника — о. Арсения, которому впоследствии и суждено было проводить Старца в жизнь вечную. Наконец был найден и духовник — о. Даниил Исихаст с келии Святого Петра, уединеннейшего места афонской «пустыни». Но искушения не оставляли о. Иосифа, и даже усугублялись. Он стойко переносил их и восходил от силы в силу, и ему также явился Бог богов (ср.: Пс. 83, 8), открывая ему тайны Неба и Земли.

Постепенно, привлекаемые славой о его подвижнической жизни и замечательной духовной опытности, иноки-афониты устремились к Старцу в поисках духовного назидания, так что за советом к нему стало стекаться множество монахов со всех концов Святой Горы. Тогда о. Иосиф с о. Арсением решили переехать из скита Святого Василия, где они жительствоваали, в более уединенное место подальше от людей, — в Малый скит Святой Анны, — на место, где некогда жил кто-то из русских, но к тому времени от построек остались лишь одни руины. Сколько труда стоило немолодым монахам — а старец Иосиф уже тогда передвигался с трудом — на диком склоне, фактически на обрыве над морем, на высоте нескольких сот метров отстроить хотя бы что-то похожее на человеческое жилье! Здесь у о. Иосифа собралось то небольшое братство, слава о котором разошлась далеко за пределы Афона. Сюда и приехал к нему из Волоса в 1947 г. ревностный девятнадцатилетний юноша, будущий о. Ефрем. Он провел, по собственному выражению, «у ног Старца» 12 лет, окреп и окрылился духовно, принял постриг в схиму и священство.

О напряженности духовного подвига в пустыне остались некоторые свидетельства учеников Старца. Вот одно свидетельство о. Ефрема: «Когда мы были в пустыне, наше бдение начиналось с заходом солнца и продолжалось до самых утренних часов».

А вот свидетельство другого ученика Старца, монаха Иосифа из монастыря Ватопед: «До полудня мы трудились в том, что необходимо было сделать. Потом останавливались и совершали вечерню наедине по четкам или еще и читали немного. Потом собирались на обед, или, скорее, на ужин. Затем мы брали благословение у Старца и уходили спать по келиям. После отдыха мы готовили то, что было нужно на завтра, и расходились по своим келиям для молитвы и бдения до полуночи. Если должна была быть Литургия, то совершалась она после полуночи. Если же нет, то было чтение духовной

литературы. Нам, молодым, в этот час разрешалось посещать Старца, чтобы поведать ему свои помыслы и услышать его советы».

Надо сказать, что молитва была главным занятием членов братства. Ей посвящалось самое плодотворное время суток — первые ночные часы. Режим был построен следующим образом: все бытовые работы производились с утра до полудня. Потом служили вечерню по келиям. Каждый совершал ее самостоятельно по четкам. К этому добавлялось немного духовного чтения. Затем собирались на обед, или, как пишет о. Иосиф, «скорее, на ужин». Взяв благословение у Старца, все расходились по келиям для сна, так как предстояла ночь молитвы. Таким образом, братия ложилась отдыхать еще днем, во второй его половине. Незадолго до захода солнца они вставали, приготавливали то, что требовалось на следующий день, и снова расходились по келиям для бдения до полуночи.

Здесь, впрочем, необходимо сделать одну оговорку. На Афоне время отсчитывают по византийской традиции. Эта система очень удобна для монахов. А состоит она в следующем. Прежде всего, сутки начинаются с вечера. Это библейская традиция, которая утвердилась в христианской Церкви¹. Сутки делятся на две равные части — ночь и день — и начинаются с ночи, то есть с захода солнца, а заканчиваются днем, то есть тоже заходом солнца. Заход солнца является отправной точкой для исчисления времени. Прошло два часа после захода солнца — значит, сейчас два часа ночи. Независимо от времени года и астрономической долготы дня и ночи, день и ночь, как считается по этой системе, имеют 12 часов. К примеру, летом солнце по византийскому времени может вставать в восемь часов ночи, то есть через восемь часов после своего захода. А зимой — в два часа дня, то есть через 14 часов после захода.

Устав братства Старца Иосифа был очень строгим. По свидетельству учеников Старца, Великим постом с понедельника по пятницу в келиях устанавливалось правило молчания. Никто не имел права разговаривать, а нужное объяснялось знаками. Даже когда Старец посылал кого-либо из братии сходить по какой-нибудь нужде в монастырь или скит, то и там им не разрешалось промолвить даже сло-

¹ И был вечер, и было утро: день один (Быт. 1, 5). Не сказано, к примеру: «И было утро, и был вечер: день один», — как сказал бы современный человек, а наоборот. Вечер предваряет утро, потому что прежде света, который был сотворен в первый день, была тьма.

ва. Епитимия за преслушание составляла 200–300 земных поклонов. Однако вся внешняя строгость покрывалась удивительной любовью Старца, который по ночам, после исполнения братией келейного правила, принимал у них откровение помыслов и давал необходимые советы. Среди братии было двое иеромонахов, и Литургию они совершали каждый день: Старец Иосиф не мыслил себя без Литургии и причащался за каждой службой.

Место их жительства отличалось суровым климатом, и практически все братство заболело. Они были вынуждены переехать, и их очередным временным прибежищем стал Новый скит, который находится у самого моря и славится своим мягким микроклиматом. Там их ждали новые строительные работы. Там же Старец Иосиф и закончил свою земную жизнь — в день Успения Пресвятой Богородицы, Которая явила так много Своих заступлений на его жизненном пути и к Которой он питал удивительную любовь и благоговение. В Новом скиту Старец Иосиф был и похоронен. Теперь частицы его мощей, как еще не прославленного, но широко почитаемого на Афоне святого, находятся в разных монастырях Святой Горы¹.

Ученик же его, о. Ефрем, стал Старцем на келии Благовещения, также относившейся к Новому скиту. Впоследствии он перешел в монастырь Преподобного Филофея Афонского, в котором был избран игуменом. Ныне он живет в Соединенных Штатах, где ревностно проповедует слово Божие и уже открыл несколько монастырей, в которых является духовником. Братия Филофея принимают своего Старца на один месяц каждый год, когда он приезжает из-за океана. Монастырь их тогда наполняется монахами-святогорцами, которые приходят за советом и благословением о. Ефрема.

Настоящая публикация является переводом части сборника слов и писем Старца Ефрема, который братия обители Преподобного Филофея составила и издала под общим названием «Отеческие советы». Верю, что «Главы об умной молитве» прохладят читателя веянием тихого ветра (3 Царств 19, 12) подлинно святоотеческого предания, дадут ему глоток «живой воды» Святаго Духа, текущей в жизнь вечную (Ин. 4, 14).

¹ Много удивительного можно было бы еще рассказать о жизни старца Иосифа, по прозванию Исихаст, и его чудного братства. Для лучшего ознакомления с ней читателя можно отослать к изданным ранее книгам «Афонский исихаст», «Старец Иосиф Исихаст» (житие Старца) и «Изложение монашеского опыта» (сборник его писем).

ГЛАВЫ ОБ УМНОЙ МОЛИТВЕ

(Перевод с греческого священник Василий Петров)

1

Молитва — это главнейшая и мощнейшая сила, которая возрождает молящегося и дарует ему телесное и духовное здоровье.

2

Молитва — это очи и крылья нашей души. Она дает нам дерзновение и силу увидеть Бога.

3

Итак, молись, брате мой, устами, пока не просветит тебя Божественная благодать, чтобы ты молился сердцем. Тогда внутри тебя чудесным образом совершится праздник и торжество, и ты уже не будешь молиться устами, но со вниманием, которое действует в сердце.

4

Если ты действительно желаешь изгнать всякую антихристианскую мысль и очистить свой ум, то этого ты достигнешь только молитвой, поскольку так, как упорядочивает наши помыслы молитва, упорядочить их ничто не в силах.

5

Внемли: если ты ленив и невнимателен в молитве, то не достигнешь преуспения ни в верности Господу, ни в стяжании мира помыслов и спасения.

6

Имя Иисуса Христа, которое мы призываем в молитве, содержит в себе самобытийную и самодействующую силу. Не волнуйся из-за несовершенства и сухости твоей молитвы, но ожидай с терпением плода частого призывания Божественного имени.

7

Наши нравственные силы, когда руководятся молитвой, становятся сильнее всех искушений и побеждают их.

8

Частота молитвы превращается в привычку к молитве, которая не замедляет стать второй природой и часто приводит ум и сердце в высшее духовное состояние. Частота в молитве — это единственный способ достижения высот истинной и чистой молитвы. Частота является лучшим способом подготовки к молитве и безопаснейшим путем достижения конца молитвы и спасения.

9

Каждый из нас может стяжать внутреннюю молитву — средство общения с Господом. Она даруется бесплатно, необходимо только старание, чтобы погрузиться в пучину молчания и глубину сердечную, а также забота о насколько только возможном частом призывании имени Сладчайшего Иисуса Христа, которое наполняет человека радованием. Погружение в самих себя и исследование нашего внутреннего мира даруют нам возможность познать, что это за тайна — человек, — почувствовать радость самопознания и пролить горькие слезы покаяния о своем падении и о немощи нашей воли.

10

Вся твоя душа да прилепится с любовью к мыслям, которые заложены в молитве, чтобы ум, сокровенное слово¹ и твоя воля — эти три составляющие души — стали едины, и единое трем, потому что таким образом человек, являющийся образом Святой Троицы, приходит в общение и соединяется со своим Первообразом, как сказал великий делатель и учитель умной молитвы божественный Григорий Палама Фессалоникийский: «Когда единое ума станет троичным, оставаясь единым, тогда соединяется с богоначальной триединой Единицей, исключая вход любой прелести и становясь превыше плоти, мира и миродержца».

11

Цель молитвы заключается в том, чтобы соединить Бога и человека, чтобы привести Христа в человеческое сердце.

¹ Ενδι)αψετοθ λ)ογοθ

12

Где действие молитвы, там Христос с Отцом и Святым Духом, единосущная и нераздельная Святая Троица.

13

Где Христос — Свет мира, — там вечный свет иного мира, там мир и радость, там Ангелы и святые, там веселие Царства.

14

Блаженны те, кои оделись в Свет мира — Христа — в настоящей жизни, потому что они уже надели одежду нетления.

15

Итак, цель умной молитвы — привести Христа в сердце человека, изгоняя оттуда диавола и разрушая все его дело, которое он совершил благодаря греху. Потому что *для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола* (1 Ин. 3, 8), как говорит возлюбленный ученик. И потому только диавол знает невыразимую силу этих пяти слов и с бешеной яростью ополчается и воюет против этой молитвы.

16

Бесчисленное множество раз демоны устами бесноватых исповедали, что действие молитвы их пожигает.

17

Поскольку Христос — это Свет мира, то те, кто не видят Его, не веруют в Него, все они, конечно же, слепы. И напротив, идут к свету те, кто подвизается исполнить заповеди Христовы. Они исповедуют Христа, поклоняются Ему как Богу и служат Ему. И тот, кто исповедует Христа своим Господом и Богом, тот, благодаря силе призывания Его имени, укрепляется в исполнении Его воли. Если же не укрепляется, то явно, что он исповедует Христа только устами, а сердцем далек от Него.

18

Молитва насколько единит нас со Христом, настолько отделяет нас от диавола. И отделяет нас не только от диавола, но и от мудрования мира, которое рождает и сохраняет страсти.

19

Сатана молитвы есть леность. Сатана сатаны — желание молитвы, горение сердца. *Духом пламенейте*, — говорит апостол, — *Господу*

служите (Рим. 12, 11). Это горение притягивает и удерживает в молящемся благодать и становится в нем светом, радостью и утешением неизглаголенным, для демонов же огнем, горечью и изгнанием. Благодать эта, пришедши, собирает ум от блуждания и услаждает его поминанием Бога, исцеляя его от всех лукавых и нечистых помыслов.

20

В устах молитва? Там и благодать. Но из уст она должна пройти в ум, опуститься в сердце. Для этого требуется много труда и времени.

21

Язык должен утрудиться, расплачиваясь за все свое пустословие и все падения, чтобы родилась привычка, потому что без труда и подвига привычка не рождается. Должно проявиться смирение, чтобы пришла благодать, потом открывается путь. Молитва прилепляется к дыханию, а ум пробуждается и следит за ней. Со временем ослабевают страсти, умиряются помыслы и утихает сердце.

22

Не изнемогай, сколько бы раз ты ни возвращал убежавший ум. Бог увидит твоё расположение и труд и пошлет Свою благодать, которая соберет ум. Когда присутствует благодать, тогда все делается с радостью и без труда.

23

С молитвой мы идем от одной радости к другой. Без молитвы — от падения к падению, от скорби к скорби; и тяжело обличение совести. Кратко сказать, за небольшой труд и боль в молитве мы получаем много радостотворной печали, умиления, слез и сладости присутствия Божия, чистейшего Его страха, который очищает ум и сердце и делает их непорочными.

24

Необходимо очиститься сердцу, чтобы от него просветился ум чистыми небесными помыслами, которые отражаются в нем.

25

Как невозможно не преткнуться идущему в ночи, так невозможно не грешить еще не видевшему Божественный свет.

26

В Царство Божие входят не нераскаянные, а грешники, преображенные покаянием и слезами. Ничто так не помогает человеку бороться со страстями и побеждать их, как непрестанная умная молитва.

27

Во время искушения ленью, когда ослабевает ум, язык и пальцы на четках, я прошу твою любовь: не отступай. Приложи еще немного усилия, чтобы Бог увидел твоё произволение и укрепил тебя. Бог чего-то еще желает от тебя и оставляет этот час искушения для твоей пользы, потому что знает и ты знаешь, что ты это можешь.

28

Временами случается, что без повода с твоей стороны благодать умаляется. Бог как бы желает тебе сказать: «Все хорошо с твоей стороны, но не думай, что все зависит от тебя. Я прихожу и ухожу тогда, когда пожелаю. Я научу тебя совершенному отсечению своей воли и терпению, чтобы ты хорошенько выучил урок смирения».

29

Посему в назначенный час понуждай себя, сколько можешь, исполняй свой долг, чтобы Бог был твоим должником. И если ты не получишь благодати, то приготовишь себя к следующему или последующему разу. Во всяком случае, рано или поздно, но ты ее получишь, и не можешь не получить. Более того, у Бога есть обычай, отлагая, позже давать гораздо большее.

30

Поле сердца воздает плод в зависимости от вспахивания молитвой, орошения слезами и прополки помыслов.

31

Преуспевшие в молитве несомненно знают только одно: что, независимо от труда человека, молитва — это дело благодати.

32

Святой Симеон ясно говорит, что никто не может сам славословить Бога, но благодать Христова, поселившаяся в нем, славословит, воспевает Бога и творит в нем молитву.

33

Знаком посещения души благодатью Божией является молитва со страхом и благоговением, стояние на ней с благоприличием и великим вниманием к молитве.

34

Внимание настолько должно быть связано с молитвой и неразлучно с ней, как связана и неразлучна с телом душа.

35

Ум во время молитвы должен хранить сердце и ограждать его изнутри и из глубины сердечной воссылать молитвы Богу, непрерывно говоря: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». И когда там, внутри сердца, ум вкусит и познает, что благ Господь, и усладится, то не захочет более он удаляться от сердечного места, говоря вместе с апостолом Петром: *хорошо нам здесь быть* (Мф. 17, 4). И он оградит сердце, отталкивая неким образом и изгоняя все помышления, которые сеются внутри диаволом, не оставляя никакого помышления сего мира, но становясь нищим духом, нищим от всякого мирского помысла.

36

Это делание для тех, кто его не познал, кажется очень трудным и скучным. Но вкусившие сладость, заключающуюся в этом делании, и насладившиеся сладостью в глубине своего сердца, кричат вместе с божественным Павлом: *Кто отлучит нас от любви Христовой?* (ср.: Рим. 8, 35).

37

Итак, наши Святые Отцы, слыша Господа, Который говорит, что от сердца исходят помыслы, оскверняющие человека¹, и снова, что мы должны очистить внутреннее сосуда, чтобы и внешнее стало чисто², оставили всякое другое духовное делание и целиком предались этому деланию, то есть хранению сердца, будучи уверенными, что вместе с этим деланием они легко приобретут и любую другую добродетель.

¹ См.: Мф. 15, 19.

² См.: Мф. 23, 26.

38

Святой и богоносный Симеон Новый Богослов говорит: «Очистим свои сердца, чтобы найти в них везде присутствующего Господа. Очистим свои сердца огнем Его благодати, чтобы увидеть внутри себя свет и славу Его Божества».

39

Блаженны те, кои приблизились к Божественному Свету, вошли в него, соединились со Светом и все стали Свет, потому что они совершенно совлеклись оскверненной одежды греха и уже не будут плакать горькими слезами.

40

Блаженны те, которые еще здесь познали Свет Господень, как Его Самого, потому что они предстанут перед Ним в будущей жизни с дерзновением.

41

Блаженны те, кто принял Христа, Который пришел к ним как Свет. Раньше они были во тьме, а теперь стали сынами Света и Невечернего Дня.

42

Поистине ничего нет, подобного дыханию молитвы, непрестанной умной молитвы.

43

Святой Григорий Палама говорит, что молитва, действующая при вдохе и выдохе, со временем исходит из ноздрей молящегося как сладкое дуновение благодати, аромат благоухания духовного, запах жизни в жизнь¹, по великому Павлу.

44

Итак, смотри: молитва дарует благодать не только молящемуся, но, переливаясь через край, разливается, передается через него творению. Когда он вдыхает, то очищается, оживотворяется, освящается сам. Когда он выдыхает, то не сам он, а Божественная благодать очищает, оживотворяет и освящает творение.

¹ Ср.: Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь (2 Кор. 2, 15–16).

45

В эти последние дни, когда дыхание антихриста оскверняет землю, море и все дыхание жизни, Бог раздувает в груди и в сердце Церкви действие умной молитвы, как освежающую росу благодати, как дуновение ветерка у пророка Илии, как противоядие, обеспечивающее душевное и телесное здоровье во дни грядущие и еще имеющие прийти.

46

Я знаю тысячи душ в миру, я бы сказал, во всем мире, которые понуждают себя на молитву, и это приносит чудесные плоды. Молитва укрепляет их в духовном подвиге, она просвещает их внутри, и они исповедуются глубоко, искренне и, огорченные своими помыслами и искушениями, которые поднимает молитва со дна души, с желанием прибегают к Пречистым Таинам. И снова на борьбу с помыслами и страстями, и снова к Таинам. И они не могут более жить без молитвы.

47

Молитва — это дыхание. Когда человек дышит, то он живет, заботится о своей жизни. Начинаящий молитву начинает исправлять всю свою жизнь под руководством своего духовного отца. И как солнце, восходя, пробуждает, освещает, оживотворяет творение, так и Солнце Правды, Христос, через молитву восходя в уме и в сердце человека, пробуждает его для дел света и невечернего дня.

48

Итак, братия, начальник подвижников великий Антоний говорил: «Всегда дышите Христом». И апостол языков, назидая, просит и заповедует христианам всех времен — всем и повсюду: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). «Непрестанно же не имеет ни предела, ни меры», — толкуют божественные Отцы.

Итак, во время мира не предавайся небрежению, но молись, исправляйся, готовься к войне, набирайся мужества. Не бойся искушений. Все подвержены изменениям, но подвиг требует терпения и настойчивости. Праведный, если и тысячу раз в день падет, восстает снова, и вменяется ему это в победу. Это и означает молитва: постоянное покаяние, непрерывное призывание Божественной милости.

Дающему же молитву молящемуся — Христу Богу нашему — слава и благодарение во веки. Аминь.

ПРОПОВЕДИ О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ

(Перевод с латинского А. Король)

ПРОПОВЕДЬ ТРЕТЬЯ¹ О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ

1. Возлюбленные! Среди всех деяний Божественного милосердия, которые от начала совершены для спасения смертных, нет ничего более удивительного и возвышенного, чем то, что Христос был распят за мир. Этому таинству послужили все мистерии прошедших времен и все, что в различных образах: будь то в различении жертвенных животных, в пророческих знамениях или же в установлениях закона ни представило священное промышление, это таинство возвестило как уготованное, обещало, как надлежащее исполниться, чтобы теперь, когда прошло время прообразов, то, что прежде помогало поверить в предстоящее², способствовало вере в уже совершившееся.

Итак, возлюбленные, обо всем, что касается страдания Господа нашего Иисуса Христа, католическая вера передает³ и наставляет

¹ Начало см. в №1.

² Святой Лев не делает различия между верой праотцев, ожидавших пришествие Христа, и тех, уверовавших в Него после Его пришествия. В De Passione XII, 2 он пишет: «Это определение милосердия и правды Божией, хотя в прошлом и было сокрыто под неким покровом, однако не было столь недоступно для святых, которые от начала до пришествия Христа прославились своей жизнью: спасение, грядущее во Христе, было обещано посредством пророческих речей и прообразов происшедших событий. Спаслись не только те, кто пророчествовал, но также и те, кто поверил пророкам, ибо одна вера оправдывает святых всех времен и к той же надежде верных относится все, что исповедуем мы с помощью посредника Бога и человека человека Иисуса Христа, либо почитали, как предстоящее наши отцы» (Col. 354). Эту же мысль он развивает и в In Nativitate III, 4: «Это таинство великого благочестия, которым исполнился весь мир, даже в знамениях было столь действенным, что те, кто верили этому обетованию, приобщились к нему не менее, чем те, кто принял дар» (PL LIV. Col. 202).

³ Церковь, по мнению святого Льва, выступает как непогрешимый орган, который сохраняет Божественное учение и передает его, не имея право на изменение Предания. См. SC Vol. 74. Paris, 1961. P. 31. Прим. 1.

в том, чтобы мы познали объединение двух природ в нашем Искупителе, а также единство обеих сущностей, происшедшее при сохранении свойств каждой. А именно с того времени, какое требовала польза человеческого рода, когда в утробе блаженной Девы «Слово стало плотью»¹, ни Бог не был без того, что надлежит представлять свойственным человеку, ни человек — без того, что свойственно Богу. Обе природы выражают свою истинность отдельными действиями, но ни одна не отделялась от единства с другой. В Нем действует и то и другое²: во всем величии является смирение, во всем смирении — величие; единство не вносит слияния, а своеобразие не нарушает единства³. Одно подвержено страданию, другое — неуязвимо, и, однако, тому принадлежит уничижение, Кому и слава. Сам являет Себя в немощи Тот, Кто пребывает в могуществе; Он является пленником смерти и Он же победителем смерти. Поэтому Бог воспринял всего человека и по причине милосердия и могущества

¹ Ин. 1, 14.

² «Nihil ibi ab invicem vacat», — святой Иларий Пиктавийский употребляет подобную формулу, когда говорит о взаимоотношениях между ипостасями Святой Троицы: «Во взаимопроникновении они образуют единое (Unum sunt, qui invicem sunt). Они взаимопроникают друг в друга (invicem), поскольку один происходит от другого, ибо один посредством происхождения дает другому свое, а тот посредством рождения получает от него то, что принадлежит ему» (De Trinitate. PL X. Col. 227). Отец и Сын имеют единую общую природу, в Боговоплощении же божественная и человеческая природы имеют общую ипостась Бога Слова. С одной стороны, обе ипостаси, объединяемые общей природой, находятся во взаимопроникновении, с другой — обе природы, принадлежа единой ипостаси, пребывают в общении свойств. Для выражения подобного рода взаимодействия западные авторы использовали термин «invicem», что в данном контексте имеет значение, аналогичное используемому в восточном богословии термину «περιχρησιθ» — взаимопроникновение. Например: «Ибо они нераздельны и неразлучны друг от друга, находясь в неслитном взаимопроникновении по отношению друг ко другу» (διστατοι γ99αρ α ται κα(ι νεκφοιτητοι λήλλων ε σθιν, σ000000υγχυτον 2εχουσαι τ9ην ν λήλλαιθ περιχρησιν. См. (Преподобный Иоанн Дамаскин. Четыре книги о православной вере) и «неизреченным образом взаимопроникновения природ Христа друг в друга (τ3 πορροη-τ3ω τ3 τρ π3ω τ θ ε θ λήλλαθ τ ν Χριστο φουσεων περιχωρησεωθ.. См. Преподобный Максим Исповедник. Спор с Пирром. Цит. по: G W. H. Lampe D. D. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1972. P. 1077–1078. См. также: SC Vol. 74. P. 31. Прим. 2.

³ Совершенное единство двух природ в единой ипостаси реализуется в так называемом «communio idiomatum» (общении свойств), а именно: особенности природ сохраняются, не смешиваясь в ипостасном единстве. Ипостась Бога Слова реализует одновременно свойства и той и другой природы, которыми обладает, причем обе природы сохраняют свои особенности. См.: SC Vol. 74. P. 31, прим. 3.

так объединил Себя с ним, а его с Собой, что обе природы присутствуют друг в друге, и ни одна не перешла в другую, лишившись собственного своеобразия¹.

2. Но так как домостроительство таинства, устроенного для нашего обновления прежде всех веков, совершалось при объединении человеческой немощи и божественного могущества: и тот и другой образ действует при общении свойств и той и другой природы², а именно: в то время как Слово совершает то, что свойственно Слову, плоть также следует тому, что свойственно плоти. Одно из них поражает чудесами, другое подвергается несправедливостям³. То не отступает от равенства отеческой славы, это не оставляет родственную нам природу. Однако даже само восприятие страданий не было столь подвержено немощи нашего уничтожения, чтобы отделиться от силы Божества. Какое бы бесчестие или мучение ни причинило Господу неистовство нечестивцев, оно не переносилось в силу неизбежности, а воспринято добровольно. «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»⁴; и в Искуплении так обратил злобу преследователей, что даже Его убийцы могли бы спастись, если бы уверовали в таинство Его смерти и воскресения.

3. Поэтому, ты, Иуда, которого покаяние не призвало ко Господу, а отчаяние привлекло к петле, окончил жизнь преступнее и несчастнее всех. Понадеялся бы ты на уничтожение твоей вины, и пока кровь Христа изливалась за всех грешников, отказался бы ты, скверный, от самоубийства. Когда б столь многочисленные чудеса и дары Господни обратили твою совесть, во всяком случае, отозвали бы тебя от твоей пропасти те таинства, которые ты принял на Пасхальной трапезе,

¹ См. об этом также: De Passione XI, 1. Col. 349–350; De Passione XIV, 1. Col. 361–362.

² См.: Томос Папы Льва к Флавиану: «Agit emm utraque forma cum alterius communiōe quod proprium est» (Ad Flavianum. PL LXII. Col. 505). Это высказывание цитирует преподобный Иоанн Дамаскин: «Действует и тот и другой образ при общении свойств между собой» (Θεμερευεῖ γῆγορ ἕκ τερα μορφῆ μετ(α τ θ ψατθερου κοινωνιαθ. Пер(ι _νερευεῖ ν τ ν _ν τ3 Κυρθιφω *ημ ν Ἰησο Χριστφ κατθα Μονοφυσит ν // Ἐκδοσιθ κριβ(ηθ τ θ ρψοδοξου ποιστεωθ. Ἔργα. ΕΠΕ Ψεσσαλονικη, 1976. S. 374. См. также: Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. Ростов-на-Дону, 1992 (репринт). Прим. к третьей книге 67, 365; а также Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992. С. 229.

³ См. Томос Папы Льва к Флавиану: «Unum horum coruscet miraculis, almd succumbit injurns» (Ad Flavianum. Col. 505). Это место также цитирует преподобный Иоанн Дамаскин: «Одно сияет чудесами, а другое подвергается уничтожению» (Τρο μεν διαλοαμλει ψαθυμασι, τρο δεε ταιθ βρεσιν *υτεлт кев). Перθι τ ν δθου φθυσεων κατθα Μονοφυσит ν // Ιβιδ. S. 294.

⁴ Лк. 19, 10.

уже разоблаченный знаком Божественного предвидения. Почему ты сомневаешься в благости Того, Кто не отринул тебя от общения Своего Тела и Крови, Кто не отверг поцелуя мира, когда ты с толпами и когортой вооруженных воинов шел на пленение Его? Но ты, человек, неспособный к покаянию, «дыхание, которое уходит и не возвращается»¹, последовал неистовству своего сердца, и поскольку диавол стал одесную тебя², злодеяние, которое ты готовил против жизни всех святых, обратил ты на свою голову, чтобы твое нечестие имело тебя судьей, твое наказание открыло тебя как изверга³, ибо преступление твое превзошло всякую меру.

4. Итак, когда явился Бог, во Христе примиривший с Собой мир⁴ и творение, восстанавливаемое по образу своего Создателя, действовал Сам Творец. После совершения Божественных чудес, о которых некогда предсказал пророческий дух: «Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся, тогда хромым вскочит, как олень, и язык немому будет петь»⁵, Иисус, зная, что наступает уже час исполнения славного страдания, говорит: «Душа Моя скорбит смертельно⁶, — и еще, — Отче! если возможно, да минует меня чаша сия»⁷. Выразив такими словами некий страх, Он, разделив нашу немощь, выказывал заботу, и, придя на помощь, упразднил страх перед мучительным испытанием. Итак, Господь содрогался в нас от нашего страха, чтобы восполнить нашу немощь и покрыть наше непостоянство крепостью Своего могущества⁸. Ибо в этот мир с небес пришел

¹ Пс. 77, 39.

² Ср. Пс. 108, 6: ...и диавол да станет одесную Его.

³ Об этом же он пишет и в *De Passione* I, 5: «И тебя, Иуда, не обошло бы стороной врачевание, если бы ты прибег к тому покаянию, которое призвало бы тебя ко Христу, а не к тому, что побуждало к петле» (*Col.* 316). См. также: *De Passione* VII, 3. *Col.* 333–334, *De Passione* XI, 4. *Col.* 351–352, *De Passione* XVI, 4. *Col.* 370–371.

⁴ Ср. II Кор.: Бог во Христе примирил с Собою мир...

⁵ Ис. 35, 5–6.

⁶ Мф. 26, 38

⁷ Мф. 26, 39.

⁸ Святой Амвросий пишет: «Он меньше помог бы мне, если бы не воспринял мой страх... Он принял Мою скорбь, чтобы я изобиловал радостью. Надлежало Ему воспринять страдание, чтобы одолеть скорбь» (*Expositio Evangelii secundum Lucam*. PL XV. *Col.* 1817). Об этом же см.: *De Passione* VII, 4. *Col.* 334–336; *De Passione* XIII, 4. *Col.* 360–361; *De Passione* XIV, 2. *Col.* 362; *De Passione* XV, 4. *Col.* 367. Эту же тему развивает и Святитель Афанасий Великий: «Его страдание является бесстрашием для нас, и смерть Его — бессмертием для нас, и плач Его — радостью для нас, и погребение Его — бессмертием для нас, и крещение Его — освящением для нас: «Ибо ради них Я освящаю Себя, говорит Он, чтобы и они были освящены в истине». И рана Его врачевание для нас: «ибо раной Его мы исцелены». (Περὶ τῆς ὑποστάσεως τοῦ Πνεύματος ἁγίου, καὶ τῆς καθάρσεως Ἀρετῶν v. ᾠ. 292–294).

богатый и милосердный купец, и, посредством удивительного превращения, произошел спасительный торг: Он, принял наше и даровал нам свое. Вместо уничтожения — честь, вместо скорбей — спасение, вместо смерти — жизнь; и Тот, Кому для изгнания преследователей могли служить более чем двенадцать тысяч ангельских легионов¹, предпочел пережить наш страх, чем проявить Свое могущество².

5. Однако, то, что от такого смирения могло обратиться на всех верующих, первым испытал блаженнейший апостол Петр, который, будучи приведен в замешательство сильным натиском свирепости, претерпел скорую перемену, чтобы внезапно вострепетавший член возвратился к стойкости своей главы, исцелившись для укрепления примером. Ибо не может быть раб больше своего господина и ученик — больше учителя³, так как он не победил бы страх человеческой немощи, если бы Победитель смерти не претерпел страх. Господь посмотрел на Петра⁴ и, находясь среди клеветы священников, среди лжи свидетелей, среди несправедливых избиений и оплеваний, с таким взглядом обратился к смятенному ученику, с которым предсказал его смятение, и взор истины проник в него тогда, когда была

¹ Ср. Мф. 26, 53: Или ты думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего Небесного, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов? Здесь приводится другая версия текста: «Plus quam duodecim milia legiones angelorum». Об этом разночтении см.: SC Vol. 74. P. 34. Прим. 1; а также *Biblia Sacra juxta Vulgatam Versionem*. Stuttgart, 1994. P. 1569. Прим. к с. 53. Эта же версия текста приводится и у таких Отцов Церкви, как Блаженный Августин, *De spiritu et littera*. PL LIV. Col. 201, 241; Святой Иллариус Пиктавийский, *De Trinitate*. PL X. Col. 376. *Tractatus super Psalmos*. PL IX. Col. 337, 350.

² Это высказывание сопоставимо с мыслью Блаженного Августина: «Можем ли мы верно понимать страх у Христа перед предстоящим страданием, ради которого Он пришел? Неужели, когда настало то, ради чего Он пришел, Он убоился смерти? Однако, Он поскольку соблаговолил принять образ раба и, будучи в нем, облачить нас в Себя, то поэтому, Тот, Кто не счел недостойным принять нас в Себя, не счел недостойным и преобразить нас в Себе, и говорить нашими словами, чтобы и мы говорили Его словами. Ибо совершилось чудесное изменение, и при помощи Божественного торга небесный купец все изменил в этом мире пришел, чтобы принять уничтожения и дать почести, пришел, чтобы претерпеть страдание и дать спасение, пришел, чтобы умереть и дать жизнь Желаящий умереть, поскольку обладал нашим, не о Себе, но о нас боялся. *Enarationes in Psalmos*. PL XXXVI. Col. 230. Об этом так же см. *Tractatus de Passione Domini 1*: Наконец посредством взаимного приобщения Он совершил с нами удивительный торг: наше было то, от чего Он умер, а Его то, от чего мы будем жить. SC Paris, 1966, 116. P. 202.

³ Ср. Ин. 15, 20: Раб не больше Господина своего. Мф. 10, 24: Ученик не больше учителя, и слуга не выше господина своего.

⁴ Ср. Лк. 22, 61: Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра.

необходимость в исправлении сердца; там словно прозвучал некий голос Господа: «Куда уходишь, Петр? Почему уходишь в себя¹? Обратись ко Мне! Уверуй в Меня! Следуй за Мной!² Это — время Моего страдания, не пришел еще час твоей казни! Что же ты испугался того, что сам преодолеешь? Да не смущает тебя немощ, которую Я воспринял! Я позаботился о тебе, и ты будь спокоен обо Мне!»

А когда наступило утро, все первосвященники и старейшины народа начали совет против Иисуса, чтобы предать Его смерти³. Этим утром для вас, иудеи, не рассвет наступил, а закат, не солнечный день настал для ваших глаз, а ночь ужасного омрачения опустилась для вашего нечестивого разума. Этим утром Он разрушил у вас храм и алтари, отнял закон и пророков, упразднил царскую власть и священство, обратил вам все праздники в нескончаемый плач. Ибо, вы, быки тучные, тельцов множество, звери, псы бешеные⁴ начали безумный и кровавый совет, чтобы предать смерти Создателя жизни и Господа славы. И как должно было б ослабеть ваше неистовство, если бы вы исполнили волю управляющего вашей провинцией; вы отвели связанного Иисуса, чтобы, преодолев злыми воплями заботливого поручителя, избрать убийцу людей для помилования, а Спасителя мира потребовать для наказания. После этого осуждения Христа, совершенного, скорее слабостью, чем властью прокуратора Пилата, который, омыв руки и осквернив лицо, теми же устами послал Иисуса на распятие, которыми объявил о Его невиновности, разнузданная чернь нанесла множество бесчестий Господу, и неистовая толпа свирепствовала против Его кротости, Которая добровольно терпела это.

Возлюбленные, так как есть еще многое, что обстоятельно обозрела бы наша сегодняшняя речь, то остальное пусть будет отложено на среду, когда будет продолжено чтение о страдании Господа. Ибо Бог по вашим молитвам дарует, чтобы я исполнил обещанное, через Господа нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует во веки веков. Аминь.

¹ Существует иной вариант текста: «*Quid habes, Petre? Quid in tuam conscientiam recedis?* (Что с тобой Петр? Почему погружаешься в мучения своей совести?)», а также следующий: «*Quid intus recedis?* Почему уходишь в себя?» PL XLIV. Col. 322, (i).

² Ср. Ин. 21, 22: Ты иди за Мною.

³ Ср. Мф. 27, 1: Когда же наступило утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти.

⁴ Ср. Пс. 21, 13: Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня. Пс. 21, 17: Ибо псы окружили меня; Скопище злых обступило меня.

ПРОПОВЕДЬ ЧЕТВЕРТАЯ О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ

Пропов
еди о
Страстя
х
Господ
них

1. Возлюбленные, по вашим молитвам Господь щедро воздаст вашему ожиданию, чтобы Тот соделал меня готовым к изъяснению, Кто и вас — внимательными к истолкованию. Рассуждая в предыдущей речи о страдании Господа, мы дошли до того места священной истории, в котором повествуется, что Пилат уступил нечестивым воплям иудеев о том, чтобы Иисус был распят. Итак, когда было совершено все, что попустило Божество, соединившееся¹ с завесой² плоти, Иисус Христос, Сын Божий, был пригвожден ко кресту, который нес Сам, с двумя разбойниками, распятыми подобным образом: один по правую, а другой по левую сторону, дабы самым образом распятия показать, как Он разделит человечество на Своем суде, ибо вера обратившегося разбойника выражает образ спасаемых, а нечестие хулителя предвещает образ осужденных. Страдание Господне содержит таинство нашего спасения, и из того, что нечестивые иудеи готовили для наказания, всемогущий Искупитель соделал путь к славе³: ради всеобщего спасения Господь Иисус так воспринял его, что, будучи распятым, молился милостивому Отцу о Своих убийцах: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают»⁴.

2. Однако первосвященники, о помиловании которых ходатайствовал Спаситель, отягощали крестную казнь насмешками и, Кому уже не могли нанести вреда, в Того метали словесные копья, говоря:

¹ См. De Nativitate I, 2: «Для уплаты нашего долга неуязвимая природа объединилась со страдающей природой, и истинный Бог сочетался (temperatur) с истинным человеком в единстве Господа» (Col. 192).

² Divinitas fieri carnis velamine temperate permisit. Термин «velamen» употребляется по отношению к человеческой природе Христа. См.: De Nativitate II, 4: «Всемогущий Спаситель так устроил начало восприятия человеческой природы, что скрыл под завесой нашей немощи (per velamen nostrae infirmitatis) силу Божества, неотделимого от Своего человечества» (Col. 197), а также De Nativitate V, 2: «Ради нашей немощи... Он скрыл телесным покровом (velamine corporea) блеск Своего величия, которого не может вынести человеческий взор» (Col. 209).

³ Подобные рассуждения встречаются и в De Passione VIII, 4: «Когда Господь нес крест, который превратил в жезл могущества, перед глазами нечестивцем это было великим посмеянием, но благочестивым взорам явилось как великое таинство, ибо славнейший Победитель диавола и могущественнейший покоритель вражьей силы величественно носил знак Своего триумфа и на руках непобедимого терпения принес знак спасения, почитаемый всеми царствами» (Col. 339–340).

⁴ Лк. 23, 34.

«Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него»¹. Из какого источника заблуждения, из какого родника зависти, вы, иудеи, испили такой яд хулы? Какой учитель наставил вас? Какое учение убедило, что вам надлежит верить в того Царя Израильского, который либо избежал бы распятия, либо сошел бы со креста? Не предвещали вам того ни таинственный закон, ни празднование Пасхального таинства, ни какие-либо пророки, но на самом деле вы весьма часто читали о том, что относится к вашему проклятому нечестию и к добровольному страданию Господа. Ибо Он Сам говорил через пророка Исаию: «Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим, лица Моего не отвратил от поруганий и оплеваний»². Сам пророк Давид говорит: «Дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом»³. И еще: «Обступило Меня псов множество, скопище неправедных окружило Меня. Пронзили руки Мои и ноги Мои, исчислили все кости Мои. А они смотрели и наблюдали за Мной, разделили ризы Мои между собой и об одежде Моей бросали жребий»⁴. И чтобы вовсе не казалось, что ваше преступление имеет основание в пророчествах, не предсказано ни о какой силе Распятого, ведь вы не читали: «Господь сошел со креста, — но напротив, — Господь царствовал со креста»⁵.

3. Крест Христов содержит в себе таинство истинного и предвозвещенного жертвенника, на котором как спасительная жертва приносится человеческая природа, где кровь Агнца уничтожает последствия древнего вероломства⁶, где было разрушено все враждебное диавольское владычество и победоносное смирение праздновало из-

¹ Мф. 27, 42.

² Ис. 50, 6

³ Пс. 68, 22.

⁴ Ср. Пс. 21, 17–19: Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило Меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесать все кости мои, а они смотрят и делают из меня зрелище. Делят ризы мои между собой и об одежде моей бросают жребий. Текст, цитируемый святым Львом Великим, соответствует тексту Септуагинты: « τὶ ἔκδοκλῶσθαι με κύνες πολλοὶ συναγωγῆ πονηρῶν περιεσχόν με, ῥῆξαν χεῖρας μου καὶ πόδας ».

⁵ См.: Пс. 95, 10: Господь царствует. Этот текст соответствует римской версии Псалтири, берущей за образец литургические песнопения праздника Креста Господня. См. SC. Vol. 74. P. 38. Прим. 2.

⁶ См.: De Nativitate II, 4: «Уничтожается злостное рукописание смертоносного соглашения» (Col. 197).

гнание гордости. Ибо столь быстрым было действие веры, что тот из распятых со Христом, кто исповедал Христа Сыном Божиим, вошел в рай оправданным. Кто изъяснит таинство великого дара? Кто истолкует столь сильное и удивительное обращение? За короткое время уничтожается вина долголетних преступлений. Вися на кресте среди ужасных мучений терзающейся души, он обращается ко Христу, и кому собственное нечестие причинило страдание, тому Христос даровал венец¹.

4. Тогда, вкусив уксус, произведенный лозой, покинувшей насаждение своего Творца и превратившейся в горечь чуждого виноградника², Господь сказал: «Свершилось³. Действительно: исполнились Писания, нет большего, чего бы Я ни ожидал от безумия неистовствующего народа. Я перенес все страдания, о которых предсказал. Совершены таинства немощи, пусть явятся подтверждения могущества». И, преклонив главу, скончался⁴ и попустил почить телу, которое воскреснет в третий день. Когда Творец жизни предал Себя этому таинству, и весь мир был поражен таким смирением Божественного величия, когда все творение своим смятением осудило ваше злодеяние, и сами стихии мира вынесли приговор против виновных, что было у вас в душе? Какова была ваша совесть? Терзало ли тогда и вас осуждение вселенной? И, совершив преступление, опомнилось ли ваше нечестие? Охватило ли вас хоть какое-то смятение? Страдало ли ваше сердце?

5. Итак, возлюбленные, поскольку так велико милосердие Божие, что даже из такого народа Он благоволил многих оправдать посредством веры, а нас, словно погибавших во мраке ночи древнего неведения, приобщил к Патриархам и к уделу избранного рода, то не с ленью и медлительностью устремимся к высоте нашей надежды, но благоразумно и добросовестно помышляя: из какого плена и жалкого рабства, и какой ценой искуплены⁵, какой рукой⁶ мы выведены, про-

¹ См. об этом также: De Passione II, 2. Col. 317–318.

² См.: Иерем, 2, 21: Насадил тебя как благородную лозу, — самое чистое семя. Как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы? См. также: Мф. 21, 33–41 (притча о винограднике). Об этом пишет также и блаженный Августин в «Толковании на Евангелие от Матфея»: «Сами иудеи были уксусом, выродившись из виноградуника Патриархов и пророков» (См. PL XXXV. Col. 1951).

³ Ин. 19, 30.

⁴ Ин. 19, 30. И, преклонив главу, предал дух.

⁵ См. 1 Кор. 6, 20: Ибо вы куплены дорогой ценой.

⁶ См. Втор. 5, 15: Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою.

славим Бога в теле нашем¹ и нашей благочестивой жизнью покажем, что Он пребывает в нас. А поскольку из добродетелей нет ничего предпочтительней, чем благочестивое милосердие и непорочное целомудрие, то я назидая преимущественно ими, чтобы мы, словно вознесенные на обоих крыльях действием благодати и сиянием целомудрия, удостоились из земных преобразиться в небесных². Всякий, кто исполняется таким стремлением и, получив помощь от Господа, хвалится относительно своего преуспеяния о Господе³, а не о себе, тот по закону чествует Пасхальное таинство. В его дом, обозначенный кровью Агнца и знаком креста, не входит ангел опустошитель. Он не боится египетских казней и спасается теми водами, от которых погибли его враги⁴. Охватим же, возлюбленные, чистым умом и телом удивительное таинство нашего спасения и, очистившись от всякой закваски древней злобы⁵, будем праздновать Пасху Господню с достойным почтением, чтобы под водительством Святого Духа никакими искушениями не удаляться от любви Христа⁶, Который, примирив всех Своей кровью⁷, вознесся до высоты отеческой славы и не оставил Своих смиренных служителей. Ему же честь и слава во веки веков. Аминь.

Пропов
еди о
Страстя
х
Господ
них

ПРОПОВЕДЬ ПЯТАЯ О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ

1. Господь и Творец всего, Христос, после неизреченного рождения от Святой Девы, после поклонения волхвов перед колыбелью, после многократных поучений небесным словом и многочисленных исцелений, совершенных властью всемогущего Слова, спасительным страданием завершил домостроительство всех таинств и добродетелей. Поэтому, возлюбленные, истинным основанием и причиной

¹ 1 Кор. 6, 20.

² 1 Кор. 15, 49: И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного.

³ Ср. 2 Кор. 10, 17: Хвалящийся хвалится о Господе.

⁴ В De Passione IX, 3 святой Лев дает подобную интерпретацию библейского повествования о потопе: «Ныне потоп и Ноев ковчег открывают, какое обновление в крещении, и какое спасение в древе» (Col. 344).

⁵ См. 1 Кор. 5, 7: Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам с новым тестом, так как вы безквасны.

⁶ См. Рим. 8, 35: Quis separabit nos a caritate Christi? В синодальном переводе: Кто нас отлучит от любви Божией. В греческом тексте дается два варианта: Тоа Cristoa и тоа Yeoa. См. The Greek New Testament, Stuttgart, 1994. P. 542. Прим. к 8 стиху.

⁷ См. Кол. 1, 19–20: Благоугодно было Отцу, ...чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, кровью креста Его, земное и небесное.

христианской надежды является Крест Христов, который, хотя для иудеев соблазн, а для эллинов безумие, для нас, однако, Божия Сила и Божия Премудрость¹. Поэтому нужно всегда чтить это величайшее таинство Божественного милосердия в наших сердцах со всяческим почтением, надлежащим ему, а сейчас оно требует более горячей любви и более чистого духовного взора, ибо все дело нашего спасения представляется нам не только возвращением времени, но также и текстом Евангельского чтения. Будем же чужды всяческих нечестивых мыслей, и ни нападки иудеев, ни насмешки язычников да не повредят непорочности здравого смысла тем, что не только смиренно, но также и величественно совершенное ради нас кажется невозможным для человека, либо недостойным Бога. И то и другое нужно принять, и в то и в другое надлежит верить, потому что ни один человек не может спастись без одного из них². Праведный и милосердный Бог не воспользовался правом Своей воли так, чтобы проявить для нашего обновления лишь силу благодати, но так как вследствие греха человек стал рабом греха³, то врачевание для больных, примирение для виновных и освобождение для плененных так было совершено, что законное осуждение было упразднено праведным деянием Освободителя. Ведь если бы только Божество пострадало за грешников, то победила бы не столько премудрость, сколько всемогущество, и, наоборот, если бы только смертная природа действовала от лица всех падших, то не освободилась бы от своей участи, потому что не была свободной по причине рождения⁴. Поэтому следует верить, что и Бо-

¹ См. 1 Кор. 1, 23–24: Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие, для нас же самих призванных, иудеев и эллинов, Христа, Божию силу и Божию Премудрость.

² Вера в Боговоплощение как ипостасное единение божественной и человеческой природ является основополагающей в христианском вероучении. Спасение человечества, по мысли святителя Льва, возможно было лишь при участии Бога, воспринявшем в свою ипостась человеческую природу, о чем он и говорит в следующем абзаце.

³ См. Ин. 8, 34: Всякий, делающий грех, есть раб греха.

⁴ Эту же мысль святой Лев высказывает и в *De Passione* XII, 1: «Всемогущество Сына Божия, равное по причине единой сущности Отцу, могло освободить человеческий род от диавольского владычества одним только повелением, если бы Божественным деянием более всего не приличествовало, чтобы немощное противостояние врага было побеждено тем, чем он некогда победил, и свобода была бы восстановлена через ту природу, через которую вошло всеобщее порабощение» (Col. 353), а также в *De Passione* XIX, 3: «Если бы Слово не стало плотью, и не было единства обеих природ столь нерушимым, что Воспринявший не разлучался с воспринятым и на короткое время, то не смогли бы смертные вернуться к вечности» (Col. 382).

жественная и человеческая природы сочетались во Единого Господа Иисуса Христа, чтобы через Слово, ставшее плотью¹, рождение и страдание нового человека помогли нам, смертным.

2. Мы поклоняемся Сыну Божию и в Его могуществе, и в наших немощах и не стыдимся креста Христова, не сомневаясь среди пустословия возражающих ни в смерти Его, ни в воскресении, несмотря на то, что против Христа и ослепленные иудеи, поскольку не видят Божественного, и языческая мудрость, так как презирают человеческое: те клеветуют против славы Божией, а эти ни во что вменяют смирение. Потому что все, что для высокомерных является причиной неверия, нас направляет к вере и что у них является причиной стыда, у нас — основанием благочестия.

Господь, наставил учеников в том, чтобы они божественной молитвой боролись с предстоящим сильным искушением. Сам обращался к Отцу с молитвой Отца: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты»². Первое прошение немощи, второе — силы, это желает сообразно нашему, а то избирает сообразно Своему, ибо вряд ли Сын равный Отцу не знал, что все возможно Богу, или пришел в этот мир не по Своей воле, так что обнаружил неким смятением это противоборство различных произволений. Напротив, человеческое действие стремилось к Божественному могуществу, а Божественное — обращалось к состоянию человека³, чтобы явно было различие воспринятой и воспринимаемой природы. Низшая воля уступала высшей, и вскоре было явлено, о чем могло молиться естество, объятые страхом, и чего не должен был допустить врачующий. Ведь поскольку мы не знаем, о чем должны молиться⁴, то и для нас полезно, чтобы не было всегда по нашей воле, Праведный и благой Бог, отрекаясь⁵, явил милость, потому что мы стремимся к тому, что может повредить. Поэтому Бог троекратной молитвой укрепляет нашу волю и говорит ученикам,

¹ Ср. Ин. 1, 14: Слово стало плотью.

² Мф. 26, 39.

³ Речь идет об общении свойств божественной и человеческой природы. См. о том же: De Passione III, 2. Col. 319–320; De Passione XI, 2. Col. 350–351; De Passione XIII, 3. Col. 358–359.

⁴ Ср. Рим. 8, 26: Ибо мы не знаем, о чем молиться как должно.

⁵ Имеется в виду отказ от исполнения человеческой воли ради совершения воли божественной. См.: Мф. 26, 39: Отче, если возможно, да минует Меня чаша эта. Однако не как Я хочу, но как ты.

отягощенным скорбью: «Вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня»¹.

3. Когда Господь говорил это, ворвались те, о которых было предсказано, и для пленения Господа сбежалась толпа с мечами и кольями под предводительством Иуды Искаротского, который возглавлял злодеяние по преимуществу вероломства. Ему были оказаны всяческие почести, лишь бы какое-либо преткновение не выдало преступления. Воспламенившись духом того, кому добровольно служил, он обрел соответствующего своему замыслу покровителя. Справедливо предсказывал еще пророк: «Молитва его вменилась во грех»², — потому что и само обращение по совершении преступления было столь порочным, что даже раскаиваясь, он согрешил³. Сын Божий допускает до себя отряд нечестивцев и, что совершает неистовство, осуществляется властью Попустившего. Ведь таинством великого благочестия было то, что Христос подвергся незаконным преследованиям, и если бы Он отразил их, обнаружив власть и явив всемогущество, то проявил бы только Божественную природу, но не исцелил бы человеческую. Всем, что оскорбительно и дерзко причинили Ему безумные священники и народ, омывалось наше бесчестие и приносилось удовлетворение за наше преступление, ибо природа, бывшая в нас всегда виновной и плененной, страдала в Нем свободно и без вреда, так как для упразднения греха приносит Себя в жертву такой Агнец, Которого объединяет со всеми телесная сущность и отделяет духовное происхождение.

На сегодня, возлюбленные, вам достаточно услышать и это. Остальное пусть будет отложено на среду, чтобы я исполнил обещанное с помощью Господа Иисуса Христа, Которому честь и слава во веки веков. Аминь.

¹ Мф. 26, 45—46.

² Ср. Пс. 108, 7: Молитва его да будет во грех.

³ См. De Passione XI, 4: «Нечестивый предатель, даже умирая, согрешил, увеличив свое осуждение» (Col. 352).

СОДЕРЖАНИЕ

Протоиерей РОСТИСЛАВ СНИГИРЕВ БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ КАК ОСОБАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ДИСЦИПЛИНА	3
Н. И. ПРОЗОРОВА В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОСТИ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПОЗИЦИЯ Б. К. ЗАЙЦЕВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА 10	
Н. И. ПАК «ЖИЗНЬ С ДРЕВНЕЙ, СВЯТОЮ РУСЬЮ»: ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА	20
Митрополит Калужский и Боровский Климент СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ И РАСЦВЕТ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ НА АЛЯСКЕ	35
Иерей ВАСИЛИЙ ПЕТРОВ АРХИМАНДРИТ ЕФРЕМ И БРАТСТВО СТАРЦА ИОСИФА ИСИХАСТА	125
Архимандрит ЕФРЕМ ГЛАВЫ ОБ УМНОЙ МОЛИТВЕ	129
(Перевод с греческого священник Василий Петров)	129
Святитель ЛЕВ ВЕЛИКИЙ ПРОПОВЕДИ О СТРАСТЯХ ГОСПОДНИХ	137

(Перевод с латинского А. Король)137